

Мой ПРОФЕССОР

Р. С. ГРЕЙ

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Автор: Р. С. Грей

Название: «Мой профессор»

Серия: Вне серии

Перевод: Ари Мун (1-6гл), Юлия Ушакова (с 7гл)

Редактура: Ольга Зайцева

Вычитка: Алена Крутько

Обложка: Ленчик Кулажско

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

<https://t.me/stagediveplanetofbooks>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Молодая и наивная — вот то, что он говорит обо мне.

Профессор Барклай думает, что я — помеха, которая нарушает дисциплину в аудитории и его идеально распланированную жизнь. Такое мнение у него сложилось из-за недопонимания. И, когда плохое впечатление становится еще хуже, он решает превратить меня в пример для всех студентов. Девушки в аудитории хотят поменяться со мной местами, чтобы профессор обратил внимание на них. Это унижительно. Я не хочу заводить с ним каких-либо отношений, но, учитывая нарастающее напряжение, это неизбежно.

В глубине души я знаю, что влюблена в него. Это постыдное чувство, которое хочется пресечь на корню. В любом случае из этого ничего не выйдет. Мы ненавидим друг друга, он мой профессор, а разница в возрасте у нас солидная.

Но однажды мы почти переходим черту. Темный взгляд в тускло освещенном баре, звук закрывающейся за нами двери туалета... Его рука поднимает мою юбку. Знаю, что эту границу я перейти не могу. Сейчас он готов переступить черту.

Спустя четыре года я пришла в его компанию в качестве сотрудника. И убедила себя, что он не помнит меня. Мне нечего бояться в логове волка. Смешно, правда? Мы можем внушить себе любую мысль, если этого хотим достаточно сильно.

Ничего не изменилось.

Между нами все те же разногласия. Я все еще отвожу взгляд, когда вижу его холодные голубые глаза. Иногда мне кажется, что разница только в том, как я ему отвечаю.

Никаких «да, профессор», ведь он мой новый босс.

Он ожидает, что я скажу кое-что другое — «да, сэр».

Глава 1

Джонатан

Сегодня явно не самый лучший день.

На самом деле он выдался настолько плохим, что его можно назвать «абсолютным дерьмом».

Все началось с малого: я ударился пальцем о кровать. Конечно, это было мучительно, но я выжил. И когда решил сделать яичницу на завтрак, холодильник порадовал меня пустой коробкой. Винить в этом мне стоило только себя. Конечно, моя домработница ходила за покупками, но только если я составлял список.

Пока я пытался найти что-то съедобное в кладовке, позвонил мой бизнес-партнер. Он пожаловался на бюрократию и проблемы с зонированием. Из-за этих неурядиц придется приостановить наш проект в Амхерсте еще на шесть недель. И вот теперь я стою на обочине и слушаю какого-то парня. Он пытается объяснить мне, почему в том, что он врезался в заднюю часть моей машины, виноват я.

— Чувак, не нужно было так давить на тормоза! — говорит он, разводя руками.

Я даже не пытаюсь спорить с мальчишкой. На его лобовом стекле заметны трещины. Он явно отвлекается, когда находится за рулем. Наиболее вероятно, что авто разбито. На моем все еще можно ездить, но заднее крыло свисает. Кроме того, нужно дожидаться полицию, чтобы они составили протокол об аварии.

Эта цепь событий, черт возьми, невероятна.

Солнце печет голову, а я в сотый раз смотрю на часы. Судя по всему, я опаздываю на лекцию. На утреннее собрание факультета тоже не удастся попасть. Да, это в любом случае трата времени, но это мой принцип. Я никогда не пропускаю встречи. И никогда не опаздываю на свою десятичасовую лекцию в Дартмунде.

Так уж вышло, что сегодня первый день осеннего семестра, поэтому скоро аудиторию заполнят ожидающие меня студенты. Я дергаю воротник рубашки и сильно злюсь, но стараюсь держать себя в руках.

— Ты вообще меня слушаешь?! Это ты виноват, придурок!

Я наконец переключаю все свое внимание на мальчишку, и он нервно отступает назад. Возможно, он только сейчас понял, с кем имеет дело, а может, его что-то напугало в моем выражении лица. В конце концов, он решает сделать что-то умное и затыкается.

Нужно было воспринимать «встречу» пальца с кроватью как предупреждение и никуда не идти сегодня.

Проходит еще час, прежде чем я возвращаюсь на трассу. Эвакуатор везет мой автомобиль назад, в Бостон, страховая работает над обращением, а остальной путь до Ганновера я преодолеваю на арендованной машине. В дороге массирую свои виски.

В нормальный день (читай: не сегодня) у меня много работы. Моя архитектурно-консервационная компания открылась недавно, поэтому предприятие требует много внимания и заботы. У меня есть деловой партнер, который берет на себя половину работы. Даже учитывая это, я не успеваю все. Даже могу приковать себя к столу в «Banks and Barclay» и работать от рассвета до заката семь дней в неделю, но и при таких обстоятельствах осилить весь объем не получается. Отчасти — потому что я перфекционист, отчасти — потому что мы расширяемся довольно быстро. На последних выборах власти Бостона утвердили пакет инфраструктурных инициатив. Часть из них позволяет направить средства налогоплательщиков на реставрационные работы в городе. За многие из этих проектов взялась моя компания. За последние два месяца мы наняли двенадцать людей и столько же уволили. Мне приходится попрощаться с тремя ассистентами, двумя дизайнерами САПР, геодезистом и руководителем проекта из-за того, что они не выполняют работу на должном уровне. Не терплю лентяев и некомпетентных

людей в моей компании. Я не хватаюсь за человека и не даю вторых шансов. Слишком многое поставлено на карту.

Можно было бы отказаться от работы в академии и облегчить ношу, но я этого не сделаю. Веду только один предмет в Дартмуте два раза в неделю, по вторникам и четвергам. Я учился на четвертом курсе. Сначала декан архитектурной школы уговаривал меня согласиться на эту должность. В тот момент я только получил Притцкеровскую премию за сохранение Вашингтонского национального собора. Однако я не знал, в каком направлении двигаться дальше, компания еще не существовала. Тем временем Дартмут хотел вдохнуть жизнь в программу, которая все еще уступала такой же в Йельском университете, Гарварде и Массачусетском технологическом институте. В Дартмуте думали, что я смогу это исправить.

И я сделал. Я уже несколько лет преподаю, предмет не требует много усилий. Мои ассистенты планируют время, проверяют работы студентов в соответствии с моими критериями. Я всегда вкладываю душу в темы и увлечен предметом. Именно поэтому сейчас и терплю этот ад.

— Жалко твою машину, — говорит водитель арендованного автомобиля, привлекая мое внимание. — Видел, как ее забрали. Хорошая тачка. — Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида. Мужчина заговорщически улыбается. — Держу пари, ты с ней много девчонок закадрил, а?

Я пытаюсь уклониться от разговора, как бы говоря *«я тебя услышал, но продолжать разговор не хочу»*.

— Девушка есть?

Продолжаю массировать виски и размышляю, что в моем поведении заставляет этого парня думать, что я хочу поболтать.

— Нет девушки.

— Не вини в этом себя. Моя малышка вернулась домой. Та еще штучка...

После всего того, что я пережил с утра, судьба могла бы сжалиться и послать молчаливого водителя. Однако приходится ехать с *этим*.

Я не перебиваю, когда он начинает бубнить. Вдруг звонит телефон. Снова бизнес-партнер.

Подняв трубку, я бросаю милое и отрывистое «что?».

— ...этим придуркам из совета по планированию плевать, что мы *уже* подали запрос на работы с тротуаром, который нужно убрать... — Кристофер уже начал говорить.

— Позвони Джоан. Обычно они ее слушают.

— Этот вариант уже попробовали! Когда будешь в офисе?

— Не раньше двух, если повезет. Из Ганновера буду возвращаться на поезде.

— Поезд? Это шутка? Почему?

— Час назад на I-93 в меня врезался парень. Я до сих пор на пути в Дартмут.

— Боже! Чертов день! — Кристофер выходит из себя. — Вот кого мы разозлили? Кто нас проклял? Может, пригласить шамана, чтобы очистил офис? — слышу вздох. — Почему бы тебе просто не вернуться на машине в город?

— Я бы мог, но... — прочищаю горло и вежливо умалчиваю о том, что в поезде не будет надоедливого водителя. Будто по сигналу, мужчина за рулем говорит:

— Сэр, кажется, бензин заканчивается. Нам остановиться на заправке или...

— Или что? — я давлю на него, чтобы он посмотрел на ситуацию моими глазами. Что «или»? Мы остановимся на трассе из-за того, что закончится бензин?

— Точно, да, — кивает он. — Я остановлюсь и заправлюсь.

— Кристофер, давай позже... — *пока я не сошел с ума*.

Я кладу трубку и смотрю на часы.

Десять минут до начала занятия.

Десять.

Дерьмо.

Глава 2

Эмелия

В день моего первого занятия в Дартмуте я сижу в аудитории и занимаюсь своими делами. Последние два года я успешно выходила на идеальный средний балл и чувствовала себя уверенно и воодушевленно перед началом нового семестра. Я буду много работать и сосредоточусь на учебе. Никаких отвлекающих факторов, никаких...

Моя лучшая подруга садится на стул рядом и задевает меня плечом, заставляя прервать внутренний монолог.

— Уф, извини.

Соня извиняется, делая щенячьи глаза, они прелестны, как и все в ней. Эта круглолицая рыжеволосая девушка со светлой кожей и замечательными карими глазами совсем не понимает, что нарушает мое личное пространство. Мы живем в одной комнате с первого курса. Все это время она игнорирует мое личное пространство, разбрасывает вещи, одалживает одежду не спрашивая. Однажды я поймала Соню на том, как она использовала мою зубную щетку. Меня чуть не вырвало. Судя по реакции, ей это странным не казалось.

— О боже, я так волновалась. Честно говоря, не думала, что успею к началу шоу. Я общалась с баристой в Starbucks. Он всегда пытается пофлиртовать со мной.

— Да, я была там и все видела. Соня, бедный парень просто принимал у тебя заказ.

— Ты же слышала, как он это говорил: «Что я могу вам предложить?». И все это хрипловатым голосом. Боже, парень, помедленнее.

— Ты невыносима.

— Я возбуждена. Между этими состояниями есть разница.

Студенты на местах перед нами ерзают на стульях, некоторые с любопытством оглядываются назад. Соня, ничуть не смущаясь, машет им пальцами.

— Ты распечатала слайды для лекции? — спрашиваю я, зная ответ.

— Конечно, нет. А еще у меня нет ручки.

— Скажи честно, как ты попала в это учебное заведение?

Она изображает, как делает минет, и я невольно смеюсь. Конечно, это шутка. Соня — одна из самых умных людей, которых я знаю. Она капризная, легкомысленная, плохо подготовлена к лекциям, но при этом умная. У Сони есть стипендия.

— Так ты захватила запасную пару трусиков? — шепчет девушка, наклонившись ко мне.

— Нет, — я глубоко вздыхаю, чтобы показать, что этим утром потакать ей не собираюсь. — В отличие от тебя, я могу себя контролировать.

— Правда? Ты поэтому в прошлом семестре поставила будильник на четыре утра, чтобы записаться на это занятие?

— Эта лекция нужна для моей специальности, — настаиваю я, выпрямляясь и аккуратно раскладывая конспекты на столе. Демонстрирую идеальную осанку, но Соню это не убеждает.

— Ты здесь по той же причине, что и все мы, — не впечатленная этим подруга закатывает глаза.

Она обводит рукой всю аудиторию, но я уже знаю, на что Соня намекает. Соотношение девушек и парней здесь смехотворно. Оно составляет 90:10. Причина не в том, что парни гораздо меньше интересуются консервированием памятников архитектуры, дело в том, что места на лекциях по этому предмету быстро заполняются.

О профессоре Барклае знают все студенты Дартмута. Факты: он гений с Притцкеровской премией и множеством публикаций в портфолио. При этом ему тридцать два. Правда, о нем ходит много лживых слухов: говорят, он потомок шведских

аристократов, в конце двухтысячных был моделью для Ральфа Лорена и встречался с Натали Портман.

— Я здесь потому, что этот предмет пересекается с темой моего дипломного проекта.

— Отлично, — кивает мне Соня. — Это прозвучало почти что искренне. Значит, ты хочешь пройти через это? Попросишь его быть твоим консультантом?

— Точно. Планирую поговорить с ним после лекции.

На кафедре есть всего несколько профессоров, чье направление совпадает с темой моего проекта. Профессор Барклай случайно оказался одним из них. Соня сказала бы, что это не совпадение, но что она вообще знает?

Я подготовила небольшую речь и все остальное. Мой краткий рассказ о проекте точно его впечатлит.

— Не верю, что все присутствующие зарегистрировались на лекцию, — Соня разворачивается, чтобы окинуть взглядом аудиторию. Я соглашаюсь.

— Я пришла на двадцать минут раньше начала, а передняя половина уже была занята.

Предмет профессора Барклая обязателен для старшекурсников, но лекции могут посещать и другие студенты, которым, как например Соне, нужен факультатив.

— Популярность профессора Барклая не знает границ, — говорит она, шевеля бровями.

Несомненно.

Уже прошло десять минут с начала занятия. Он должен начать выступление. Если бы это была лекция другого преподавателя, студенты уже негодовали бы. Но здесь это только усиливает предвкушение, пока дверь аудитории не открывается, и студенты переводят взгляд на вошедшего. Толпа сразу же замолкает, когда появляется герой дня.

Начинаю его рассматривать. Мое тело окрашивается румянцем, словно я приняла горячий душ. На самом деле, я удивлена тому, что слухи о нем правдивы. Хотя они не отражают всю картину.

Он не похож ни на одного профессора из тех, кого я знаю. Никакого твидового пиджака. Никаких усов в стиле семидесятых. Никаких складок, торчащих на уровне живота. Этот мужчина... чертовски хорошо выглядит.

— Боже, — шепчет Соня, наклонившись ко мне.

Профессор Барклай уверенными шагами направляется к кафедре в центре аудитории. Я пользуюсь этим, чтобы рассмотреть в нем каждую деталь, хоть и не должна так поступать. С такого расстояния не могу рассмотреть его глаза, к сожалению, но густые волосы теплого каштанового цвета уложены так, чтобы подчеркивать черты лица профессора. Его челюсть почти что непристойно красива, особенно в сочетании с ямочкой на подбородке. Он — настоящее совершенство, не хуже Супермена.

Только рассмотрев все это, я поняла, что он хмурит густые брови. Мужчина бросает кожаную сумку рядом с кафедрой и начинает логиниться в компьютере. В процессе, не поднимая глаз, он начинает говорить отрывисто и нетерпеливо.

— Прошу прощения за позднее начало. Я — профессор Барклай, буду читать лекции по истории и философии сохранения исторических памятников. Курс исследует ценности и этику охраны природы и сохранения городской среды. Это позволяет создать основу для суждений и решений в строительных проектах. Программа курса включает вопросы, связанные с традициями и инновациями, а также мы изучим различные виды сохранения памятников архитектуры, например, частная реставрация, адаптация для современного использования и консервация.

Он заканчивает речь печальным вздохом, так как компьютер не торопится пускать его в систему. На мгновение профессор сдается, опирается руками на кафедру и поворачивается к аудитории, наконец посмотрев на нас.

У меня перехватывает дыхание.

Клянусь, мы все склонились к нему.

— Курс предусматривает три лекционных часа в неделю. Мы будем встречаться в этой аудитории каждый вторник и четверг в десять часов. Детали и структура курса изложены в программе, с которой вы можете ознакомиться в свободное время. Однако хочу пояснить, что ваша оценка будет складываться из трех экзаменов и одной курсовой работы. Каждая будет оцениваться в двадцать пять процентов. Я не буду учитывать посещаемость. И не буду давать домашнее задание. Успевать за темпом или отставать — это ваш выбор.

Компьютер наконец позволяет профессору войти в систему. Он вставляет флешку, находит нужный файл и открывает слайды. Затем начинает лекцию.

— Как многие из вас знают, сохранение исторических зданий играет важную роль для американского общества. Подумайте об Эмпайр-стейт-билдинг, Белом доме, музее Гуггенхайма — эти здания известны во всем мире, они составляют основу идентификации нашей нации. Почему так важно сохранить их? Как мы можем использовать исторические здания для служения окружающим их сообществам? На этой лекции мы узнаем, как архитектура позволяет помнить прошлое и заложить основу для более стабильного будущего.

Он отходит от кафедры и, переключая слайды, просматривает список знаменитых зданий. В этот момент он углубляется в дискуссию о том, как здания могут служить талисманами, преображая пространство вокруг и превращая груды камней в священную икону.

Его лекция настолько интересна, что только через пятнадцать минут я понимаю, что ничего не записала.

— Черт, — шепчу я себе под нос, и студенты вокруг смеются над моим не очень тихим ругательством.

Пытаюсь быстро записать несколько последних важных деталей. Когда я снова поднимаю взгляд, прервавший лекцию профессор Барклай смотрит на меня.

Голубые, наконец поняла я. Его глаза цвета льда.

Долгое, мучительное мгновение он не сводит с меня взгляда, а я не делаю ни единого движения.

Затем он подходит к моему сектору, и сердце уходит в пятки.

— Мисс... — начал он, ожидая, когда я скажу свою фамилию.

— Мерсье, — я говорю это так тихо, что приходится повторить это еще раз, чтобы он меня услышал. — Мерсье.

Очевидно, его терпение ко мне иссякает, потому что он сужает глаза.

— Мисс Мерсье, увы, Вам придется стать примером для аудитории, — он обводит взглядом комнату. — За относительно короткий промежуток времени нам нужно охватить много материала. Каждую неделю мы будем прорабатывать по главе «Богатого наследия» Майера и «Сохранения истории в Америке» Хейвуда. Если Вы хотите сорвать лекцию... Или хотите потратить мое время впустую... — профессор делает паузу, чтобы посмотреть на меня, создавая чувство, что земля уходит из-под моего стула. — Предлагаю избавить нас от подобных инцидентов и оставаться дома.

Это недоразумение. Он думает, что я разговаривала на лекции. Технически это так, но это было всего одно слово.

Впрочем, я знаю, что лучше не спорить. Киваю и принимаю свою судьбу, пытаюсь игнорировать сочувствующие взгляды студентов.

Это униительно.

Я переключаюсь на свои заметки, пока сердце бешено колотится в груди. Мне кажется, что у меня горят щеки.

До конца лекции я едва ли могу сосредоточиться. Занятие профессора, кажется, тянется бесконечно, и я сижу на своем месте, пытаюсь сдержать продолжающуюся волну смущения. Это чувство заставляет меня ерзать на стуле. Не могу поверить, что такое произошло в первый день. Со мной! Он не понимает, с кем имеет дело. Я отличница и

весьма неглупая студентка. Серьезно отношусь к учебе. И самостоятельно ее оплачиваю. Хорошо, технически, это деньги банка, что даже хуже.

Я должна это как-то исправить.

Прихожу к выводу, что не нужно отступать от плана. После лекции я подойду к нему и все объясню, он извинится, мы посмеемся, и все. Когда я попрошу его стать консультантом для моего проекта, он будет польщен, и, конечно, согласится. Все мужчины любят, когда кто-то тешит их эго.

В конце занятия он напоминает о необходимости прочитать нужные главы к четвергу, отключает проектор и начинает собираться. Студенты следуют его примеру. Я не тороплюсь, радуясь, что перед остальными занятиями у меня будет перерыв.

— Черт возьми, он обратил на тебя внимание, не так ли? — Соня обратилась ко мне. — Вся эта чушь о том, что он хочет сделать из тебя пример. Знаешь, что? Из меня он может делать пример, когда захочет. — Я не поддаюсь на ее поддразнивание, и она продолжает. — Честно говоря, мне показалось, что ты его немного заинтриговала.

— Заинтриговала? — я попятилась назад.

— Да. Я имею в виду тот момент, когда он посмотрел на тебя в первый раз... Клянусь, что-то такое было в его взгляде. Ты не заметила?

— Гнев. Вот что ты увидела.

— Ребята, тсссс!

Мы обе поднимаем глаза с того места, где собираем вещи, и видим, как наша подруга Аннет быстро идет по проходу, чтобы присоединиться к нам.

Когда девушка подходит ближе, Соня визжит и обхватывает ее руками, чтобы торопливо обнять.

— Я и не знала, что ты записалась на эту лекцию.

— Меня включили из списка ожидания в последний момент. Ты можешь поверить в такую удачу?

— Как насчет удачи Эмелии? — говорит Соня, кивая в мою сторону. — Видела, что произошло?

— Это был напряженный момент, правда?!

Да, так и есть. А еще это один из худших инцидентов в моей жизни здесь, в Дартмуте.

— Ходят слухи, что он холост, — добавляет Аннет, играя бровями.

— Да! Идеально! — моя подруга хлопает в ладоши. — Эмелия зайдет туда, куда еще ни одной студентке не удавалось зайти. Аннет, где у тебя следующее занятие? Давай прогуляемся и составим план.

В этот момент я почти не слушала их, ведь снова переключила внимание на центр зала. Очевидно, что профессор Барклай торопится. Он уже направился к двери. Однако его остановила улыбающаяся студентка со светлыми волосами. Она приблизилась к нему на пару дюймов ближе, чем необходимо.

— Мне нужно задержаться на секунду, помнишь? — говорю я, уже направляясь к центру аудитории. Мне необходимо действовать быстро, иначе я упущу шанс. — Увидимся позже.

Когда я прокладываю путь сквозь толпу идущих в противоположном направлении студентов, нервы начинают сдавать. Разговор с любым профессором пугает, но здесь все гораздо хуже. Любой может подойти к дедуле, преподающему английский первокурсникам. Но профессор Барклай...

Я подхожу ближе и напоминаю себе, что он просто человек, тот, кто искренне заинтересован в своем предмете, и он просто был раздражен, думая, что я не воспринимаю лекцию всерьез. Это все. Ничего личного.

— Я была бы очень признательна, — говорит блондинка, как только я оказываюсь рядом. — У меня уже есть тема, представляющая интерес.

— Хорошо. Свяжитесь со мной по почте, и мы договоримся о встрече, чтобы обсудить ее и перейти к делу.

Она сияет от радости и наклоняет голову, скрывая румянец. Наверное, его раздражает постоянное хихиканье студенток.

После разговора с девушкой он уже готов пройти мимо, к двери, но я протягиваю руку и касаюсь его.

— Профессор Барклай.

Он дергается и явно испытывает дискомфорт от того, что произошло. Я немедленно опускаю руку и только спустя мгновение осознаю свою ошибку. Профессор оборачивается, черты его лица становятся ожесточенными после того, как он понимает, что это я не позволила ему уйти.

Боже милостивый.

Мой взгляд на него завораживает, но кажется ничем по сравнению с этим. Немного подняв голову, я смотрю на лицо, напоминающее лик падшего ангела. Мой мозг, который раньше не был склонен мыслить романтично, сейчас понял — самое время начать: «Достаньте скетчбук, которым вы никогда не пользовались, и начните рисовать, потому что это то лицо, которое вам захочется запомнить».

Печально, что я не могу оценить его красоту в полной мере, особенно учитывая то, что он ждет, пока я заговорю.

— Мисс Мерсье, — он подталкивает меня к началу разговора.

— Эмелия, — я робко улыбаюсь в надежде растопить лед между нами.

Но ситуация только усугубляется, когда он опускает взгляд на свои часы Patek Philippe с серебряным циферблатом и черным кожаным ремешком. Я узнаю эту марку только потому, что видела у одного актера такие же. Он снимался в фильме о Джеймсе Бонде. Неважно, что актер играл роль злодея.

— Эм... Я просто хотела воспользоваться моментом и уточнить, что я не разговаривала во время вашей лекции. Я...

— Мне нужно быть в другом месте, — его челюсть дергается.

— Оу, ладно, — жар расходится по моей шее и щекам. — Я не задержу вас надолго. Это всего лишь...

Он прочищает горло и отводит взгляд.

Точно. Дерьмо. Все идет хуже, чем я предполагала. Поэтому отказываюсь от намеченного плана и решаю перейти к самому актуальному вопросу.

— Я хотела спросить, не могли бы Вы выделить время для встречи по поводу моего дипломного проекта?

— Нет, — говорит он в то время, когда я продолжаю. — Пока что я не имею права консультировать.

Так как мы говорим одновременно, моему мозгу нужно чудовищно много времени, чтобы осознать, что меня отвергли.

— «Нет» означает, что у вас нет времени на встречу? — спрашиваю я с надеждой в голосе.

— Нет, в этом семестре я больше не консультирую студентов старших курсов.

Я хмурюсь в замешательстве и указываю туда, где только что стояла блондинка.

— Но мне показалось, что я слышала, как Вы договаривались об этом с другой студенткой.

Это ему не нравится. Его голубые глаза прожигают меня, когда он смотрит вниз и ждет, что я придумаю что-то лучше, чем признание в подслушивании.

— Я просто предположила, что речь шла об этом...

Хотела бы я засунуть себе в рот кулак. Потому что загнала себя в огромную яму, а выбраться из нее мне не удастся.

В этот момент я бы хотела услышать звон будильника, который пробудит меня от сладкого сна. «Ох, какой кошмар мне приснился. Вы можете себе это представить? Я опозорилась перед своим профессором после первой же лекции. Черт!».

Но это не сон, и нет ничего, что сможет исправить эту катастрофу.

— Что-нибудь еще, мисс Мерсье?

Я качаю головой, не находя слов. Затем он поворачивается, открывает дверь и позволяет ей с грохотом захлопнуться за собой.

Глава 3

Джонатан

У таких занятых людей, как я, остается не так много времени для социальных контактов вне работы. В последние годы я полагался на старые знакомства, легкие связи и отношения без обязательств. Хотя в последнее время и это отошло на второй план. Вне работы я дистанцировался от них.

Но кое-что еще остается. Одна постоянная связь.

Прошлой осенью я сидел в своем небольшом помещении в Дартмуте, готовясь к лекции. В какой-то момент поднял глаза и увидел девушку, сидящую прямо перед моим окном. Она сидела с вытянутыми вперед ногами на скамейке, прислонившись спиной к изогнутому подлокотнику. На коленях у нее лежал учебник, а в руке девушка держала кружку кофе.

В этой сцене нет ничего необычного. Студенты находят места для учебы по всему кампусу, и я никогда не обращаю на это внимания. Мне нужно было отвернуться и сосредоточиться на лекции, которая почти закончена, однако я этого не сделал.

Девушка сидела в одиночестве и ничего не подозревала, поэтому я смог хорошо рассмотреть ее из своего окна.

У нее были блестящие красные губы. Каштановые волосы подстрижены так, что короткие пряди не скрывают изящную линию подбородка. Когда она поворачивается, чтобы взглянуть через плечо, я начинаю рассматривать ее лицо детальнее. Большие карие глаза напоминают кошачьи. Ее нос маленький и торчащий. А полные губы по форме напоминали бантик.

Я смотрел на девушку дольше, чем следует. Она опьяняла, и я сразу понял, что дело не только во внешности. Студентка казалась противоречивой. Она похожа на ребенка с румяными щеками и свежим цветом лица, но все же, когда сильно хмурилась, смотря вдаль и о чем-то размышляя, казалось, что за привлекательными чертами скрывается не такая молодая душа.

Я наблюдал за тем, как она снова пытается сконцентрироваться на учебнике. Прикусывает нижнюю губу и, тяжело вздыхая, опускает ноги со скамейки и уходит.

Это так странно, наблюдать за ее уходом, словно смотрю на финальные титры фильма, который, я надеюсь, продлится еще какое-то время.

Особо не обращаю внимания на студентов в кампусе. Каждый семестр несколько человек обращаются ко мне за советом или консультацией. Конечно, как только оглашаются финальные оценки, запросы на рекомендательные письма льются рекой, однако за эти годы мало кто мне запоминается.

Тем не менее ни один студент до этого не кажется мне настолько любопытным, как эта девушка.

Я с беспокойством думаю, что это наша первая и последняя встреча. Однако проходит несколько недель, и она снова сидит на скамейке около моего окна, читает и ест круассан. На этот раз я не пытаюсь обманывать себя в том, что она меня не интересует. Сдвигаю монитор компьютера всего на несколько дюймов, чтобы он не мешал мне наблюдать за девушкой. На ней темно-зеленое платье, часть волос собрана в пучок. Она доедает круассан, безуспешно проверяет пакет на наличие остатков, а затем возвращается к учебнику.

Вот уже почти год она приходит к этой скамейке. Мне жаль, что я, скорее всего, пропускаю большую часть ее посещений этого места, ведь бываю на территории кампуса всего два раза в неделю. Но ловлю себя на том, что впадаю в отчаяние, когда не вижу ее

неделями. Мне по-прежнему о ней ничего не известно. Что за учебник она читает, как она пьет кофе, является ли она студенткой университета... Однако каждый раз, когда я поднимаю глаза и вижу ее, то будто чувствую толчок.

Вопреки здравому смыслу, когда бываю в кампусе, я начинаю ее искать. Ищу ее в кофейнях и столовых залах Дартмута. Я никогда не вижу ее нигде, кроме той скамейки, до сегодняшнего утра, когда во время лекции услышал шум, поднял взгляд и обнаружил ее в аудитории.

Ее зовут Эмелия Мерсье.

Видеть ее там — это вишенка на торте наполненного дерьмом дня.

Моя иллюзия была разрушена. Она не нимфа, не сирена, не мечта. А студентка одного из последних курсов, которая записалась на мои лекции.

Осознание реальности сильно поражает меня. Ее присутствие в моей жизни, каким бы незначительным оно ни было, оказалось важнее, чем я думал. В моей голове она является простым двухмерным персонажем, которого я могу поместить в любой сценарий, любую сцену. В тяжелый день мне хватает только одного взгляда на нее, чтобы настроение поднялось. Честно говоря, я уже близок к тому, чтобы чувства к ней стали глубже. Или же это не чувства. Надежда, влюбленность.

После занятий я возвращаюсь в Бостон на поезде и размышляю, стоит ли мне заказать штору для окна в моем кабинете в Дартмуте, чтобы закрыть вид на внутренний двор. В этот момент слышу мелодию телефона.

Моя мать звонит мне чаще, чем я ей, и я постоянно говорю себе, что нужно изменить это, но в результате этого не происходит.

Мама всегда начинает говорить быстро, будто знает, что мне дорога каждая минута.

— Ох, отлично, ты ответил. Обещаю, это не займет у тебя много времени, — так она начинает разговор.

— Все хорошо. Я еду в Бостон из Ганновера на поезде.

— Поезд? — ее голос звучит оскорбленно. — Почему не на своей машине? Или еще лучше, чтобы тебя вез водитель? У твоего отца потрясающий водитель, мы всегда пользуемся его услугами, когда едем на восточное побережье. Я могу позвонить его секретарше и попросить ее отправить тебе всю информацию.

— Все хорошо. Я ничего не имею против поезда.

— Я практически чувствую, как запах мочи обжигает мои ноздри во время нашего разговора, — усмехается она.

— Как мило.

— Ладно, хорошо, у меня нет никаких важных новостей, чтобы обсудить их с тобой, — мама вздыхает. — Просто в моем календаре была пометка «позвонить Джонатану», и вот я выполняю свои обязанности, как хорошая мать, коей и являюсь.

Я улыбаюсь и качаю головой.

Люсиль Барклай совсем не такая, какой ее видят окружающие. Посторонние люди могут сказать, что она сурова и холодна, но, честно говоря, моя мать чертовски умна, неистово преданна и одна из самых саркастичных и забавных людей, каких я знаю. Она научила меня готовить идеальный мартини в двенадцать лет: «Джонатан, нужно встряхивать, а не перемешивать. В этом доме мы следуем советам мистера Флеминга».

— Когда ты снова будешь дома? Я хотела бы тебя познакомить кое с кем. Кажется, она может родить много детей.

— Разве тебе недостаточно трех внуков? — я кашляю, чтобы скрыть смех. — Ты становишься жадной.

— Да. Нэнси О'Нил только что родила ребенка и никак не хотела об этом молчать. Ты должен был слышать, как она хвасталась этим в клубе. Недавно даже показала мне фото одного из своих детей, я еле сдержала выражение ужаса. Он похож на гремлину. Клянусь, когда я сказала, что это мило, она могла бы раскусить мою ложь. В любом случае, так как твоя сестра решила остановиться на трех малышах, ты — моя единственная надежда

превзойти Нэнси. Я могу прислать тебе фотографию той девушки, если хочешь. Она кажется милой. Может, немного тусклая, но, как я уже сказала раньше, у нее хорошее соотношение бедер и талии, и это то, что важно.

— Меня беспокоит то, что ты, скорее всего, не шутишь.

— Джонатан... Конечно же, я не шучу, — невозмутимо говорит она.

После этого мы оба смеемся, и меня накрывает волна тоски по дому.

— Я просто хочу, чтобы ты был счастлив и нашел свое место, — добавляет она после молчания.

У меня возникает щемящее чувство в груди от ее искренности, но, как человек, который никогда не заикливается на настоящих чувствах, я переключаюсь на другую тему.

— Ты будешь довольна, если я скажу, что устал и работаю слишком много? — съязвил я.

— Неужели это так важно? Все то, что ты делаешь?

— Я чувствую, что это так.

— Ты хотя бы оставляешь место для личной жизни? Твоей настоящей жизни? Того, чтобы, возможно, однажды найти девушку?

То место, которое оставалось, я посвятил девушке за окном... Эмелии или идее Эмелии. К сожалению, теперь я знаю, что эта дверь закрыта и опечатана.

Я вздыхаю, ощущая, как тяжесть этого дня ложится на мои плечи. Еще нет и половины второго. В Banks and Barclay я пробуду минимум семь — восемь часов.

— Мне нужно идти.

— Хорошо. Избегание — ключ к успеху. Я слышала, что рецепт счастливой жизни в том, чтобы работать день и ночь, а также любой ценой избегать любой общественной жизни. Ты же не хочешь в восемьдесят лет оглядываться назад и сожалеть, что очередную субботу провел не за рабочим столом.

— Намек понят.

Глава 4

Эмелия

Перед занятием в четверг я прокручиваю в голове наш с профессором Баркляем разговор не меньше пяти раз. Конечно, все было не так плохо, как я об этом думаю. Конечно же, мозг искажает воспоминания и делает их хуже, чем они были в реальности.

Прихожу к выводу, что нужно начать все сначала. На лекции я буду сидеть в одном из первых рядов, поджимать губы, делать важные заметки, не привлекая внимания профессора Баркляя. Все, кроме первого пункта. Когда я прихожу на несколько минут раньше, все места уже заняты, и это невероятно абсурдно. Ответственные за регистрацию не стали бы перегружать аудиторию. Они знают, сколько студентов здесь помещаются.

Я осматриваю зал в поисках Сони и взглядом нахожу ее в самом первом ряду рядом с Аннет. Она оглядывается, замечает меня и вскидывает руки, извиняющимся жестом пожимая плечами, будто говоря: «Я сделала все, что могла». Обращаю внимание на задние ряды, пытаюсь найти место на полу или у стены.

Протискиваюсь мимо двух девушек в углу, которые, судя по всему, сильно раздражены моим столь близким присутствием, но сейчас я больше ничего не могу поделать. Поэтому бросаю сумку на пол и достаю распечатанные слайды лекций.

— Какое занятие ты пропустила ради этого? — спрашивает девушка свою подругу.

— Я сейчас должна быть на органике, но профессор записывает лекции, так что потом посмотрю.

— Да, а у меня английская литература. Думаю, я пропустила тест, но кому не плевать. Подождите, что?

Я поворачиваюсь к девушкам и озвучиваю мысли прежде, чем подумать:

— Вы двое зарегистрировались на это занятие?

— Нет, — смеется ближайшая ко мне брюнетка с резкими чертами лица и небольшим количеством веснушек. — Мы поступили так же, как и остальные.

— Что ты имеешь в виду? — я хмурюсь.

— Половина студентов не зарегистрированы.

— Ты шутишь?

— Что я могу сказать? — она пожимает плечами, ничуть не беспокоясь о сказанном.
— Это интересное занятие.

— С горячим профессором, — добавляет ее подруга себе под нос.

Они задыхаются в порыве смеха, а я тем временем скриплю зубами, раздраженная неудачей. Делать заметки стоя почти невозможно, но если я сяду, то не смогу видеть центральную часть лекционного зала.

Профессор Барклай уже стоит на месте, его презентация подготовлена и транслируется на большом экране позади преподавателя. Ровно в десять он выходит в центр и начинает лекцию о консервации зданий, так как ее предыстория начинается с четырнадцатого века. Я делаю заметки так быстро и разборчиво, как только могу, а учебник в руках использую как планшет.

С моего места в конце зала профессора сложно услышать, и, что еще хуже, у незарегистрированных студентов нет такой мотивации следить за словами профессора, как у меня. Девушки рядом со мной разговаривают шепотом, посматривают в телефоны и начинают бессовестно фотографировать профессора Барклая. Я оглядываюсь, и девушка замечает меня, наклоняет телефон так, чтобы я могла видеть надпись.

«Папочка».

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, а после этого слышу свою фамилию из центра зала.

— Мисс Мерсье.

Страх останавливает меня.

Быть этого не может.

Конечно, мы это не повторяем.

Конечно, я не буду отрывать взгляд от телефона девушки, чтобы посмотреть на профессора Барклая, который сосредоточил на мне все свое внимание.

Мой желудок сжимается из-за беспокойства, когда я поднимаю взгляд. Конечно же, вся аудитория поворачивается, чтобы посмотреть на меня, вслед за преподавателем.

— Ваше поведение становится привычкой?

Девушка рядом со мной отодвигается, оставляя меня в одиночестве. Не то чтобы это имеет значение. Думаю, профессор Барклай даже не заметил, что я смотрела на него, а телефон держал совсем другой человек.

— Нам нужно кое-что прояснить, не так ли? — продолжает он резким тоном.

Затем обходит кафедру и берет деревянный стул, на котором лежали его вещи. Убирает сумку и ставит его в переднюю часть аудитории, прямо в центр напротив кафедры и проектора.

— Присаживайся.

— Везучая, — шепчет девушка с телефоном.

Нет. Не везучая. Совсем наоборот. Проклятая. Это предзнаменование. Один плохой эпизод можно было бы списать со счетов, но теперь еще и это? Он ни за что не поверит, что я дважды оказалась не в том месте не в то время.

Быстро собираю вещи, но из-за спешки роняю пенал на пол. Нет. Мои вещи на полу рассыпаны повсюду. На глаза наворачиваются слезы, и это только раздражает меня еще больше. Я не буду плакать из-за таких глупостей. Девушки рядом помогают мне собрать ручки и карандаши, пока профессор Барклай прочищает горло. Одна горячая слеза катится по щеке.

Боже, как же хочется провалиться сквозь землю.

Когда удастся собрать все вещи, я опускаю голову и иду в центр аудитории по проходу между рядами. Все студенты смотрят на меня, как на идущую навстречу жениху невесту.

Профессор Барклай стоит на месте, скрестив руки на груди, и я смотрю на него из-под мокрых ресниц.

Когда он видит меня вблизи, клянусь, на его лице можно увидеть тень раскаянья, которая вскоре исчезает.

Может, я просто хотела, чтобы это было так.

— С этого дня Вы будете сидеть здесь, — произносит он, указывая на стул. Я нахожусь рядом, поэтому он говорит тише, но из-за микрофона это слышит вся аудитория. — Думайте об этом, как о персональном месте.

Я сажусь на стул, как он и попросил, кладу учебник на колени и в течение всей лекции держу голову опущенной. Слушаю его, но не могу набраться смелости поднять глаза из-за страха, что он прочитает на моем лице все чувства.

Я презираю его. Вызывать меня вот так в центр и посадить на стул, как наказанного ребенка на переменке... Да кем он себя возомнил.

После окончания лекции я встаю со стула и пробираюсь к выходу еще до того, как большинство студентов закрывают ноутбуки и кладут их в сумки.

Почти подхожу к двери, но кто-то тянется ко мне и касается рукой. Это Соня, и на ее лице ухмылка. Покидая аудиторию, я совсем забыла о том, что они с Аннет были со мной в одном помещении.

— Вот это достижение! Он вытащил тебя прямо в центр.

Я хмурюсь и отворачиваюсь, но она все еще спешит за мной.

— Будто этого школьного буллинга было недостаточно. Сегодня он смотрел на тебя около миллиона раз. Черт возьми. Какое напряжение! Мне жарко.

— Я уверена, что если он и смотрел на меня, то только ради того, чтобы убедиться, что я сижу на своем месте, конспектирую и больше не мешаю ему вести лекцию.

После этого я раздражена и снова пытаюсь удалиться, но Соня наступают мне на пятки. К счастью, у Аннет хватает ума не идти за нами.

— Знаю, что ты и близко настолько не помешана на парнях, как я, — продолжает Соня. — Вообще, ты встречалась с кем-нибудь после расставания с этим занудой Оуэном? Или это был Оливер? Ай, кому не плевать. Я думаю, ты можешь попытать удачу с профессором Барклаем.

— Соня, меня это не интересует.

— Так даже лучше! Я сомневаюсь, что он бы ухаживал за той, кто сильно хочет его получить. Ты знаешь, что он преподает уже четыре года и ни разу даже не отпускал шутки со студентами? Он абсолютно серьезен и всегда действует по правилам. Никаких улыбок. Никакого флирта.

— И?

— «И»?! Это такая потеря. Ты когда-нибудь вообще видела такого чертовски великолепного мужчину?

— Кому есть дело до его лица? Он отвратительно относится к людям, — я продолжаю, чтобы привести еще больше аргументов на случай, если это не сработает. — Если ты считаешь его таким привлекательным, то почему бы тебе самой с ним не встречаться?

Она указывает на меня пальцем и водит им вверх-вниз в воздухе.

— Если бы он был заинтересован во мне так же, как в тебе, поверь, я бы это сделала.

Я закатываю глаза и машу на прощание, оставляя Соню рядом с кабинетом, где будет проходить ее следующее занятие.

Разговор окончен.

Во всяком случае, мне хочется в это верить.

Во вторник впервые после инцидента с телефоном я прихожу на лекцию к профессору Барклаю. Отведенное мне место находится не там, где мне хотелось бы. Я вхожу в аудиторию, колеблюсь и на секунду задумываюсь, мог ли преподаватель забыть о своем

распоряжении или, возможно, просто не имел в виду того, что сказал. Однако затем наши взгляды встречаются, его бровь практически незаметно поднимается прежде, чем он несет стул именно туда, куда ему хотелось бы. Я вздыхаю, отхожу от Аннет и Сони и пробираюсь вперед, чтобы сесть на стул.

До начала лекции остается несколько минут. Позади меня студенты тихо болтают, но со своего места я могу видеть только профессора Барклая, который стоит сбоку от кафедры и что-то смотрит в телефоне. На нем приталенные темно-синие брюки и белая рубашка. Его часы поблескивают на свету, и я исследую гладкую линию мышц от запястья до рукава рубашки с манжетами. Я не знаю, почему мне так хочется смотреть на него. В моих мыслях он уже превратился в некое чудовище, разъяренного засранца, которому, я уверена, нравится меня унижать.

Я понимаю, что пялюсь на него слишком долго, только когда он отрывает взгляд от телефона и ловит меня на горячем.

Мне хочется быть сильной и смотреть на него, таким маленьким, незаметным образом бросая ему вызов, но, будучи легкой добычей, я сразу же опускаю глаза в пол. В такой позе на своем месте я почти что склоняюсь перед его ногами.

Четверг оказывается еще хуже, чем вторник. Одеваясь утром, я не думаю о профессоре Барклае или его предмете. Когда надеваю платье кроя «бэби-долл» с рукавами длиной три четверти, то делаю это только потому, что мне нравится его носить. Белоголубая ткань с цветами напоминает мне о платье, которое когда-то было у моей матери, то самое, что все еще лежит в сундуке с ее вещами, с которыми я не могла расстаться несколько лет назад.

Когда прихожу в аудиторию, то почти сразу понимаю, что моя одежда неуместна, ведь всю лекцию я буду сидеть. В обычных обстоятельствах, потерявшись где-то в средних рядах, в этом платье я осталась бы незамеченной. Среди студентов я была бы в безопасности, так как ноги и подол были бы скрыты. Однако, сидя на стуле, я не могу скрыть почти всю верхнюю часть бедер.

Слава Богу, когда я захожу в аудиторию, профессора Барклая нет на месте.

Я наклоняюсь, стараясь присесть, а не сгнуться, чтобы достать конспект, ручку и слайды с лекцией. Затем быстро сажусь, кладу учебник на колени вместе со слайдами и ручкой. Опускаю взгляд, пытаюсь отдернуть подол платья вниз и молюсь, чтобы вся аудитория не смотрела за тем, как я ерзаю на стуле. Я все еще тяну за юбку, когда профессор Барклай входит в боковую дверь, а солнце светит ему в спину.

Время для того, чтобы решить проблему с платьем, закончилось. Мне не хочется привлекать еще больше внимания к своему наряду, поэтому я сажу ноги вместе и скрещиваю лодыжки.

Я чувствую его тяжелый пристальный взгляд на своей шее. Это может быть просто мое воображение, а мой разум искажает реальность до худшего из возможных кошмаров, или это — шестое чувство, но я знаю, что он заметил мой наряд. Представляю, как он взглядом украдкой скользит по моим ногам, вдоль игр и чувствительной впадинки под коленями, по боковой части бедер, которые не удалось прикрыть учебником. Я ерзаю на стуле и скрываю дрожь, все еще смотря в пол. Если он смотрит и видит меня таким образом, то я не хочу об этом знать. Даже не хочу допускать, что он подумал, что это не случайность, а я, возможно, оделась так для того, чтобы вызвать у него какую-то реакцию.

Просто хочу выжить на очередной лекции профессора Барклая. Это все, на что я могу надеяться.

В следующий вторник, перед началом занятий, когда я сижу рядом с лекционным залом и читаю «Богатое наследие» Майера, прямо передо мной на пол опускается Соня, готовая продолжить разговор, к которому мы периодически возвращались после начала семестра.

— Ты занята? — спрашивает Соня. Она — настоящий сгусток энергии.

— Да.

— Это плохо, потому что я хочу кое-что тебе показать, — она расстегивает рюкзак, вытаскивает ноутбук и включает его. — Не поверишь, что я сделала.

Я хмурюсь, так как за время нашего общения поняла, что не доверяю Соне. Определенно, она не самая уравновешенная среди моих друзей. Но спонтанная, веселая, и, насколько я убедилась сейчас, весьма настойчивая.

— Это произведение искусства.

— Соня, я пытаюсь почитать материал перед лекцией, — я не поднимаю глаза.

— Отлично. Ты такая прилежная студентка. А теперь посмотри сюда.

Девушка поворачивает ко мне экран ноутбука, и на нем появляется фото в хорошем качестве, где мы с профессором Баркляем обнимаем друг друга. Одеты празднично: он в черном костюме с галстуком, а я — в серебристом облегающем платье. Выглядим как на ковровой дорожке какой-то церемонии награждения.

Моя челюсть падает на пол.

— Ты где это взяла? — шиплю я.

— Я это сделала! — восклицает Соня.

Она привлекает внимание ближайшей группы студентов, которые оборачиваются и видят изображение на экране ноутбука, прежде чем я успеваю закрыть его.

— Разве это не великолепно?! — продолжает подруга. — Что-то вроде реального воплощения того, что могло бы произойти, не будь ты такой занудой!

— Это действительно... пугающе, — я прищуриваюсь, пытаюсь рассмотреть все детали. Наши лица на фото немного размыты. В лучшем случае это делал ребенок. — Соня, это... Действительно, плохо.

— Ну, ты права. Хорошо. Я сделала это в каком-то дурацком приложении. Загружаешь фото лиц, и все остальное программа делает за тебя. Я занималась этим все утро, сохраняла свое фото с молодым Ди Каприо периода популярности «Титаника», и тут мне в голову пришла прекрасная идея показать тебе, насколько хорошо вы с профессором Баркляем будете смотреться.

Лицо преподавателя, которое она, скорее всего, взяла с фото на сайте нашего университета, смотрится до смешного крупным в сравнении с моим, а его кожа светлее, чем у человека, на которого она его «наложила».

— Чье это тело? — спрашиваю я, указывая на экран.

— Блейк Лайвли. Лицо профессора Баркляя я поставила на Райана Рейнольдса. Я думала, что они чем-то схожи.

— Да мы вообще на них не похожи. У меня не светлые волосы.

— Ладно, да, небольшая оплошность с моей стороны, но особого выбора в приложении нет. В конце концов, оно бесплатное.

— Ты могла хотя бы брюнетку выбрать?

— Знаешь, это не звучит как благодарность. Я от тебя не услышала ни единого «спасибо».

Я бросаю на нее взгляд, будто говоря: «Ты, наверное, шутишь».

— О, это потому, что я совсем не благодарна. Вообще, я не исключаю, что ты сумасшедшая. Тебе нужна помощь.

— Ты серьезно? — она оскорблена моими словами. — Это была тяжелая работа. Которая заняла почти десять минут. Мне пришлось просмотреть несколько твоих действительно тошнотворно-милых фото, чтобы найти подходящую для этого снимка. Она пододвигает ноутбук, чтобы я могла посмотреть на фото еще раз, но мне это не нужно.

— Мне удалось тебя убедить? — спрашивает она.

Тишина.

Она вскидывает руки.

— Вот как? Ты официально заявляешь, что это не катит? И не собираешься меня слушать? Просто продолжишь вести свою скучную жизнь?

— Да, — отвечаю я категорично.

— Какая огромная ошибка, — Соня закрывает ноутбук и засовывает его обратно в рюкзак. — Ты могла бы улизнуть с профессором Барклайем прямо сейчас, чтобы уединиться с ним перед лекцией.

Она не утруждает себя регулировкой громкости голоса, и я знаю, что ей даже не стоит об этом говорить. У моей подруги есть только один режим: громкий.

— В данный момент я не особо в этом заинтересована. Сейчас я пытаюсь заработать средний балл для поступления в аспирантуру, желательно на стипендию. Не думаю, что секс с профессором поможет мне в этом.

Двери в аудиторию открываются, и студенты начинают заходить. Я собираю вещи и встаю, после чего протягиваю руку, чтобы Соня пожала ее. Недовольно нахмурившись, она все-таки делает это.

— Извини, я больше не хочу приключений. Если честно, то от мысли о романе с профессором у меня начинает болеть живот.

— Думаю, я понимаю, о чем ты. Но по-прежнему уверена, что ты совершаешь ошибку, и теперь знаю, что ты безнадежна.

Я смеюсь, понимая, что в ее словах нет и капли сарказма. Она имеет в виду все то, что сказала. В мире Сони имеет смысл поставить под угрозу все свое будущее ради ночи с горячим профессором. Я бы никогда так не поступила.

— Покончим с этим раз и навсегда?

— Да, — Соня кивает. — Тема официально закрыта.

Мы заходим в аудиторию вместе, и подруга начинает рассказывать мне об одном сексуальном парне на ее лекциях по психологии. Я слушаю ее до тех пор, пока не бросаю взгляд на центр зала и не вижу профессора Барклая, который общается с несколькими студентами. В них я сразу узнаю тех студенток, которые стояли рядом с нами в коридоре... Те, кто увидел работу Сони до того, как я закрыла ноутбук.

Я чувствую, как румянец начинает заливать мое лицо.

Нет.

Это просто совпадение.

Это должно быть совпадение.

У них возникли вопросы по книге. Они хотят узнать, какие главы из прочитанных будут на первом тесте. ЧТО-ТО ТАКОЕ.

Профессор Барклай оглядывается через плечо, замечает нас с Соней, идущих по проходу, после этого кивает девушкам. Они расходятся и занимают места в первом ряду. Одна из них — симпатичная блондинка, в ней я узнала девушку, у которой профессор Барклай согласился быть консультантом, ехидно улыбается мне, прежде чем отвернуться. В этот момент я понимаю, что моя судьба предопределена.

Мне едва удастся успевать за Соней, которая совсем не понимает, что происходит. Она идет вниз, не задумываясь ни о чем, и рассказывает о парне-психологе. Тем временем профессор смерил меня взглядом, наполненным таким гневом, что я удивлена, как не растаяла на месте. Он жестом приглашает меня подойти.

Мне хочется развернуться и убежать, но ноги не слушаются.

Не успеваю оглянуться, как оказываюсь рядом с преподавателем. Неужели я действительно считала его привлекательным? Он пугающий.

— Мисс Мерсье, мне нужно встретиться с Вами и Вашей подругой в кабинете после занятия, — резко говорит он.

— Вы хотите обсудить...

Он пресек мою попытку исправить ситуацию здесь и сейчас.

— После занятия.

Глава 5

Эмелия

Кабинет профессора Барклая располагается в Рид-холле, в центре кампуса. Памятник архитектуры из белого кирпича находится рядом с зеленой зоной, а на лужайке полно студентов, наслаждающихся отдыхом после обеда. Люди бросают фрисби, распаковывают ланчи, а раскаты смеха дразнят меня, пока я иду прямо на место казни. Печали добавляет и то, что сегодня прекрасный осенний день.

Температура достигает семидесяти градусов по Фаренгейту, и все, чего мне хочется — это сесть на любимую скамейку, достать хорошую книгу и позагорать, как остальные студенты.

К сожалению, мне нужно появиться на одной встрече.

— Все будет не так уж и плохо, — заверяет меня Соня, пытаюсь улыбнуться.

Когда девушка видит мое лицо, ее улыбка исчезает.

Мы не торопились идти в кабинет Барклая. Даже задержались на занятии. Медленно собирали вещи. Зашли в уборную. Медлили. Тем не менее я не нашла ни одной причины, которая может помочь выйти из положения.

Рабочий кабинет профессора находится на втором этаже здания. Мы медленно идем по коридору, я позволяю Соне обогнать меня. Удивительно, но она ведет себя тихо — такое с ней случается редко. Она уже извинилась, но от этого я на нее меньше не злюсь. Для Сони это была не более, чем шутка, поддразнивание с помощью фотографии. Она не хотела причинить никакого вреда, и это то, что я готова сказать Барклаю.

Мы подходим к закрытой двери и стучим, но никто не отвечает. Я думаю, что, учитывая нашу медлительность, он уже ждет нас здесь, но нет. Рядом с дверью стоит деревянный стул, напоминающий тот, на котором я сидела в аудитории. Жестом предлагаю подруге сесть не него, а сама прислоняюсь к стене.

Из коридора доносятся голоса, но мы с Соней молчим.

Дверь открывается, и я слышу уверенные, смелые шаги человека, который направляется к нам. Напрягаю слух, но не могу заставить себя поднять взгляд. Если это Барклай, то я скоро узнаю об этом. Если не он, то мне повезло. Человек приближается, и я замечаю сшитые на заказ серые брюки и коричневые кожаные оксфорды. Запах его одеколона такой тонкий, опьяняющий... словно предупреждающий о чем-то.

— Я хочу поговорить с каждой из вас наедине. Мисс Мерсье, подождите здесь.

Соня встает и идет за ним. Я поднимаю взгляд только после того, как она заходит внутрь, и занимаю место подруги.

Где-то тикают часы.

Мои ладони потеют.

Желудок завязывается в тугой узел.

Я слышу их тихий разговор, но не могу разобрать слов. Во всяком случае, он не кричит на подругу, хотя, честно говоря, это не в его стиле.

Интересно, какое наказание он назначит Соне и что ждет меня?

Такое ощущение, что сижу под дверью кабинета, заламывая руки, в течение уже нескольких часов. Наконец, она открывается, и подруга проходит мимо. Я знаю, что сейчас лучше не пытаться с ней заговорить. Профессор Барклай следует за ней, придерживает дверь в ожидании, пока я зайду. Я быстро поднимаюсь, опускаю голову и протискиваюсь мимо него. Когда дверь за мной закрывается, по спине бегут мурашки. Я заперта в одной комнате с монстром.

— Полагаю, ты знаешь, почему я пригласил тебя сюда сегодня, — говорит преподаватель, и я, наконец, смотрю на него.

Его внешний вид напоминает о том, что он — не чудовище. А мужчина с короткими каштановыми волосами, пронизательными глазами и большими руками, на которых так привлекательно выступают вены. Он — человек, который раздосадован тем, что я оказалась здесь, в его личном кабинете. В сложившейся обстановке профессор кажется моложе, более человечным.

Я хотела бы ненавидеть его лекции. Было бы неплохо, чтобы он бесконечно бубнил, и от его подачи материала хотелось бы спать, но нет — во время занятий я сижу в аудитории и восхищаюсь.

И уже изучаю материалы наперед, читаю задания на несколько недель вперед и пытаюсь угнаться за ним. Я хочу научиться у него всему, что только возможно. Хочу гордиться собой и произвести впечатление на него.

— Фотография, — наконец говорю я, решив, что лучше говорить кратко, чтобы язык не доставил мне еще больше неприятностей.

Черты его лица омрачены разочарованием. Какой позор. Все, что он испытывает от общения со мной — это разочарование, раздражение, гнев. Хотя, наверное, так даже лучше. Смогу ли я пережить момент, когда он улыбнется?

Профессор массирует висок, обходит меня и усаживается за стол.

Положив руки на живот, я поворачиваюсь к нему лицом.

— Я хотел бы, чтобы Вы объяснили мне произошедшее.

Я сглатываю.

— Вы о фото? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Да.

— Ничего особенного. Соня... В смысле, это была просто шутка, — я не могу позволить ей взять на себя всю вину, даже если она этого заслуживает. — Она наложила наши лица на фото звезд.

Мне очень хочется, чтобы он нашел это хотя бы немного смешным, но он остается серьезным. Я стою в нескольких шагах от него, понимая, что он не предложил мне присесть. В его кабинете царят чистота и порядок. Позади преподавателя я замечаю полку, забитую книгами по архитектуре. Интересно, это из его личной библиотеки или он взял их в университетской?

Он молча смотрит на меня, и я понимаю, что профессор ждет подробности.

— Конечно, это было ненастоящее фото. Она просто попыталась сделать что-то смешное в этом дурацком приложении, которое нашла в интернете.

Мне кажется, я вижу, как дергается его челюсть.

— Почему на этом фото оказался я? — резко спрашивает он.

— Я...

Я не могу признать правду. И не скажу ему, почему Соня так поступила. Если я это сделаю, то умру прямо на этом месте. Поэтому я выбираю вариант для трусов.

— Я не знаю.

Он подается вперед на стуле, и я сглатываю.

— Попробуй еще раз.

В мыслях я стону, понимая, что простой вариант здесь не пройдет.

Соня, ты труп.

— Ладно... Хорошо... Как бы мне поделикатнее высказаться? Конечно же, Вы должны понимать, что, очевидно, не похожи на других профессоров в университете. Вы... — я чуть не говорю «привлекательный», но в последний момент решаю выбрать другое слово. — Молодой.

Кажется, он не понимает, к чему я клоню, поэтому мне приходится добавить:

— Поэтому все эти девушки приходят на Ваши лекции, хоть они и не зарегистрированы.

Наконец, он осознает все сказанное, и мне почти что жаль его. Ах, это ужасное положение страшно красивого человека.

— Когда Соня наложила Ваше лицо на тело знаменитости, она просто хотела пошутить. Уверяю Вас, в этом не было никакого злого умысла.

— Никакого злого умысла, — повторяет он, в гневе сжимая челюсть. — Хорошо. Что же, я скажу тебе то же самое, что сказал и твоей подруге. Может, для Вас это и шутка, но

такие шалости могут поставить под угрозу мое положение в университете. Слух — это идея, а идеи уничтожить трудно.

О боже, он действительно относится к этому серьезно.

Соня показала ему это фото? Он видел, как глупо и нереалистично оно выглядит? Я хочу рассказать ему об этом, но прикусываю язык. Вместо подобных комментариев просто говорю, что мы бы никогда этого никому не показали.

— Это фото было у нее только на компьютере. Она бы никому не отправила его и не показала бы.

— И все-таки другие студенты как-то его увидели и предупредили меня, — его голубые глаза наполнены гневом.

Я вздрагиваю от его язвительного тона.

Дело плохо.

— Я вынес предупреждение Вашей подруге. Однако у Вас это уже третье предупреждение, мисс Мерсье. В этом случае так дальше продолжаться не может.

Я знаю, что если заговорю, то мой голос сорвется.

Продолжаться...

Неужели это значит, что?..

— Как Вы можете продолжать посещать мои лекции до конца семестра? Кажется, Вы постоянно отвлекаете других студентов и становитесь помехой на моих занятиях.

Ой.

Я опускаю взгляд.

— Еще не поздно поменять предмет, — отмечает он, его тон совсем немного смягчается.

Значит, он хочет от меня избавиться.

Не могу его за это винить.

— Мне нужен этот предмет, — умоляю я шепотом. Эти четыре слова — все, что мне удастся выдать из себя. Мое горло слишком сильно сжимается от эмоций, которые я сдерживаю.

— Есть и другие предметы архитектурного направления, которые подойдут для Вашего курса, — говорит он, откидываясь на спинку стула так, будто моя судьба уже решена.

— Но ни один из них не похож на Ваш. Я хочу изучать консервацию объектов в аспирантуре. Мне нужно, чтобы предмет отражал мой интерес в этой области, — я заставляю себя еще раз посмотреть на него. — Пожалуйста.

Затем он начинает изучать меня, и я впервые вижу, что его лицо почти полностью расслаблено. В его голубых глазах я заметила мягкость.

Профессор Барклай, Вы — настоящее воплощение красоты.

— Профессор Лин будет вести этот предмет весной, — он отводит взгляд. — Вы можете посетить лекции в этот период.

Ах, вон оно что.

Он решает мою судьбу таким надменным образом, словно я для него ничего не значу. А являюсь лишь проблемой, которую нужно быстро устранить. Помеха, как он сказал.

Мужество, которое я раньше пыталась собрать в кулак, теперь наконец-то мне подчиняется. Я поднимаю плечи, выпрямляюсь, и наши взгляды встречаются в противостоянии.

— Это все? — когда я спрашиваю его, слова звучат едко.

Плохо... Хуже всего то, что демонстрация моей уверенности его даже не беспокоит. Он выглядит... Скучающим.

— Да, — он кивает и без особого энтузиазма машет рукой в сторону двери, будто не понимает, почему я до сих пор стою у него в кабинете.

В своей жизни я никого не ненавидела так сильно, как профессора Барклая прямо сейчас.

Я почти... Почти что показываю ему средний палец прежде, чем развернуться на каблуках и выйти из его кабинета. Я демонстративно оставляю за собой дверь открытой. Если он хочет, чтобы она была закрытой, пусть, черт возьми, встанет и сделает это сам.

Глава 6

Эмелия

Сегодня вечером должно быть весело.

В конце концов, сегодня мне исполняется двадцать один.

Мои друзья категорически отказываются проводить этот день без вечеринки. Я пытаюсь отказаться от этого. В ход идет отговорка о том, что у меня была плохая неделя (она и правда ужасная из-за моей встречи с профессором Барклаем во вторник), я притворяюсь, что у меня головная боль и домашнее задание, но это их не убеждает.

Мы собираемся куда-нибудь сходить.

Но хуже всего то, что мы собираемся сходить куда-нибудь в тематических костюмах.

Неудивительно, что Соня занимается разработкой плана и выбирает тематику вечера. Она унижается передо мной всю неделю, печет мое любимое печенье, покупает цветы и ставит их на тумбочку в моей комнате, при каждом удобном случае извиняется за произошедшее во вторник. Даже предлагает снова встретиться с профессором Барклаем, чтобы признаться во всем и объяснить, что фото было только ее идеей. Однако я не думаю, что это помогло бы. И не хочу посещать его предмет. Не могу представить, что когда-нибудь снова появлюсь в лекционном зале и сяду на этот деревянный стул. На самом деле, если бы у меня была возможность поджечь его, я бы ею воспользовалась.

Мой костюм ждет меня на краю кровати.

Это наряд школьницы, напоминающий костюм Бритни Спирс в культовом клипе «Baby one more time», но у Сони не получается найти точную копию. Вместо оригинала на кровати лежит укороченный белый топ на пуговицах и плиссированная юбка, оба предмета маленькие и вульгарные. Подруга хочет, чтобы я заплела волосы в косички, но должен же быть обозначен какой-то предел. Кроме того, на это нет времени.

Все остальные тоже потрудились над внешним видом. Соня — это Бритни в эру ее «Oops! I did it again», в красном костюме из спандекса. Аннетт надевает парик цвета пожарной машины и черный наряд доминатрикс, вдохновленный «Toxic». Сиджей, который воспринимает свою роль слишком серьезно, одевается как Бритни в клипе «I'm a Slave 4 U». Он входит к нам, одетый только в зеленый спортивный бюстгальтер, черные байкерские шорты и огромное боа, обернутое вокруг шеи.

— «Это Бритни, сучка», — фраза, которая произносится уже больше двухсот раз за вечер, а ведь мы еще даже не выходим из квартиры.

Все уже примеряют свои роли, сидя в гостиной и распевая песни во все горло.

Я здесь и надеюсь, что они забудут обо мне.

Со времени смерти матери мой день рождения становится просто еще одним днем в году, который кажется особенно печальным и депрессивным. Каждый день я готовлюсь к этому. Знаю, что день будет плохим, и пытаюсь настроиться на то, чтобы он оказался лучше, но каждый год терплю поражение. Я не хочу, чтобы все происходило вот так. Хотелось бы мне любить жизнь так же, как Соня. В ее мизинце энтузиазма больше, чем во всем моем теле, но в свою защиту хочу сказать, что моя жизнь в каком-то роде... печальна.

Раньше только мама звонила в мой день рождения, но она умерла, поэтому, кроме трех Бритни в гостиной, никто даже не догадывается, какой сегодня день. Если бы не они, день прошел бы незаметно. На самом деле это происходит всю мою жизнь. Это странное чувство — не иметь семьи. Технически семья у меня есть. Это... сложно. Родственники, которые у меня «есть», не из тех, кто будет звонить в день рождения. На самом деле, мы вообще не разговариваем.

Это не значит, что я не интересуюсь их жизнью.

Например, прямо сейчас я просматриваю соцсети моего брата Александра. До этого я заглядываю в профиль к Эммету. Это то, чем я занимаюсь время от времени. Жизнь братьев кажется мне невероятно увлекательной. В ней всегда бесконечное количество вечеринок, благотворительных мероприятий, гонки Формулы-1, лето в Дубае, зима в Аспене, весна в Париже, и мне сложно хотя бы осознать все это.

Я раздумываю об образе Александра на вечере по сбору денег, когда меня вдруг окружают друзья. Должно быть, они в сговоре, потому что Аннет вырывает у меня ноутбук, Соня хватается мой костюм, а Сиджей обхватывает руками и поднимает с кровати.

— Хватит валяться! Больше никакого уныния, Бритни. Пора выходить! Совершай ошибки! Фотографируйся! Веди себя в соответствии с возрастом!

— Кстати, об ошибках, — говорит Соня, протягивая мне ликер.

— Что это? — я морщусь.

— Не имеет значения, — она подносит бутылку к моим губам, и он обжигает, как ад, спускаясь в желудок. — Оденем тебя, а потом ты снова выпьешь.

— Вы решили надо мной поиздеваться?

— Именно так, — говорит Сиджей, размахивая своими неоновыми ногтями перед лицом, чтобы показать их. Затем он огрызается на Соню. — Сдерни с нее рубашку.

— Эй! Полегче! Сама разденусь!

Чтобы продемонстрировать усилия, я добросовестно снимаю рубашку и отбрасываю в сторону. Соня и Сиджей присвистывают так, будто никогда раньше не видели меня в белье.

— Господи Иисусе, ты горячая. Чего бы я только ни отдал, чтобы родиться в этом теле, — говорит друг, задумчиво качая головой.

— Ладно, хватит. Ты тоже горячий. Перестань пялиться на меня и передай рубашку, — говорю я, прикрывая грудь и заставляя Соню прекратить застегивать пуговицы.

Одежда облегает тело, и я чувствую себя в этом так же нелепо, как и предполагала.

Соня завязывает рубашку у меня над пупком, после чего я надеваю юбку, потому что ничего не могу с этим поделать. Это день рождения моей мечты? Нет. Но все же невероятно мило со стороны моих друзей сделать для меня такой праздник? Абсолютно. Я знаю, они желают мне всего самого лучшего. Но они не понимают, почему такие дни, как сегодняшний, для меня сложны, и в этом весь смысл. Они все еще многого обо мне не знают, и даже те факты, которыми я делюсь с ними, не раскрывают всего.

Сначала никто не может разобраться в деталях.

Я помню разговор с Сиджеем во время нашего знакомства на первом курсе.

— Эмелия, напомни, откуда ты? — спросил парень. — Я думал, ты из Англии, но у тебя нет акцента.

— Сколько осталось до следующего занятия? — рассмеялась Соня. — Потому что это займет некоторое время.

— Это правда. У меня двойное гражданство, США и Шотландия.

— Так ты... из Шотландии? — Сиджей нахмурился.

— Нет. Моя мама — американка, а папа — француз, но в основном я росла в Шотландии.

— Ты следишь за историей? — спросила Соня.

— С трудом.

— Не забудь упомянуть про школу-интернат, — подруга нахмурилась.

— О, точно, я училась в школе-интернате в Йорке до приезда сюда, и, думаю, именно там выучила английский.

— Фактически ты в одинаковой степени шотландка, американка, англичанка и француженка.

— Все верно! — я ухмыльнулась, слегка поаплодировав ему.

— Тогда понятно, что у тебя с акцентом.

— Не думаешь, что я немного похожа на британку? — стала дразнить его я, изображая друзей из интерната.

Они рассмеялись.

— Только когда ты включаешь этот акцент. В остальном ты звучишь как старый американец. Без обид.

— Никаких обид.

Мне нравится объяснять свою жизнь так, чтобы все это казалось глупым и веселым. Проще умалчивать о правде: странное детство, проведенное в полуразрушенном замке в Шотландии, отец-француз, которого я никогда не встречала. Когда друзья спрашивают о нем, я вру, что он архитектор. И говорю, что именно из-за него я так интересуюсь этим предметом. Когда они спрашивают о маме, я говорю правду: ее убил рак, когда мне было семнадцать.

«Значит, не такая уж и большая семья», — всегда говорит кто-нибудь с жалостливой улыбкой, и в этот момент я часто меняю тему.

— Кто этот горячий красавчик? — спрашивает Аннет, уставившись в мой ноутбук. — Подожди, — она наклоняется ближе. — Александр Мерсье? Это твой родственник, Эмелия?

— Нет, — решительно настаиваю я, и в целом это правда. Мы не родственники. Я подхожу и закрываю ноутбук, прежде чем обращаюсь к ним с вопросом, который будет для них интересным. — Итак, какой макияж мне сделать?

* * *

Ганновер — это маленький студенческий городок. Если не считать поездок в Бостон и возможности завалиться без приглашения на одну из студенческих вечеринок в окрестностях кампуса, есть только одно место для прогулок — главная улица. Она находится прямо рядом с кампусом, там есть все — от CVS до Starbucks, а в центре много типичных студенческих баров, которые в выходные зачастую заполнены до отказа. В каждом своя атмосфера. The Roosevelt Room — крутой и дорогой. В The Nightingale темно и немного грязно, обычно здесь играет живая музыка и предлагают фирменные напитки. Мой любимый — это Murphy's on the Green. Внутри он оформлен в стиле библиотеки: целые ряды книг на шкафах и полках, мебель из темного дерева, приглушенный свет. К сожалению, он считается любимым у всех. Мы планируем начать с The Roosevelt Room и добраться до Murphy's on the Green в конце, если зайдем настолько далеко.

— Итак, какой у тебя статус на этот вечер? Ты полностью свободна? Одинока, но влюблена? В отношениях, но все запутанно? Или полностью предана одному человеку? — спрашивает Сиджей, когда мы заходим внутрь.

— Полностью свободна.

— Что случилось с Оуэном? — Сиджей визжит от радости.

— Мы расстались прошлой весной.

— «Мы расстались», — фыркает Соня. — Звучит так, будто это не она вырвала бедняге сердце. Он был одержим ею. И еще несколько дней после разрыва приходил к нам, чтобы попытаться ее вернуть.

— Похоже, у него были причины унижаться. Он изменял или что-то такое?

— Оуэн? Никогда. Он не из таких.

— Почему из-за этого в твоём голосе появляется разочарование?

— Не знаю, — но сразу же меняю настроение. — Я имею в виду, он был хорошим парнем, мы просто не подошли друг другу.

— Нашей маленькой Эмелии нравится... Определенный тип, а Оуэн был слишком милым.

— Соня!

— Что?! Это правда. Не стесняйся. Парень был абсолютно никчемным. Я не могу представить, на что похож секс с ним. Натурал-миссионер, никаких разговоров, вошел и вышел. Словно это медицинская процедура.

К сожалению, в этом она не ошибается.

Но все-таки я ощущаю необходимость объяснить.

— Я хочу чувствовать себя свободной, а Оуэн буквально делал секс грязным, не в веселом смысле. Будто думал, что было нечто, что мы не должны были делать; что-то, что нужно скрывать и чувствовать себя неловко.

— Знаешь, я могу помочь тебе хорошо провести время, если хочешь, — СиДжей поднимает брови.

— Я не в твоём вкусе.

Он пожимает плечами, после этого замечает симпатичного парня, идущего мимо нас, и тут же забывает о своём предложении.

В The Roosevelt Room наши наряды сразу же замечают и оценивают по достоинству. СиДжей и Соня приковывают внимание окружающих, мы с Аннет держимся за них, стараясь выглядеть хорошо.

— Мне нужен ещё один коктейль, — говорит мне Аннет, и я искренне соглашаюсь.

Единственный способ пережить этот вечер — выпить вдоволь.

Глава 7

Джонатан

Я никогда не бываю в Ганновере по выходным. Для меня это редкий случай, идеальное стечение обстоятельств, в результате которых я сижу в переполненном студенческом баре и потягиваю уже четвертую кружку пива.

В Дартмуте есть серия лекций, которые проводятся для преподавателей и сотрудников университета, а также аспирантов и приглашенных гостей. Каждый месяц на сцену выходит профессор или ведущий лектор и рассказывает о теме, представляющей интерес в их области. Это способ объединить Дартмут, преодолеть разрыв между дисциплинами, которые, по крайней мере, на бумаге кажутся совершенно несвязанными.

Впервые принимаю участие в этом мероприятии и выхожу на сцену, поэтому возможности уйти нет.

Вдобавок ко всему, сегодня вечером мальчишник у другого профессора, скромная вечеринка для парня — Гаррета, с которым я едва знаком. Когда в четверг он застал меня врасплох возле моего кабинета и пригласил присоединиться, я подумал, что буду в Бостоне и смогу избежать праздника под каким-нибудь предлогом, но он поспешил напомнить мне, что я буду в Ганновере.

— Мы собираемся куда-нибудь пойти после лекции. Ты должен присоединиться. Это хороший способ познакомиться с другими профессорами.

Меня это не убедило, и тогда он добавил, что это его мальчишник.

— Ничего дикого. Мы просто собираемся выпить пару кружек пива на Мейн-стрит.

Я не видел выхода из этой ситуации.

И хотя моя лекция закончилась почти три часа назад, и я мог бы уже вернуться в Бостон, в уютную домашнюю обстановку, я слушаю, как профессор рядом со мной бубнит о том, почему молекулярная физика более интересна, чем кажется на первый взгляд.

Пока что это звучит неубедительно.

Женщина напротив меня, Триша, профессор математики, встречается со мной взглядом и преувеличенно закатывает глаза.

— Хосе, оставь это. Молекулярная физика чертовски скучна, как и математика, — говорит она. — Просто смирись с этим и пей.

Я смеюсь, а она улыбается ещё шире.

Она наклоняется ко мне.

— Я бы выпила еще пива. Хочешь?

Хочу ли я еще? Да. Должен ли я выпить еще? Вероятно, нет.

Но это была адская неделя. Несколько недель, на самом деле, и я все равно поеду домой на поезде. Потому что не готов заканчивать этот вечер.

Я отодвигаю свой стул.

— Да. Пойду возьму еще.

— Я присоединюсь к тебе, — говорит она, встает и обходит стол.

Сегодня вечером собирается интересная компания, состоящая из профессоров и друзей Гарретта, не принадлежащих к академическому миру. Поначалу было немного неловко пытаться объединить группу людей, которые не так уж хорошо знают друг друга, но выпивка льется рекой, и, возможно, сейчас я слишком пьян, чтобы обращать на это внимание.

— Это большая редкость, — говорит Триша, глядя на меня, пока мы идем к бару. — Видеть тебя здесь в выходные. Да и вообще видеть тебя.

— Я живу в Бостоне. Там находится офис моей фирмы. Трудно выкроить время.

— Понимаю. Я и сама большую часть времени отсиживаюсь в математическом корпусе.

— Я бы спросил о твоей работе, но...

Она смеется.

— Пожалуйста, не надо. Ради всего святого, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Подходит бармен, и я прошу еще одну порцию. Он кивает, давая понять, что понял, но на это у него уйдет какое-то время. Заведение переполнено, и в данный момент он единственный бармен.

— Так у тебя есть семья? Жена? — спрашивает она, сосредоточив свое внимание на барной стойке и нервно теребя салфетку. Она пытается придать своему вопросу беззаботный вид, но складывается впечатление, что ей пришлось набраться смелости, чтобы задать его.

— Нет ни того ни другого.

— Девушка?

Я качаю головой, впервые осознавая, что Триша заинтересована во мне.

Господи, неужели я настолько туп? Или немного пьян и очень рассеян...

Я часто думаю об Эмелии. На самом деле, всегда.

Наш разговор в моем офисе во вторник проходит не так, как мне хотелось бы. Я прокручиваю в голове каждый момент и пытаюсь рассуждать, правильно ли я поступаю. Когда мои студенты подошли ко мне перед лекцией и объяснили увиденное, я вышел из себя. Подобные обвинения могут привести к краху карьеры. Я не могу оставить это без внимания.

Понимаю, что фотография является не более чем неудачной шуткой. Я думаю, что, даже если бы информация об этом просочилась, администрация Дартмута отнеслась бы ко мне с пониманием и списала бы это на оплошность двух студентов, но я не могу быть уверен.

По крайней мере, они должны разобраться в этом. Есть вероятность, что они начнут официальное расследование, чтобы убедиться, что делают все возможное для защиты уязвимых студентов, и тогда это оставило бы меня на милость мельницы слухов. Слухи бы распространились, а подобные обвинения никогда не могут быть полностью стерты из общественной памяти. От одной мысли об этом у меня закипает кровь.

Эмелия должна знать, насколько это глупо. И должна понимать, что у меня нет выбора, когда речь идет о наказании. Это первый проступок ее подруги, но третий Эмелии.

Однако Эмелия не осознает, что я только сейчас начинаю понимать, что, даже если бы она абсолютно ничего не делала и каждый день сидела на моей лекции в полном молчании, сдала все тесты на отлично и написала отличную курсовую работу, даже если бы

никогда не было никакой поддельной фотографии... она всегда будет девушкой «из окна». И сильным отвлекающим фактором, зудом, который я не могу почесать, девушкой, которую я не могу выбросить из головы.

У меня есть грязные фантазии о ней на том деревянном стуле.

Моя студентка.

Так что нет, Триша, у меня нет девушки.

У меня есть только Эмелия.

— А как насчет тебя? Встречаешься с кем-нибудь?

Она выдавливает из себя смешок.

— Нет. Как уже сказала, большую часть времени я провожу в математическом корпусе, и, если ты можешь в это поверить, старикашки-математики не в моем вкусе.

— Тогда я буду твоим ведомым.

Горечь отказа отражается на ее лице лишь на мгновение, а затем она маскирует это подмигиванием и улыбкой.

— Ты в деле. Бармен возвращается с подносом пива, чтобы мы отнесли его за столик.

— Давай, пойдем осмотрим толпу. Сегодня вечером здесь должно быть несколько хороших парней, верно?

Как только мы занимаем свои места, у меня в кармане жужжит телефон, оповещающая о входящем сообщении. Я проверяю, хотя и не должен. Это всегда по работе. Я быстро набираю ответ, но сохраняю его в черновиках, зная, что захочу просмотреть его утром, когда отосплюсь после выпитого. Свист у входной двери бара привлекает мое внимание. Я поднимаю взгляд от телефона, и мой желудок сжимается, когда вижу, как входит Эмелия с небольшой группой друзей.

Я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что она существует за пределами той скамейки во дворе. Она — не сон. А студентка в баре, от которой мне лучше держаться подальше. Ее не должно быть здесь. Жестокая судьба сыпет соль на рану.

Я не испытываю ни малейшего облегчения, видя ее. Знаю, как ужасно мы расстались во вторник. И что она, скорее всего, не хочет иметь со мной ничего общего.

Хорошо.

Это к лучшему.

Ее группа продвигается дальше, провожаемая одобрительными возгласами людей, мимо которых они проходят. Они в костюмах, вот почему все так возбуждены. Я узнаю среди них Соню. Она идет впереди, расталкивая толпу и кружась, чтобы продемонстрировать свой красный наряд. Эмелия замыкает шествие, в защитном жесте обхватив рукой живот, словно пытаюсь скрыть часть обнаженной кожи, которую демонстрирует ее наряд.

На ней практически ничего нет, нелепый наряд школьницы, и люди, мимо которых она проходит, обращают на нее внимание. Один парень наклоняется и дотрагивается до ее руки, похоже, чтобы сделать ей комплимент, и она робко улыбается, прежде чем отойти в сторону.

Внутри меня зарождается первобытная злость и ревность, потребность крикнуть, чтобы они отвели от нее свои похотливые взгляды. Тронешь ее еще раз, и я сломаю твои гребаные руки.

— О боже мой! Это забавно. — Триша смеется. — Я думаю, что все эти дети одеты, как разные версии Бритни Спирс. Я узнаю костюм зеленой змеи и наряд школьницы, но не остальные. Может быть, я ошибаюсь.

Я застрял на ее выборе слов: дети.

Черт возьми.

Делаю еще глоток пива.

Эмелия — ребенок. Моя ученица. Почему я не могу напоминать себе об этом достаточное количество раз, чтобы это действительно запомнилось?

А может быть, проблема не в этом. Может быть, если я буду повторять себе это снова и снова, это не убедит меня держаться от нее подальше... Может быть, как раз наоборот.

Она садится в другом конце комнаты, и я испытываю облегчение оттого, что она далеко.

Разговоры вокруг меня остаются без внимания, пока я наблюдаю, как она и ее друзья заказывают напитки, фотографируются, улыбаются и смеются. Эмелия — часть всего этого, но в то время, когда все остальные, кажется, искренне веселятся, девушка только притворяется. Для меня это так очевидно. В тот момент, когда селфи сделано, ее улыбка исчезает.

Она поднимает глаза и замечает, что я наблюдаю за ней. Мне нравится, что я застаю ее врасплох так же, как она меня в первый день семестра, когда я поднял глаза в переполненной аудитории и увидел ее.

Она расширяет глаза от шока, а затем переводит взгляд в сторону, к своей группе, ее щеки заливают румянец. Я почти представляю себе ее мысли.

Не тот ли это мудака?

Я уверен, что она хотела бы, чтобы я ушел. Может быть, она проклинает меня в своей маленькой хорошенькой головке, после того как я разозлил ее во вторник.

Но потом она поднимает свой коктейль и внимательно смотрит в мою сторону, но не с ненавистью, а заинтригованно.

Я продолжаю разговор с Тришей и Хосе, участвуя в нем достаточно активно, чтобы они не могли упрекнуть меня в невнимательности, и в основном просто пью свое пиво и смотрю на Эмелию.

Она знает, что я наблюдаю за ней, наши взгляды дважды встретились, но не устраивает для меня шоу. Даже наоборот. Для человека в костюме она ведет себя так, будто хочет слиться с толпой. Сидит в кабинке, которую делит со своими друзьями, и маленькими глотками пьет свой напиток. Соня и парень, с которым они вместе, держат в руках камеру и записывают видео. Четвертый человек из их группы отлучился, чтобы ответить на телефонный звонок. Эмелия сидит тихо, одна в толпе, вертя соломинку в стакане.

Люди из моей компании в конце концов начинают уходить. Я закрываю свой счет и предлагаю оплатить счет остальных — подарок Гаррету. Все поднимают бокалы и аплодируют в мою честь. Я не могу быть уверен, но клянусь, что чувствую, как Эмелия снова наблюдает за мной.

Встаю, чтобы сходить в туалет перед уходом. Поездка на поезде обратно в Бостон будет долгой. Вымыв руки, я открываю дверь и вижу, что с другой стороны меня ждет Эмелия.

Она прислоняется к противоположной стене, и я на секунду задерживаю на ней взгляд. В этом наряде у нее очень длинные ноги.

Шум открывающейся двери привлекает ее внимание, и она отрывается от своего телефона.

Мое присутствие пугает ее.

— Профессор, — произносит она почтительным тоном.

— Что на тебе надето?

Медленно она переваривает сказанное мной, и тон, которым это произнесено. Затем гордо вздергивает подбородок.

— Ничего, что касалось бы вас. Вы закончили? Мне нужно подкрасить губы.

— Конечно.

Я протягиваю руку, жестом приглашая ее войти и давая понять, что еще не готов покинуть туалет, но она может присоединиться, если хочет.

Она прищуривает глаза от раздражения и проходит мимо меня, не забывая при этом впечатать каблук в мою туфлю. Никаких извинений.

Как... интересно.

Мне следует уйти, но я этого не делаю. Действительно ли мое присутствие пугает ее или она видела, как я встал из-за стола, и последовала за мной?

Я прислоняюсь к дверному косяку и наблюдаю, как она достает из сумочки помаду, прислоняется к стойке и начинает красить губы. В этой позе ее бедра приподнимаются, задирая юбку еще выше.

Она ловит мой взгляд в зеркале.

— Как прошел ваш вечер, профессор? Кого-нибудь терроризировали?

Я тихо смеюсь, оценив ее откровенность.

— Думаю, что ты та, кто терроризирует людей. Это то, что ты обычно надеваешь, когда выходишь на улицу?

— Это костюм. Неужели вы настолько стары, что не узнаете? — ее снисходительный тон медленный и насмешливый.

— По-моему, он наводит на неверные мысли.

— О боже. — Она закатывает глаза. — Избавьте меня от лекции «Если девушки так одеваются, они сами напрашиваются».

— Итак, чтобы внести ясность, ты не напрашиваешься?

Ее взгляд пылает яростью.

Я должен прекратить, повернуться, уйти и оставить ее в покое, но не могу. Такое ощущение, что это мой последний шанс. Сегодняшний вечер — это подарок, и я не собираюсь его растрачивать.

Она кладет помаду обратно в сумочку и застегивает молнию.

— Я и не подозревала, что могу ненавидеть вас больше, чем уже ненавижу.

— Твое мнение не имеет значения, Эмелия. Ты моя ученица. Ребенок.

С таким же успехом я мог бы назвать ее незначительной.

— И все же вы стоите и смотрите, как я крашу губы. Разве так можно смотреть на свою ученицу? — когда я не отвечаю, она надменно продолжает. — И вообще, почему вы все еще здесь? Неужели ваш вечер проходит не так, как вы планировали? Боитесь, что в конечном итоге окажетесь в постели с этой скучной блондинкой, мечтая, чтобы вместо нее был кто-нибудь другой?

Наши глаза встречаются в зеркале, и ее губы расплываются в дерзкой ухмылке.

Хмм.

Может быть, ей не мешает небольшой урок.

Я вхожу в туалет и позволяю двери с грохотом закрыться за мной. Замок защелкивается одним движением пальцев, и ее уверенный фасад рушится. Я вижу, как дрожит ее тело, когда подхожу.

— Я бы поверил в то, что ты разыгрываешь, если бы не чувствовал запаха алкоголя в твоем дыхании, если бы не знал, какая ты на самом деле. Я видел тебя, изучал... и не только, когда ты была в моем классе. Знаю, что это не ты. Ты послушная малышка, Эмелия. И едва можешь смотреть мне в глаза, когда мы разговариваем. В моем кабинете во вторник, когда я делал тебе выговор, ты дрожала как осиновый лист.

Что-то вспыхивает в ее взгляде. Это похоже на признание какой-то скрытой части ее личности, которая нуждается в этом так же, как и я.

Именно это подстегивает меня, побуждает к полной откровенности.

— Я знаю, что ты следуешь правилам, не высываешься и пытаешься раствориться в толпе. Знаю, ты не пытаешься отвлекать меня на уроке, но ничего не поделаешь.

В ней нарастает гнев, но она молчит, не убегает. Знаю, она хочет, чтобы я продолжал, поэтому подхожу достаточно близко, чтобы уловить ее аромат. Да, в воздухе между нами витает запах алкоголя, но есть и ее шампунь, та женственная сладость, которую она оставила у меня в кабинете на днях.

Не могу удержаться и дотрагиваюсь до нее, лишь нежно проведя пальцем по ее щеке, признавая что-то темное и извращенное.

— Я заставил тебя выйти перед классом и сесть на этот стул, чтобы наказать нас обоих. Я хотел, чтобы ты была у меня под рукой, совершенно неприкосновенная, поэтому выставил тебя на всеобщее обозрение, потому что знал, что тебе это понравится.

— Нет, — настаивает она, но наклоняется навстречу моим прикосновениям.

— Эмелия, — упрекаю я. — Ты надела это платье на мой урок, это гребаное кукольное платье, в котором выглядела, как игрушка. Я думал о тебе в этом платье всю дорогу домой. Лежа в постели той ночью, и не мог остановиться. Я должен был облегчить свои страдания.

— Это домогательство, — говорит она, но голос звучит слабо.

Я медленно скольжу пальцем по ее подбородку, провожая движение взглядом.

— Ты права. Вот почему твои щеки окрасились в такой прекрасный розовый оттенок, а грудь поднимается и опускается так быстро... как у колибри.

Она закрывает глаза, когда костяшкой пальца я касаюсь ее нижней губы.

— Скажи мне, чтобы я перестал с тобой так разговаривать. Сейчас же.

Она молчит. Распахивает ресницы и смотрит мне прямо в глаза, когда наклоняет подбородок, предоставляя беспрепятственный доступ к своим губам.

Я понимаю, что для нее это в новинку. Возможно, с этими мыслями и желаниями она еще не смирилась, а возможно, я уже достаточно на нее надавил. Но потом вспоминаю все те дни, когда искал ее по всему университету, тосковал по этой девушке, которая сейчас передо мной, такая нетерпеливая и желающая. И все же я отступаю назад, к самой двери. Отпираю ее и даю ей более чем достаточно места, чтобы уйти.

Мгновение она стоит неподвижно, без сомнения, обдумывая свой следующий шаг, а затем подходит ближе, нерешительными шагами приближаясь к двери. Я пытаюсь не дать разочарованию захлестнуть меня, но невозможно не чувствовать надвигающуюся потерю. Затем рукой тянется к дверной ручке, и, к моему удивлению, она вновь закрывает замок.

После сделанного она не двигается с места, как будто этот маленький поступок отнимает у нее все мужество. Ее сумочка по-прежнему зажата в руке, а глаза устремлены в пол. Она сглатывает, и я протягиваю руку, чтобы коснуться ее подбородка, поворачивая ее лицо так, чтобы Эмелия была вынуждена посмотреть на меня.

— Скажи мне правду. Тебе понравилось сидеть на стуле, Эмелия? Перед классом? У моих ног?

Она отводит взгляд, как будто смущена, но я беру ее за подбородок и быстро возвращаю ее взгляд к своему. Она кивает только один раз.

Я отпускаю ее и прижимаю к себе. И лишь частично скрываю ее отражение в зеркале.

Минуту я наслаждаюсь ощущением того, как она прижимается ко мне. Смотрю в ее страстные глаза и на наряд школьницы. Мне не нравится. Если бы я мог, то раздел бы ее.

Я хочу прикоснуться к ней, но не могу.

Хочу поцеловать ее, но... черт.

Беру ее за руку, в которой она держит сумочку, и заставляю разжать пальцы. Сумочка падает на пол, но мне все равно. Взяв ее руку, опускаю на бедро, чуть ниже подола ее маленькой плиссированной юбки.

— Я не прикоснусь к тебе, малышка. Тебе придется сделать это самостоятельно.

Она дрожит, и я едва сдерживаю желание подойти ближе и прижать ее к жесткой металлической двери. Пытаюсь понять, как переступить черту нравственности, погрузиться в мутные серые воды и выйти чистым.

Затем расправляю свою большую ладонь так, что она почти полностью накрывает ее, и делаю паузу, давая ей привыкнуть к этой мысли. С ее стороны не должно быть никаких сомнений по поводу того, что сейчас произойдет.

Кто-то говорит прямо по ту сторону двери, и Эмелия дергается. Я сдерживаю улыбку.

Она мне нравится такой — на взводе, дрожащая, нервная.

У нас не так много времени. В конце концов, руководство разозлится из-за того, что мы отсиживаемся в одном из туалетов. Или, что еще хуже, здравый смысл победит.

Я вижу, как вздрагивает ее живот, когда засовываю руку под юбку, приподнимая ткань, чтобы открыть лавандовое шелковое белье. Эти трусики — последнее, что скрывает ее от моего взгляда, и они слегка сдвинуты, так и просятся, чтобы их полностью убрали. Вместо этого я поднимаю наши руки и кладу их под верх ее нижнего белья, чуть ниже пупка. Тонкий материал дразнит костяшки пальцев, я направляю ее руку ниже, и Эмелия хнычет. Влажное горячее тепло окружает нас.

— Твоя кожа так легко краснеет. Это такой хороший способ увидеть, как я влияю на тебя.

И это правда. Она выглядит такой хрупкой и беззащитной, синева ее вен скрывается прямо под поверхностью бледной кожи.

— Профессор Барклай, — выдыхает она, когда наши руки скользят еще ниже.

Я мог бы сказать ей, чтобы она называла меня Джонатаном, но знаю, что никто из нас этого не хочет. Тот факт, что я ее профессор, является одной из причин, по которой мы здесь в первую очередь.

Я провожу ее средним пальцем вверх и вниз по ее центру, затем наблюдаю, как она поднимает взгляд и видит нас в зеркале. Ее глаза расширяются, но она не отводит взгляд. А с восторженным вниманием наблюдает, как я обхватываю ее средний палец своим и ввожу их в нее. Она приподнимается на цыпочки, несомненно, ошеломленная. Низкий стон вырывается из меня, но я остаюсь там, погруженный в ее жар, на мучительную секунду, прежде чем убираю свой палец и оставляю там ее.

— Хватит, — укоряю я себя, она должна сделать это сама. — Потрогай себя, Эмелия. Она делает то, о чем я прошу, медленно наращивая свое желание.

— Еще, — настаиваю я, зная, что рано или поздно раздастся стук, и это может закончиться в любой момент.

Говорю ей, что делать, как сильно давить, как глубоко вводить палец в себя. Она слушает каждое слово, послушная, как я и предполагаю.

Я смотрю вниз, на ее руку,двигающуюся в нижнем белье, и это такое жалкое зрелище — она все еще полностью скрыта, но этого достаточно, чтобы я отчаянно захотел ее.

— Эмелия! — Кто-то начинает колотить в дверь, и я быстро зажимаю ей рот рукой, прежде чем она успевает вскрикнуть от шока. — Ты что, упала в унитаз или что?! — спрашивают они.

Эмелия пытается выдернуть руку из трусиков, но я кладу другую руку ей на запястье, удерживая ее в центре игры, в которую мы играем. Мы не остановимся. Ее друзья могут послушать, если до этого дойдет.

Я осторожно убираю руку с ее рта.

— Скажи им, что выйдешь через секунду, — требую я.

— Я... я сейчас выйду! — кричит она через дверь.

— Ты там уже целую вечность сидишь! — кричит ее подруга в ответ, а затем вмешивается другая.

— Только не говори мне, что заболела в свой день рождения! Тебе нужно оторваться. Какой-то чувак в баре только что угостил нас всех выпивкой, когда мы сказали ему, что сегодня 21-й день рождения у нашего друга!

Эмелия смотрит на меня, ожидая указаний.

— Скажи им, что с тобой все в порядке.

— Я в порядке! — настаивает она. — Просто... Встретимся в баре!

Меня начинает раздражать тот факт, что она перестает трогать себя, поэтому я снова засовываю руку ей в нижнее белье, и мой средний палец накрывает ее, заставляя тереться так, как я хочу. Протягиваю руку и обхватываю ее за шею, слегка надавливая чуть ниже подбородка, чтобы почувствовать пульс.

Затем я наклоняюсь так, чтобы мой рот оказался ближе к ее уху.

— Будь хорошей девочкой, Эмелия. Позволь мне посмотреть, как ты кончаешь. Покажи мне.

Это тот катализатор, который ей нужен.

Она кончает передо мной, и я не осознаю, что задерживаю дыхание, пока у меня не начинает болеть грудь. Я не моргаю. А запоминаю каждую секунду, как дрожит и трепещет ее тело. Я неумолим и заставляю ее продолжать вращать пальцем, растягивая удовольствие, пока ее тело двигается навстречу руке.

Сладчайший стон срывается с ее губ, и я фантазирую о том, как целую ее. Если бы только я мог...

— Эмелия! — кричит какая-то девушка. — Мы тебя не бросим! Ты плачешь? Потому что, клянусь, если ты снова будешь грустить в свой день рождения, я надеру тебе задницу. Никакой грусти в этот день! Мы уже говорили об этом.

Тело Эмелии напрягается, и она начинает ускользать от меня.

Слова ее подруги уничтожают те крупницы волшебства, которые еще остаются. Теперь Эмелия не смотрит на меня. Смущена ли она тем, что я только что услышал, или тем, что мы только что сделали, я не могу сказать.

Понимая, что ей это необходимо, я отхожу первым, давая ей пространство.

Она пользуется им, торопливо поправляя одежду, прежде чем вернуться к раковине, чтобы вымыть руки и стереть с них последние несколько минут. Наклоняюсь и поднимаю ее сумочку, чувствуя головокружение от алкоголя, когда выпрямляюсь. Я пьян больше, чем предполагал, и Эмелия тоже. Черт. То чувство вины, от которого я могу отмахнуться сгоряча, теперь сложно игнорировать. Адреналин сжигает мой кайф. Мне не следует заходить так далеко. Я не должен был оставаться наедине в туалете с одной из моих студенток.

Моя студентка.

Иисус Христос.

Ясность — это острый нож.

Она опускает голову и подходит, чтобы забрать свою сумочку, стараясь не прикасаться ко мне. Ее рука дрожит.

— Сегодня твой день рождения.

Ее взгляд устремлен в пол.

— А это имеет значение?

Прежде чем я успеваю сказать что-нибудь еще, она выскальзывает за дверь и присоединяется к своим друзьям.

— Боже, извините, ребята. Там была самая длинная очередь, а потом я на секунду подумала, что меня сейчас стошнит, — лжет она.

— Теперь с тобой все в порядке? — спрашивает парень. — Мы можем отказаться от выпивки и отправиться домой.

— Нет, я в порядке. Клянусь.

Кто-то вскрикивает.

— Тогда давайте продолжим!

Позже вечером, вернувшись домой в Бостон, я проверяю список своих студентов.

Неправильно злоупотреблять своей властью таким образом, но я хочу получить доступ к Эмелии. Хочу знать о ней как можно больше. К сожалению, университет предоставляет не так уж много: ее имя, университетский идентификатор, адрес электронной почты и расписание на семестр.

Она все еще числится в моем классе, и, хотя этого не должно быть, я испытываю облегчение, когда вижу ее имя в списке студентов.

Эмелия Мерсье.

Мерсье.

Я хмурюсь.

Мерсье — не самая распространенная фамилия.

До сих пор я не мог сложить два и два, что кажется глупым, но теперь получилось, увидев ее имя напечатанным и читывая, что Эмелия выглядит как француженка.

Когда я был моложе, то учился в школе-интернате с двумя мальчиками, у которых была такая же фамилия, Эммет и Александр Мерсье. Они были на несколько лет младше меня, и я был гораздо ближе к Эммету, чем к Александру. Тем не менее не могу вспомнить, говорили ли они когда-нибудь о сестре. Мы с Эмметом все еще поддерживаем связь и встречаемся, когда позволяет наш график. Дела компании удерживают его преимущественно в Париже, но, конечно, если бы у него была сестра, я бы услышал о ней.

Открываю Google и ввожу ее имя, и, как и ожидалось, большинство результатов связано с семьей Мерсье и их компанией GHV. На первой странице преобладают новости о ценах на акции и аргументы за и против повышения французского корпоративного подоходного налога для крупных конгломератов, таких как GHV. Первая ссылка, которая меня интригует, находится на второй странице: это страница Википедии, посвященная Фредерику Мерсье, основателю и генеральному директору GHV. Там, справа, перечислены его дети в порядке убывания возраста: Эммет Мерсье, Александр Мерсье и Эмелия Мерсье.

Я откидываюсь в кресле, ошеломленный.

Это должна быть она.

Имена Эммета и Александра являются гиперссылками на их страницы в Википедии, а имя Эмелии — нет. Беглый просмотр страницы Фредерика не дает никакой информации о его дочери, кроме дня ее рождения, который, на самом деле, был вчера. Раздраженный, я возвращаюсь в Google и пробую несколько разных вариантов: «Эмелия Мерсье Дартмут», «Дочь Фредерика Мерсье», «Эмелия Мерсье GHV». Даже странно, как мало информации о ней. Если Эмелия — дочь Фредерика Мерсье, то она обязательно должна быть как-то представлена в СМИ. Я понимаю, что она, возможно, не из тех, о ком пишут в таблоидах и украшают страницы светской хроники, но, по крайней мере, в какой-то момент ее жизни о ней написали бы такие издания, как Forbes и Money, не так ли? Я не могу найти ни одной цитаты Фредерика о ней, но, когда речь заходит об Эммете и Александре можно найти множество.

Вдобавок ко всему, ее нет в соцсетях.

Я обновляю список класса, чтобы перечитать ее имя и убедиться в том, что она та, о ком я думаю, но ее там больше нет.

Она отчислена.

Глава 8

Эмелия

В субботу ночью я почти не сплю. Мы поздно возвращаемся из бара, все ложатся спать, а я остаюсь в своей комнате, освещенной светом от экрана ноутбука. После моего ухода из кабинета профессора Баркляя во вторник я откладываю то, что необходимо сделать. Сейчас, как никогда, я должна бросить ARC 521¹. Я полна решимости найти способ сделать это, не отставая от своей специализации. Это ужасно сложно, потому что семестр в самом разгаре, и мне нужно поддерживать успеваемость в большинстве занятий, одновременно добавив семинар по архитектуре для старших курсов.

Я планировала посетить семинар весной, но сейчас не могу, потому что буду сдавать ARC 521. Меняю расписание занятий местами и стараюсь сделать все так, чтобы не перегружать себя в один день больше, чем в другой, но ничего не выходит. Этот семестр будет отстойным.

---

¹ В данном курсе рассматривается детализация в дизайне и роль деталей в создании дизайна — от кирпича до деревянных и стальных деталей — с использованием реальных чертежей и/или реальных строительных упражнений в масштабе 1:1 или 1:2 участков стен из различных материалов, а также деталей крепежа, окон и других архитектурных компонентов.

К тому времени, когда все уже сказано и сделано, я бросаю курс профессора Баркляя и едва могу держать глаза открытыми. Засыпаю с ноутбуком на груди и просыпаюсь в шесть утра.

Профессор Барклай — первое, что приходит мне в голову.

Точнее, мысли о том, что он со мной сделал, о его руке, скользнувшей в мои трусики...

Волна горячего смущения охватывает меня.

Я до сих пор не могу поверить, что позволяю этому случиться. Он, наверное, теперь думает обо мне всякие гадости, воображает, что я из тех девушек, которые идут за своим профессором в туалет и бросаются на шею. Интересно, считает ли он, что таким образом я пыталась убедить его оставить меня на его курсе или, может быть, обеспечить себе отличную оценку?

Убитая горем, я откладываю ноутбук в сторону и зарываюсь поглубже под одеяло, предпочитая оставаться в постели до самого полудня воскресенья.

Но, к сожалению, мое убежище не избавляет меня от мучительных мыслей.

Профессор Барклай там, давит со всех сторон. Я говорю себе, что надо забыть о занятиях и стереть из памяти наш грязный поступок, но тело не хочет подчиняться. Оно хочет повторения. На бис.

Потому что понимает то, чего не понимаю я.

Произошедшее в туалете было самым волнующим событием в моей жизни. Парни, с которыми я общалась последние несколько лет, никогда и близко не вызывали такого желания. Порочная манера профессора Баркляя озвучивать все те грязные вещи, которые он заставлял меня делать... Мое сердце замирает, когда я понимаю, как страшно мне становится при мысли о том, что вряд ли когда-нибудь еще испытаю что-то подобное.

Соня была права — Оуэн был скучен и в спальне, и вне ее.

Однажды я попыталась придать пикантности нашим отношениям. И потратила больше, чем следовало, на комплект нижнего белья, расставила в его квартире свечи и составила сексуальный плейлист. Когда услышала, как его ключи звенят в замке, я встала так, чтобы быть первой, кого он увидит, когда войдет, и это сработало безупречно. Оуэн распахнул дверь, сделал один шаг внутрь и замер.

Затем он разразился хохотом.

Стыд и разочарование разорвали мое сердце. Мне захотелось схватить одеяло и прикрыться, но я заставила себя стоять на месте, пытаюсь сохранить последние остатки достоинства.

— Извини. Боже, прости, — извинился он. — Я просто не могу воспринимать тебя всерьез в таком виде.

Вместо того чтобы подойти ко мне, он пошел к колонке, которую я установила, и выключил музыку, после чего задул свечу.

— Да ладно тебе, Эмелия. Ты не обязана делать все это для меня. Я уважаю тебя, и ты мне нравишься такой, какая есть. Ты сексуальна и без всех этих глупостей.

Он меня не знал. Совсем. Иначе подхватил бы нить моей фантазии и продолжил бы ее. Он бы поклонился мне в этом белье, а не смеялся.

Если бы я сделала это для профессора Баркляя, он бы не смеялся. В тот момент он и не подумал бы меня остановить.

Это трудно объяснить: я хочу, чтобы ко мне относились как к равной, но иногда, с нужным человеком и в нужной обстановке, мне хочется прямо противоположного. Я хочу, чтобы меня прижали к двери туалета в баре и сказали, что делать.

Я не могу перестать думать о профессоре Баркляе весь остаток выходных. В воскресенье вечером мне едва удастся заснуть, а в понедельник утром я тащусь на свое первое занятие. Останавливаюсь, чтобы выпить вторую чашку кофе, зная, что пожалею об этом, как только мной овладеет тревога, вызванная кофеином, но ничего не поделаешь, я не хочу заснуть на дневном занятии. Наверное, было бы лучше, если бы я что-нибудь съела, но от одной мысли о еде сводит желудок.

Я просто хочу пережить этот день, и следующий... и еще один.

Я настолько сосредоточена на том, что произошло в субботу вечером, что не позволяю себе думать о будущем. Мечтать о профессоре Барклае, мучаясь от похмелья в своей квартире — это одно, но теперь, когда я возвращаюсь в кампус, невозможно отгородиться от реальности. Бариста называет мое имя, оповещая о том, что кофе готов, и я делаю шаг вперед, чтобы взять его, благодарю ее и отхожу в сторону, но в груди начинает колотиться сердце.

Есть только один логичный путь — вперед.

То, что произошло в субботу вечером, больше не должно повториться.

Помимо потенциального ущерба моему академическому статусу в Дартмуте, угрозы моей честности и возможности навлечь на себя скандал, есть еще один незначительный факт — я терпеть не могу профессора Барклая. С самого первого дня он груб и снисходителен, самоуверен и вспыльчив.

Он мне не нравится.

Не может мне нравиться.

Возможно, он умеет обращаться с женщинами. Возможно, он пробуждает во мне какую-то ранее дремавшую сторону, но это не имеет значения.

Там, где дело касается профессора Барклая, не может быть будущего.

Я иду из кафе на дневные занятия, и мои мысли витают в облаках, возможно, поэтому я и не замечаю его раньше. Он стоит у подножия лестницы перед зданием, в которое мне нужно попасть на следующее занятие.

К тому времени, когда он оборачивается и видит меня, я уже прихожу в себя и продолжаю идти, как надеюсь, неторопливым шагом.

Все при нем. На нем светло-коричневый свитер, рукава подтянуты так, что видны предплечья, и темные брюки. Часы сверкают. Волосы уложены. Он не выглядит так, будто проводит выходные, как я, в состоянии бурного волнения, в вечном циклоне беспокойства и удивления.

Я почти делаю вид, что не замечаю его, но тут он делает шаг вперед и отрезает мне путь к лестнице.

— Могу я с тобой поговорить?

— О... — мои щеки уже покраснели. — Конечно.

Не знаю, когда именно успеваю решить, как мне поступить. Кажется, что план полностью формируется только после того, как он жестом просит меня отойти в сторону, подальше от других приближающихся студентов. Мы не прячемся за углом здания, а остаемся на виду, пока он смотрит на меня сверху вниз и тихо говорит.

— Мы должны поговорить о том, что произошло в субботу вечером.

Не могу прочесть выражение его лица, но думаю об Оуэне в тот момент, когда он вошел в дверь и увидел меня, стоящую там с сердцем на распашку. Стыд и разочарование все еще живут где-то под поверхностью. Я не хочу пережить это снова.

— В субботу вечером?

Он хмурит брови в замешательстве.

— У «Мерфи».

— Я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Эмелия...

Его тон как предупреждение, он хочет, чтобы я прекратила эту глупую игру.

Вместо этого я удваиваю усилия.

— Профессор, — почтительно отвечаю я, — я не...

— Пожалуйста, не усложняй это больше, чем нужно. Я прошу прощения. И беру на себя всю ответственность.

Тогда мои подозрения подтверждаются. Он хочет извиниться, стереть все и заставить исчезнуть. Эмоции сжимают горло. Слезы собираются в уголках глаз. Уверена, что он замечает, как дрожит мой голос, когда я заговариваю.

— Ответственность? За что? Я была с друзьями на своем дне рождения. К тому времени, как мы добрались до «Мерфи», то уже были сильно пьяны, по крайней мере, так мне сказали друзья. Если мы столкнулись с вами и разговаривали... Я не помню.

— Чушь собачья.

Я вздрагиваю от его язвительного тона.

Затем, вероятно, вспомнив, где он находится и кем является — уважаемым профессором университета, беседующим с одним из своих студентов, Джонатан вновь обретает самообладание.

— Ты отчислилась из моего класса, — настаивает он, как будто это достаточное доказательство произошедшего.

— Да, именно так, как вы просили в своем кабинете на прошлой неделе. Это не имеет никакого отношения к субботнему вечеру. Что бы ни случилось... — я пожимаю плечами и качаю головой. — Наверное, мне не показалось это таким уж запоминающимся.

Его голубые глаза становятся темными и грозными, сужаясь по краям. Я с трудом сдерживаю дрожь в голосе, когда продолжаю.

— Если это все, то мне действительно пора на занятие...

В течение долгого мгновения он изучает меня, выискивая в моем взгляде что-то, что я отказываюсь ему показать.

«Ты напрасно ищешь, — хочу я ему сказать. — Каждый парень, который был до тебя — даже ты сам, бил по дикой, непокорной стороне моего сердца, заставляя его вернуться в клетку».

Я обхожу его на полшага, а затем понижаю голос и опускаю взгляд на его ботинки, добавляя на прощание.

— И, профессор, если между нами что-то произошло, я уверена, что мы оба сожалеем об этом, поэтому уверена, что никто никогда никому ничего не скажет... никогда.

Затем поворачиваюсь, чтобы войти в здание, борясь с желанием оглянуться и посмотреть, смотрит ли он мне вслед.

Глава 9

Эмелия

4 года спустя

Стою на пороге квартиры Сони, уставившись на ее приветственный коврик.

Я здесь уже несколько минут и полагаю, в какой-то момент постучу, но пока не набралась сил. У моего правого бедра стоит чемодан, а позади сложено несколько картонных коробок. Водитель Uber был достаточно любезен, чтобы помочь мне их разгрузить.

— Нашла новое место? — спросил он.

— Что-то в этом роде.

Правда заключается в том, что я бездомная, уже минут тридцать.

У меня была квартира, которая мне вполне нравилась. На третьем этаже в милом районе, с прекрасным видом из окна на деревья, но она была оформлена на моего парня, поэтому, когда вечером он пришел домой с работы со слезами на глазах и сказал мне, что нам нужно поговорить, я поняла, что это больше не моя квартира.

— Я спал с другой, — признался он.

Мой рот сложился в идеальную букву «О».

Затем наступила тишина. Молчание, пока он ждал, что у меня будет бурная реакция на его измену. Тишина, пока я ждала, когда мое тело наполнится ревностью и яростью.

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать, — предложил он.

Вопросы... разве у меня должны быть вопросы?

Кажется, я остановилась на чем-то банальном, типа «Ты ее любишь?»

Он признался, что так и есть, и дальше последовала настоящая сенсация: он уходит от меня к ней.

Точно. Что же, это все усложнило. Я как раз готовила спагетти. Должна ли я была оставить воду кипеть или?..

В итоге я просто выключила плиту и оставила кастрюлю. Полагаю, он позаботится о ней позже.

Я должна была понять, что с Купером что-то происходит, еще несколько недель назад. Между нами все было не так. Я все чаще выходила из квартиры, находила любой предлог, чтобы побродить по книжным магазинам и кофейням, ходила на долгие бранчи с Соней и гуляла по городу в одиночестве. Он работал дольше обычного. А наша сексуальная жизнь... да. Она уже давно не существовала, но меня это устраивало. Что, оглядываясь назад, должно было быть огромным тревожным сигналом, но я предпочла его проигнорировать.

Последние несколько лет я довольствовалась тем, что игнорировала многие вещи в своей жизни.

После окончания Дартмута и получения степени магистра в области сохранения архитектуры в Нью-Йоркском университете я перестала нажимать на газ. Позволяла жизни тянуть и толкать меня, как ей вздумается, словно полиэтиленовый пакет, развевающийся на ветру.

Когда после окончания университета в мае открылась вакансия в Нью-Йоркском городском парке, я подала заявление. Неважно, что это не совсем то место, о котором мечтала. Неважно, что я не нахожусь в окопах и не помогаю сохранять здания и архитектуру в городе. Неважно, что я всего лишь помощник. Я выполняю много канцелярской работы, составляю расписание, подшиваю документы, выполняю поручения. Сказать, что используются мои ученые степени — большая натяжка.

Так что с работой все понятно. Что касается моей личной жизни...

Ну, я уже упоминала о Купере. Изначально мы сошлись, потому что, когда Соня начала встречаться со своим нынешним женихом Уэсли, он упомянул, что у него есть холостой друг по имени Купер, и все подумали, что было бы забавно пойти на двойное свидание. Я согласилась, а почему бы и нет?

Когда Купер, казалось, влюбился в меня по уши, а я не чувствовала того же самого, то не стала раздумывать. Мне нравилась ситуация. Лучшие друзья встречаются с лучшими подругами.

И когда Уэсли сделал предложение Соне, а Купер намекнул, что, по его мнению, мы скоро пойдем по их стопам, я извинилась и пошла в туалет, заперла дверь и ощутила, что у меня сейчас начнется сердечный приступ.

Так что да, если посмотреть на все это в совокупности, то моя жизнь в последние несколько лет была не из приятных.

Я знаю это.

Или, по крайней мере, я знаю это сейчас.

Соня распахивает дверь.

— Тьфу! Мужики! Не могут держать свои долбанные руки при себе! Клянусь БОГОМ.

Она уже заносит мой чемодан внутрь, я беру коробку. Вместе мы относим мои вещи в свободную спальню. Довольно большая роскошь в Нью-Йорке, но работа Сони в отделе маркетинга технологического стартапа хорошо оплачивается.

— Ненавижу его. Этот мудака, он думает, что может изменять тебя и это сойдет ему с рук?! Ты с самого начала была слишком хороша для него.

И еще много всего. Любая мотивационная фраза, пришедшая ей на ум, будет озвучена. Это квинтэссенция «Он только притупил твой блеск», и «Тебе будет лучше без него», и «Он только что совершил самую большую ошибку в своей жизни!».

Позволяю ей продолжать, потому что не уверена, что еще мне следует делать. Кажется неправильным признаваться в том огромном облегчении, которое я испытываю прямо сейчас.

— Можешь оставаться столько, сколько захочешь, — уверяет она меня. — Ты меня слышишь? Мой дом — твой дом. А сейчас, если ты меня извинишь, я как раз заказывала куклу вуду, похожую на Купера, чтобы мы могли мучить его, и если оформлю заказ в ближайшие пятнадцать минут, то получу бесплатную доставку.

Следующие несколько недель жизни в квартире Сони проходят почти так же, как и предыдущие несколько лет. Я продолжаю лгать себе и игнорировать проблемы размером со слона. Я уже привыкла. Так долго скрываю правду, что была бы почти удивлена, если бы смогла раскрыть все это сейчас.

Осознание того, что я несчастна — это только первый шаг. Что-то с этим сделать... Ну, ты только посмотри? В Old Navy проходит распродажа, скидки 25%.

Вместо того чтобы что-то менять, я продолжаю работать на начальника, который мне не нравится, на работе, которую ненавижу.

Я говорю себе (и Соне), что ищу квартиру, но на самом деле просто оттягиваю время, просматривая на сайте Zillow многомиллионные дома в экзотических местах и критикуя выбранный владельцем дизайн интерьера. Диваны с принтом «зебра» в лыжном домике в Аспене? Серьезно?

Подумываю о том, чтобы зайти в приложения для знакомств и снова выйти в свет, но потом решаю, что лучше спущу телефон в унитаз.

Ровно через три недели после моего переезда Соня стучит в дверь моей спальни. Ну, технически это ее спальня, но неважно.

Она приоткрывает ее и заглядывает внутрь.

— Хэй, чемпионка. Как дела?

Закрываю ноутбук, прежде чем она успевает войти и увидеть все мои открытые вкладки, хотя в кои-то веки они не все Zillow.

Это еще хуже.

Занимаюсь тем, чем всегда, когда мне грустно: заглядываю в то, что не следует, ковыряюсь в пресловутых стружьях. Обычно это начинается с поиска информации о Фредерике, Эммете и Александре. Потом, когда и это меня не удовлетворяет, спускаюсь в кроличью нору — гуглю профессора Барклая. Проверить его достаточно просто. Он больше не преподает в Дартмуте. В год моего выпуска он покидает университет и переводится в Массачусетский технологический институт, вероятно, потому что становится невозможно ездить в Ганновер и поддерживать рост «Бэнкс и Барклай» в Бостоне. Его архитектурное бюро огромно и постоянно расширяется. О них постоянно пишут: ремонт Белого дома, реставрация Вьетнамского мемориала в Лос-Анджелесе. Они даже выступают в качестве консультантов по реконструкции Нотр-Дама после пожара, случившегося несколько лет назад.

Три месяца назад состоялся торжественный прием, посвященный достигнутому прогрессу и сбору средств на оставшуюся часть масштабных ремонтных работ, стоимость которых оценивается в сотни миллионов евро, из-за присутствия знаменитостей фотографии мероприятия были повсюду. Профессор Барклай и его партнер по фирме Кристофер Бэнкс были там, а также Эммет и Фредерик, что вполне логично. Они не только преданные парижане, Фредерик был крупнейшим частным спонсором, превзошедшим даже французское правительство. Были сделаны фотографии этой четверки, каждый из них выглядел чрезвычайно красивым и нарядным, но эти их совместные снимки меня не удивили; скорее всего, все они принадлежат к одному и тому же элитному кругу или, по крайней мере, встречались раз или два. А вот фотографии профессора Барклая с хорошенькой блондинкой не выходят у меня из головы.

Сегодня вечером я изучаю именно это, пытаюсь выяснить, продолжаются ли их отношения. После торжественного мероприятия их не фотографировали вместе, но это ведь

ничего не значит, верно?! Профессор Барклай не похож на человека, который объявляет о своих отношениях в Instagram или где-то еще.

В любом случае Соне не нужно ничего об этом знать. Она знает о моем прошлом, но ничего о профессоре Барклае. Я имею в виду то, что сказала ему в последний раз, когда мы разговаривали: я никому не расскажу о той ночи в баре.

— Тебе пришло письмо из Шотландии, пересланное из Данлани. Это от мистера Пармера?

Я киваю и забираю письмо, одаривая ее небольшой благодарной улыбкой в знак признательности.

— Так и будешь торчать здесь всю ночь? — спрашивает она, обводя взглядом комнату. Мне вдруг становится стыдно за чашки, скопившиеся на прикроватной тумбочке, и за стопку белья, бесконтрольно растущую в углу.

Я еще не очень хорошо устроилась. Мои коробки для переезда все еще заклеены скотчем. Одежда не висит в шкафу. Она переключивается из чемодана на мое тело, затем в кучу грязной одежды, после чего я ее стираю, сушу и кладу обратно в чемодан. Если бы я обратилась к психотерапевту, он, скорее всего, сказал бы, что мой нераспакованный чемодан — это метафора чего-то.

— В конце концов, я собираюсь рискнуть... — говорю я ей. — Когда больше не смогу игнорировать урчание своего желудка.

Она усмехается.

— В холодильнике полно продуктов. Я зашла в Whole Foods по дороге с работы.

— А, спасибо. Я переведу тебе деньги.

Чувствую себя ужасно по еще одной причине. С тех пор как приехала, я была хреновой гостьей. Поскольку не готовлю и никогда добровольно не хожу в магазин. Только убираю за собой и вношу деньги за все, что она покупает, но не похоже, что действительно ценю, то что нахожусь здесь. Во всяком случае, мое присутствие только отнимает силы у Сони, которая сейчас занимается подготовкой к свадьбе.

Даже сейчас у нее под мышкой зажата свадебная папка. Она повсюду носит с собой эту розовую штучку с оборками. Я уверена, что она пришла сюда, потому что хочет открыть ее и узнать мое мнение: «Как ты думаешь, льняные салфетки — это слишком официально? Считается ли бежевый свадебным цветом или это просто нейтральный? Возненавидят ли меня подружки невесты, если я заставлю их зачесать волосы наверх?».

Я изо всех сил стараюсь заботиться обо всем, даже о тривиальных вещах. Соня была мне хорошим другом, и даже если сейчас моя жизнь полный отстой, не хочу портить ей это время.

— Итак... я не хочу тебя расстраивать или что-то в этом роде... — начинает она.

Я сажусь на кровати.

«Пожалуйста, не говори, что ты меня выгоняешь. Пожалуйста, не говори, что ты меня выгоняешь».

Она морщится и продолжает:

— Я только что увидела, что Купер опубликовал фотографию с Самантой на Facebook. Похоже, что это официально. Скорее всего, она будет его второй половинкой на свадьбе.

Она изображает рвотный позыв, а я обмякаю от облегчения.

«О. Это... ха. Это...»

Я не знаю подходящего слова.

Она плюхается на мою кровать и хмурится.

— Хочешь, чтобы я отменила его приглашение на свадьбу?

Не могу удержаться от смеха. Она неправильно истолковала мое настроение и думает, что я расстроена этой новостью.

— Не уверена, как ты сможешь это сделать, учитывая, что он шафер Уэсли.

Она невозмутимо пожимает плечами.

— Да, но до свадьбы еще два месяца, так что у Уэсли есть время найти нового шафера. Что? Как будто это трудно?

Я улыбаюсь.

— Все хорошо. Я обещаю. Смотри, — я подняла руки. — Я не рассыпаюсь на миллион кусочков или что-то в этом роде.

Понимаю, что за последние несколько недель поставила себя в неловкое положение. Скрывая от Сони многое, и она вынуждена предположить, что мое недомогание и грусть вызваны разрывом с Купером. Это так далеко от истины, но, если признаюсь, что меня это не беспокоит, последуют дальнейшие вопросы, которых я очень-очень хочу избежать. Поэтому прикидываюсь дурочкой. И позволяю ей предполагать все, что она пожелает, и не поправляю ее. Я знаю, что это ужасно и считается ложью, но это все, что могу сделать в данный момент. Я просто пытаюсь держать себя в руках.

Мне кажется, что я веду проигранную битву, но не готова сдаться.

Еще нет.

— И еще, не хочу указывать на очевидное, но... Ты ее видела?

Я хмурюсь.

— Кого?

— Его новую девушку. Другую женщину.

Мне впервые приходит в голову, что я понятия не имею, как выглядит любовница Купера, ставшая девушкой. Потому что, в отличие от профессора Баркляя, мне даже не пришлось в голову проверить Купера теперь, когда его больше нет в моей жизни.

— Нет.

Она издает короткий смешок.

— О боже. Мы с Уэсли были в шоке, когда впервые увидели ее. Я имею в виду... она выглядит... как ты. Ну, не совсем, похожа, потому что ты, ну... чертовски великолепна. — Она поднимает руку, когда я открываю рот. — И остановись, я знаю, что ты сейчас попытаешься опровергнуть очевидное, но не хочу этого слышать. Я была твоей лучшей подругой на протяжении стольких лет. Мне приходилось терпеть все эти взгляды каждый раз, когда мы проходили через переполненный ресторан, парней, которые буквально спотыкались, чтобы получить твой номер. Нет, эта девушка тебе и в подметки не годится, но если прищурить один глаз и прикрыть другой, она может быть похожа на твою кузину или что-то вроде того. Очевидно, что Купер еще не забыл тебя.

Знаю, она говорит мне это, чтобы заставить почувствовать себя лучше, но это только усиливает чувство вины.

— Ну, это он изменил.

— Придурок.

Качаю головой, затем указываю на ее папку, готовая переключить передачу и отвести от себя внимание.

— Тебе что-то нужно сделать для свадьбы?

Она смотрит вниз.

— О. Да, я собираюсь пойти к Уэсли. Мы сегодня работаем над цветами. И под «мы» имею в виду себя. Я просто хотела проверить тебя перед уходом.

— Спасибо. Ты хороший друг.

Она подмигивает.

— Разве я этого не знаю? И только между нами... в морозилке есть мороженое «Рокки Роуд».

Я издаю стон, словно никогда в жизни не слышала ничего более возбуждающего, и она смеется, прежде чем смех резко обрывается, а ее глаза расширяются от забытой мысли.

— О! Ты слышала новости?

Я ожидаю, что она расскажет еще о Купере или, возможно, о чем-то, связанном со свадьбой.

— час назад Всего«Нью-Йорк таймс» опубликовала статью о каком-то ранее не обнаруженном особняке позолоченного века, построенном по заказу Вандербильтов. Ты видела пост об этом в Instagram?

— Что? Нет.

Я уже сажусь прямее и наклоняюсь вперед.

— Да. В Белл-Хейвене, на какой-то закрытой прибрежной территории, которая когда-то принадлежала Альве Вандербильт. Разве не ей принадлежали «Брейкеры»? Или это была Элис? Я забыла. В любом случае не могу вспомнить точных деталей, но дом просто стоял там, полуразрушенный и пустой, неизвестно сколько времени. Альва заказала проект какому-то известному архитектору.

— Наверное, Ричарду Моррису Ханту.

— В статье говорилось, что это «жемчужина» всех поместий Вандербильтов, затмевающая даже Билтмор.

— Как же получилось, что они только сейчас его обнаружили?

— В том-то и дело! — взволнованно продолжает она. — Никто не знал об этом, потому что он находится на частной территории, и, по-видимому, заросшей, деревья действительно густые, не говоря уже о том, что дом расположен на участке таким образом, чтобы скрываться от посторонних глаз. В «Таймс» даже предположили, что Альва хотела, чтобы все было именно так — секретно и все такое. Ты помнишь, какими чертовыми конкурентками были эти женщины Вандербильт. Одна построила особняк на Пятой авеню, а затем другая построила еще один, побольше, несколькими ярдами ниже. Иисус. Я не могу вспомнить, кто, по их словам, купил его...

— Наверное, Общество сохранения Белл-Хейвен. А если они не могли позволить себе это, то, скорее всего, привлекли департамент туризма штата Коннектикут. Просто посмотри на особняки позолоченного века в Род-Айленде — эти вещи сейчас приносят доход. Коннектикут наверняка воспользовался бы этой возможностью.

— Да, ты права. Теперь я припоминаю, и они сказали, что оно было куплено за нераскрытую сумму до того, как его смогли выставить на аукцион. Ты можешь себе представить, за сколько это было продано? — она недоверчиво качает головой. — И теперь, конечно, они...

— Восстановят его, — говорю я, обрывая ее.

Она сияет.

— Вот именно. Насколько это круто?! Поговорим о возможности, которая выпадает раз в жизни. Тебе нужно пойти и прочитать эту статью. Это важный день в вашем природоохранном мире.

У меня практически текут слюнки. Мое сердце, которое было холодным и бесчувственным, начинает бешено колотиться.

— Как ты думаешь, кто займется восстановлением?

Ее улыбка исчезает, и она спрашивает меня.

— Кто? Да, я бы поставила миллион долларов на то, что контракт заключат «Бэнкс и Барклай».

Я откидываюсь на спинку стула, мое возбуждение уже начинает спадать.

— Конечно. Верно.

Нет никого лучше.

Глава 10

Джонатан

Я возвращаюсь домой из Парижа, пролетаю над Атлантикой, когда получаю известие о том, что моя фирма выиграла контракт на реставрацию поместья Вандербильтов в Бель-Хейвене.

Остальные пассажиры первого класса спят, пока почтовый ящик заполняется письмами. Уверен, что телефон тоже разрывался бы от звонков, если бы я не поставил его на авиарежим.

Электронные письма от моих друзей с поздравлениями.

От банков и отдела маркетинга «Бэнкс и Барклай»: «Запрос на собеседование. Пожалуйста, сообщите о наличии свободных мест».

От Кристофера: «Возвращайся нах*й домой!»

Контракт — это большое дело. Нам противостояла дюжина других фирм со всего мира, даже более крупных, и я точно знаю, что мы не были на самом дне с точки зрения ценообразования. Однако наша работа говорит сама за себя. Я не удивлен, что мы получаем это предложение.

Первоначальное волнение, которое я испытываю, почти сразу же отходит на второй план, уступая место масштабным проблемам, требующим немедленного решения.

Хватаю свой блокнот и нетерпеливо откусываю колпачок от ручки, прежде чем начать строчить список дел. Когда мы только приступили к консультированию по реставрации Нотр-Дама, нам пришлось нанять двадцать новых сотрудников, чтобы покрыть объем работы. Мы перерастаем наше старое офисное помещение и переезжаем в здание в центре Бостона, которое «Бэнкс и Барклай» отреставрировали несколькими годами ранее. Два верхних этажа сдавались в аренду, и вместо того, чтобы позволить какой-нибудь финансовой фирме ворваться и вывесить название на стене здания, мы размещаем там свое. К счастью, здание достаточно большое, чтобы справиться с очередным витком расширения. Ничего не поделаешь; нам понадобится по меньшей мере десять новых сотрудников, и это только офисный персонал.

На стройплощадке нам понадобится множество мастеров: кузнецы, каменщики, маляры, плотники — каждый из них обучен искусству исторической реставрации.

— Могу я вам что-нибудь предложить, сэръ?

Поднимаю взгляд на стюардессу, только с опозданием понимая, что не могу ей ответить, поскольку колпачок от авторучки все еще зажат у меня в зубах.

Вынимаю его и качаю головой.

— Я в порядке.

Ей с трудом удастся оторвать свое внимание от моих губ, когда она продолжает:

— Никакого шампанского поздней ночью?

— Я не любитель шампанского.

Думаю, что это достаточно вежливые проводы, но оказалось, что они слишком вежливы.

Она не уходит, а вместо этого втискивается в проем сидений первого класса и пробует другую тактику.

— Знаете, вы единственный, кто еще не спит. Обычно, если все гости спят, нам разрешают сделать перерыв...

В тоне нет и намека на раздражение по поводу того, что ей все еще приходится быть на ногах. Я думаю, может быть, она просто пытается дать мне понять, что мы можем уединиться, если я этого хочу.

Если бы я не был так занят, принял бы ее предложение.

Нет.

— Конечно, отдыхайте. Мне ничего не нужно.

Я поужинал и выпил, теперь мне нужно шесть часов непрерывной тишины, чтобы поработать.

Она натянуто улыбается и кивает.

— Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне.

Она указывает на кнопку вызова рядом с моим креслом, но я уже переключаю свое внимание на записи.

Специалистов, прошедших обучение в этой области, найти сложно. Любой плотник может зайти в современный новострой и сделать молдинг и встроенные книжные полки. Для того чтобы сделать то, что делаем мы, нужны преданные, натренированные руки человека, в совершенстве владеющего приемами старых мастеров.

В прошлые проекты мы привлекали людей из Флоренции, работников, чьи семьи из поколения в поколение передавали знания в этих областях. Мне нужно будет проконсультироваться с Кристофером и посмотреть, что, по его мнению, требуется. Возможно, нам удастся обучить ребят и избежать расходов, в зависимости от сроков, о которых мы в конечном итоге договоримся.

Я до сих пор сам не осмотрел поместье Вандербильтов. И не знаю, с чем мы столкнемся.

Кристофер следит за проектом в течение последних нескольких недель. Я присутствовал на совещаниях и высказывал свои соображения по мере возможности, но в основном не принимал участия в работе, так как работа заставляет меня находиться в Париже большую часть прошлого года.

Консультации по Нотр-Даму возникли органично. Когда я впервые увидел новости о пожаре, мое сердце сжалось от сочувствия к жителям Парижа. Было ужасно наблюдать, как сгорает кусочек истории, и я все еще был прикован к телевизору, наблюдая за прямой трансляцией, когда мне впервые позвонил Эммет.

— Мой отец уже переводит средства, — сказал он мне. — Что касается контрактов, мы будем настаивать на тебе и твоей фирме. Ты сделаешь это, не так ли?

Я не колебался.

— Конечно, сделаю. Но... Эммет, фирма должна быть французской. Ты это знаешь. Даже если бы у меня было время...

— Тогда ты будешь консультировать. Вносить свой вклад. Лучше тебя в этом никто не разбирается.

В его голосе звучало отчаяние, поэтому я согласился, наивно полагая, что это будет чем-то таким, что я мог бы делать время от времени. Но все оказалось не так. За последний год я шестнадцать раз летал в Париж. Участвовал в бесчисленных совещаниях со строителями, главными архитекторами, инженерами, представителями Римской католической церкви, парижского Совета по архитектурному планированию и дизайну и французского правительства, которые затянули реконструкцию до предела. Проще говоря, на кухне слишком много поваров. Никогда еще проект не продвигался так медленно. Нужно проявлять доверие, заботу и уважение там, где это необходимо. Все это какой-то кошмар. Жители Парижа жалуются, что это слишком дорого, а ремонт занимает слишком много времени. Критики опасаются, что новое здание не будет идеально повторять то, что было раньше. Никто не согласен.

В общем, это отнимает слишком много времени в моей жизни. Я испытываю облегчение оттого, что лечу домой, в Бостон.

Стюардесса могла бы помочь, но я дохожу до того, что мой мозг начинает саботировать меня. Он работает на три недели вперед, минуя быстрый секс и поверхностное удовольствие от погони, прямо к пресному, неловкому финалу, а потому кажется, что оно того просто не стоит.

В прошлом году я пытался дать отношениям реальный шанс с Мирандой. Нас познакомил Эммет, когда я был в Париже в начале прошлого лета. Она работает в GHV, в отделе по связям с общественностью, и из нашего мира. Воспитанница школы-интерната, наследница Лиги плюща, все поняли, когда мы с ней нашли общий язык. Миранда — это все, что должно делать меня счастливым: умная, красивая, целеустремленная, не слишком навязчивая, не слишком отстраненная. Она знает, как приготовить идеальный французский омлет, и свободно владеет немецким и мандаринским языками. Когда я ей не перезваниваю, она, кажется, не возражает. Никогда не заставляла меня посвящать ей больше времени и не жаловалась на то, что мы никогда не устанавливали четких границ в наших отношениях.

Каждый раз, когда мы разговариваем или находим время, чтобы увидеться, это хорошо, интересно, весело.

Она прислала мне письмо сегодня вечером, как и все остальные.

«Полагаю, нам придется отпраздновать это в следующий раз, когда ты будешь в Париже.

Какое замечательное достижение, Джонатан.

XX, Миранда»

Чтение ее слов ничего не дает. Мое сердце стучит в том же ровном ритме, как будто пытаюсь подчеркнуть мне, что нет никакого способа заставить себя полюбить кого-то. Ты либо любишь, либо нет.

Я ненавижу, что мои мысли возвращаются к Эмелии.

Понимаю, что она стала чем-то вроде миража. Те реальные воспоминания, которые у меня есть, так долго были испорчены фантазиями, тоской и отчаянием, что не могу доверять себе, когда дело доходит до моих настоящих чувств к ней. Я возвел ее на пьедестал и сделал невозможным для любой другой женщины подняться на него, не из-за какой-то нелепой связи, которая бывает раз в жизни, а потому, что у меня, вероятно, недиагностированная фобия обязательств или что-то в этом роде.

Сначала, много лет назад, я ругал себя за то, что не стал добиваться ее после той ночи, которую мы провели в баре.

Но что, черт возьми, мне было делать? Пытаться завязать отношения со студенткой? Боже, ей только исполнился двадцать один год. Она была молода и не подходила мне во многих отношениях. Но это не значит, что я не фантазировал о ней. Это не значит, что я не допускал мысли о том, что между нами может что-то произойти. Весь оставшийся семестр в Дартмуте я заходил в ARC 521, смотрел на этот деревянный стул и жалел, что на нем не сидит Эмелия. Я искал все, что мог найти о ней в интернете, следил за ее расписанием на семестр, написал не одно письмо на ее университетский электронный адрес, только для того, чтобы в последнюю минуту поумнеть и нажать «Удалить». Снова и снова я поднимал трубку, чтобы позвонить Эммету, спросить его о сестре, но, когда мы разговаривали, никак не мог набраться смелости.

Я представил себе, как прошел бы этот разговор.

«О, Эмелия посещала твой курс в Дартмуте? Была ли она хорошей ученицей?»

И что бы я ответил на это?

«Не знаю, Эммет. Я вел себя с ней как мудака в течение нескольких недель, а потом сделал ей выговор за что-то, что сейчас кажется незначительным, и вынудил бросить мои занятия, а затем просунул руку ей под юбку в туалете бара».

Проигрывая все это в голове, я должен чувствовать себя виноватым и порочным.

Но я не чувствую.

Как бы пафосно это ни звучало, я был одержим. Следил за ее работой в Дартмуте, за дипломным проектом, и в тот день, когда она должна была его представить, прокрался в приемную после того, как все расселись, и толпа заполнила помещение, встал сзади, вне поля ее зрения, и слушал. Ее проект представлял собой концептуальную кампанию экотуризма во Французском квартале, способ привнести в Новый Орлеан чистую энергию и экологичные методы строительства, сохранив при этом квинтэссенцию архитектуры, которой он известен. Она рассказала о проблемах, окружающих город: о том, как инфраструктура, хрупкость и нормативные акты, защищающие историческую застройку, могут затруднить или запретить благоустройство зелеными насаждениями. Кроме того, многие предприятия, пострадавшие в результате недавних наводнений, потратили свои ресурсы на восстановление, чтобы встать на ноги, забыв об экологичности, что, по понятным причинам, является упущенной возможностью.

В ее диссертации предполагалось, что в Новом Орлеане можно восстановить сразу несколько ключевых исторических зданий во Французском квартале, в частности, в районе

Бурбон-стрит, и при этом создать первые в городе отели, сертифицированные по стандартам LEED или Green Seal.

Для нее не было предела. Она хотела уменьшить количество автомобильного транспорта и увеличить количество пешеходных улиц, улучшить дренаж, чтобы подготовиться к будущим наводнениям, и установить солнечные батареи на крышах, а также разбить сады под открытым небом.

Несмотря на то что проект был в некотором роде идеалистическим и наивным, факт остается фактом: ее проект был лучшим среди сокурсников. Я бы похвалил ее, вознаградил. Но был достаточно хорошим человеком, чтобы понимать, что больше не могу переступить эту черту с Эмелией. Тем не менее это не мешало мне жалеть о том, что я этого не сделал.

После нашего последнего разговора в кампусе, когда она поклялась мне, что никогда никому не расскажет о том, что произошло между нами, Эмелия больше никогда не возвращалась на скамейку под окном моего кабинета. Какой бы покой и уединение она ни обрела в этом дворе, они исчезли благодаря мне.

Глава 11

Эмелия

Не могу поверить, что я здесь, сижу в «Бэнкс и Барклай» в центре Бостона и нервно постукиваю ногой в ожидании, когда интервьюер выйдет из конференц-зала и назовет мое имя.

Последние два часа они принимают кандидатов одного за другим. Но вот я сижу, уставившись на кофейный столик с разложенным завтраком, к которому ни у кого из нас не хватило духу прикоснуться. Слоеные круассаны и божественные булочки с корицей — все пропадает зря. Какая жалость. Может быть, если мое собеседование пройдет ужасно, я захвачу парочку на выходе и скажу себе, что путешествие сюда из Нью-Йорка не было напрасным.

В начале дня нас было двадцать человек, расположившихся в небольшом холле, выходящем в конференц-зал. Мы являемся кандидатами, прошедшими строгий процесс собеседования, чтобы попасть сюда. Три недели переписки, электронных писем, телефонных интервью и в Zoom, и вот он, последний круг ада.

Сегодня мы либо выйдем отсюда с новой работой, либо вернемся к привычной жизни. Стараюсь, чтобы эта мысль не угнетала меня.

Потребовалось много мужества, чтобы прийти сюда сегодня. Как только «Бэнкс и Барклай» заключают контракт на реконструкцию поместья в Белл-Хейвен, я заглянула на их вебсайт и обнаружила, как и предполагала, десять новых объявлений о вакансиях, размещенных за одну ночь. Конечно, они набирают людей. Работа такого масштаба требует большой команды. Во главе, скорее всего, будет профессор Барклай или его партнер Кристофер Бэнкс, затем старший менеджер проекта, по крайней мере, два или три младших менеджера проекта, главный архитектор, Бог знает сколько еще архитекторов, инженеров-механиков и электриков, технических дизайнеров, и специалистов по сохранению архитектурного наследия. Вот тут-то я и вступаю в дело.

Но в тот день, когда увидела эти объявления, я не стала подавать заявление. На самом деле сначала я закрыла их сайт, выключила ноутбук и засунула его под подушку.

Потом я продолжила жить дальше, каждый день ходила на ненавистную работу, вторгалась в квартиру лучшей подруги, но меня постоянно преследовали мысли о поместье Белл-Хейвен. Несомненно, будут еще некогда утраченные поместья Вандербильтов, которые нужно восстановить. В этом нет ничего особенного, но, к сожалению, мне не удалось убедить себя.

Если бы за это взялась любая другая фирма, я бы немедленно подала заявку на вакансию. И уже стучала бы в их дверь.

Но работать на профессора Баркляя — это не то, о чем я когда-либо думала за миллион лет.

То есть... до тех пор, пока три недели назад...

Я сидела на кровати, чувствуя себя особенно подавленно, когда вспомнила о письме, которое Соня передала мне от мистера Пармера. Оно проделало долгий путь из Шотландии и было сильно потрепано, и вместо того, чтобы открыть его в тот день, когда она принесла его мне, я положила его на прикроватную тумбочку и спрятала под книгой. Я распечатала конверт и осторожно вскрыла, чтобы не порвать ни одной страницы и не повредить конверт.

История мистера Пармера — это история моего детства.

На бумаге я дочь Фредерика Мерсье. Моя мама встретила его, когда училась за границей в Политехническом университете. Сейчас Фредерик возглавляет GHV, элитный конгломерат, который он создал за последние два десятилетия, и занимает девятое место в списке самых богатых людей мира. А тогда Фредерик был просто мужчиной, пережившим развод, отцом двух маленьких мальчиков, Эммета и Александра, и все еще находился в процессе построения своей империи.

Когда я росла, то знала, что Фредерик — мой отец, но никогда не встречалась с ним, никогда даже не видела его или двух моих сводных братьев вживую. Я полагала, что это потому, что они с моей матерью больше не были женаты, думала, что, возможно, они поссорились или произошло что-то настолько драматичное, что они решили больше никогда не находиться в одной комнате. Представляла себе, что мать любит меня так сильно, что не хочет делить меня с ним, а отец жаждет меня видеть, скушает и бесконечно плачет по мне. Воображение было необходимо, потому что в юности мать была молчаливой в этом вопросе. Я знала, что не стоит приставать к ней с расспросами, она никогда не уступит.

Так продолжалось много лет. С возрастом мои дикие фантазии становились все более умеренными и реалистичными, но тихое любопытство так и не было удовлетворено. Только в тринадцать я узнала правду. Может быть, мама решила, что я уже достаточно взрослая, чтобы справиться, а может, я застала ее в самый подходящий момент после того, как она выпила слишком много бокалов вина.

Я подошла к мягкому креслу у камина, в котором она сидела, подобрала край одеяла и устроилась рядом с ней, укутав нас обоих. Она одобритительно хмыкнула и прижалась ко мне, поцеловав в щеку. Сначала мы сидели молча, пока она играла с моими длинными каштановыми волосами, накручивая их на пальцы.

— Расскажи мне об отце, — мягко попросила я ее.

Я ждала, что она отмахнется от меня, как в прошлые разы, но вместо этого она спросила.

— Что ты хотела узнать?

Просто.

— Все.

Она усмехнулась.

— Он высокий и красивый. Когда я видела его в последний раз, в его волосах было немного седины, но это...

— Нет. Нет, — настаивала я. — Только не это.

Я видела фотографии Фредерика. И знала, как он выглядит, чем занимается, кто он такой.

Я хотела знать правду об их отношениях, о том, почему никогда не встречалась с ним.

Я сказала ей об этом, и наступило долгое молчание, единственным звуком в комнате было потрескивание огня. Я чуть не расплакалась, настолько меня переполняли гнев и обида на ситуацию, о которой так мало знала.

Потом она заговорила.

— Он не всегда был жестоким человеком. Он был добрым, особенно когда мы только познакомились, но давление, связанное с развитием его компании, сточило его мягкие

черты. Он много путешествовал, а я была предоставлена сама себе. Я хотела работать, вносить свой вклад в развитие мира. В конце концов, у меня были дипломы и образование, мозги. Однако Фредерику эта идея не нравилась. Вообще-то, мы не нуждались в деньгах, но дело было не только в этом — он хотел, чтобы я сосредоточилась на попытках забеременеть. Он был так категоричен в своем желании иметь еще одного ребенка, девочку. Неважно, что он был неотъемлемой частью этого. У нас были не столько проблемы с бесплодием, сколько с расписанием. Фредерик был в разных концах света, его почти не было рядом. Во время поездок он начал накапливать недвижимость, называл их инвестиционными возможностями, но для меня они значили больше. Это была отдушина, способ внести свой вклад. Именно я подтолкнула его к покупке замка Данлани, и он позволил мне переехать сюда, как только понял, насколько я несчастна в парижской квартире. Думаю, так было лучше и для него. Без меня он мог бы сосредоточиться на своей настоящей любви.

— Другая женщина?

— Его компания.

— И тебе здесь понравилось? Тогда?

Она тоскливо улыбнулась.

— Очень. У нас было так много планов, Эмелия. Фредерик прислал из Франции рабочих и ремесленников, чтобы помочь в реставрационных работах, которые я курировала. Это...

— Что?

— Вот так я познакомилась с Жаком. Жак, так его звали. Она посмотрела куда-то поверх моего плеча, вспоминая. Нежная улыбка заиграла на ее губах. — Он пришел с большой бригадой людей — плотниками, каменщиками, кузнецами, но был другим. Молодым подмастерьем, художником. В обеденный перерыв он рисовал под большим дубом за окном кухни, а я наблюдала за ним. Не могла удержаться. Жак был такой красивый и молодой. Проблема... — она снова посмотрела на меня. — В тебе так много от него. — Ее палец провел по моей брови и вниз к скуле. — Красивая, — прошептала она.

Я не совсем понимала, что она пытается мне сказать.

— Как долго вы были вместе?

Она отдернула руку от моего лица и посмотрела на колени. От стыда ее щеки окрасились в ярко-красный цвет.

— Только одно лето. Правда, совсем недолго. Но у меня вырос круглый живот, и Фредерик приехал в гости. Мы впервые увиделись за полгода. К тому времени Жак уже давно уехал.

Я наклонилась вперед и обхватила ее своими тонкими руками, давая ей утешение. Жизнь не так проста, в ней не всегда есть черное или белое, правильное или неправильное, верное или неверное.

Остальное она объяснила быстро, как будто срывала пластырь. К этому моменту известность Фредерика стала гарантией того, что скандал между моей матерью и Жаком будет освещен во всех таблоидах от Эдинбурга до Парижа. Поэтому вместо того, чтобы объявить правду всему миру, он тихо развелся с моей матерью и, чтобы сохранить лицо, заявил на меня права на бумаге, но не в реальной жизни. Для всего мира я далекая дочь Фредерика Мерсье от его второго брака, но на самом деле я дочь молодого художника. После их развода Фредерик оставил моей матери скудную сумму и Данлани. Это был хороший ход с его стороны. Любовь моей матери к этим старым развалинам гарантировала, что мы будем держаться подальше от Парижа, подальше от любопытных глаз и вопросов.

Когда пришло время идти в школу, выбора не было. Я не могла оставаться в Данлани. Ближайшая школа находилась в часе езды, и это была всего лишь сельская дневная школа. Мы остановились на школе-интернате в Йорке (Англия), которая находилась всего в двух часах езды на поезде от Эдинбурга. Она пообещала мне, что я могу ездить домой столько, сколько захочу, и я так и делала. Даже будучи подростком, я охотно ездила домой на поезде

по выходным, и мама встречала меня на вокзале, а потом мы за тридцать минут добирались до Данлани. После того как она заболела, и лечение сделало ее слишком слабой, чтобы водить машину, я брала машину, и сама ездила на станцию и обратно. Всю неделю ходила на занятия, а в пятницу, как только заканчивались уроки, спешила обратно в Данлани. Занималась у ее кровати, читала вслух учебники, говорила ей, что собираюсь поступить в американский университет, чтобы получить степень в области сохранения архитектуры. Ведь кто-то должен закончить восстановление Данлани, тебе не кажется?

Дом был в ужасном состоянии.

После развода у матери больше не было денег на завершение реставрационных работ, поэтому она закрыла большую часть дома, сосредоточив свое время и энергию на нескольких отдельных комнатах, которыми пользовалась ежедневно, не обращая внимания на протекающую крышу и разрушающиеся стены. Все стало только хуже, когда мне пришлось уволить мистера Пармера, садовника Данлани и мастера на все руки, чтобы иметь возможность содержать сиделку для матери на полный рабочий день.

Я не возвращалась в Данлани уже много лет, с тех пор как отправилась собирать те немногие вещи, которые хотела взять с собой в Дартмут. Сейчас он полностью закрыт, заколочен досками и максимально защищен от посторонних глаз.

Мистер Пармер время от времени навещает туда. Он пишет мне и отчитывается о проделанной работе, точно так же, как в письме, которое он прислал несколько недель назад и которое мне принесла Соня.

— Данлани летом — одно из моих любимых зрелищ. Сады буйно разрастаются, — пишет он. — Цветы повсюду, куда ни глянь.

Чтобы показать мне, он прикладывает к письму фотографию садов размером 4х6. На заднем плане я вижу дуб, под которым похоронена моя мать, то самое дерево, где Жак обычно сидел и рисовал в своем альбоме.

Именно эта фотография убеждает меня подать заявление о приеме на работу в компанию «Бэнкс и Барклай».

Я сказала матери, что собираюсь пойти в университет, чтобы стать специалистом по сохранению архитектурного наследия, получить навыки, которые позволят мне, наконец, восстановить Данлани, а вместо этого трачу свою жизнь впустую.

— Мисс Мерсье.

Я поднимаю взгляд. Интервьюер стоит на пороге конференц-зала, ожидая, когда я подойду. Это хорошо одетая женщина лет тридцати с небольшим, с доброй улыбкой. Она поправляет очки, пока я стою и собираю вещи. Она провела уже более десятка собеседований, но, похоже, не проявляет ни малейшего нетерпения по отношению ко мне.

— Извините, что заставила вас так долго ждать.

— Нет. — Я непреклонно качаю головой. — Все в порядке.

Она жестом приглашает меня первой войти в конференц-зал, и я на секунду останавливаюсь, чтобы полюбоваться помещением. Оно прекрасно, из него открывается потрясающий вид на Бостон, а большая стеклянная стена выходит в коридор справа.

Делаю шаг вперед, чтобы занять место, которое предлагает интервьюер, и сажусь за длинный конференц-стол, наискосок к тому месту, где она расположилась. За ее спиной — стеклянная стена.

— Я — Николь, руководитель отдела кадров здесь, в «Бэнкс и Барклай». Мы с вами несколько раз разговаривали по телефону.

Улыбаюсь.

— Да, я помню. Приятно наконец-то встретиться с вами лично.

Она кивает и опускает взгляд в свои записи. Перед ней все аккуратно разложено: ручки, карандаши и бумага — все под углом в 45 градусов. Предполагаю, что отдел кадров — идеальная сфера для нее.

— Как вы понимаете, это заключительное собеседование — скорее формальность. Я задам вам несколько вопросов, заполню все возможные пробелы. Мы пройдемся по

политике «Бэнкс и Барклай», и к концу дня вышло вам по электронной почте компенсационный пакет и контракт.

Я ошеломленно моргаю.

Она улавливает суть.

— Вы должны понимать, насколько вы квалифицированный кандидат, мисс Мерсье. Мы будем счастливы заполучить вас. И это притом, что...

Звук шагов эхом разносится по коридору. Поднимаю глаза и вижу двух мужчин, идущих по коридору, стекло не мешает. Вместе они поразительная пара. Один был постоянным мучением в моей жизни, а другой — просто знакомое лицо, которое я видела только на фотографиях. Мистер Бэнкс — высокий чернокожий мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и добродушной улыбкой, и он полная противоположность человеку, рядом с которым идет.

Каким бы веселым и жизнерадостным ни казался мистер Бэнкс, профессору Барклаю это не свойственно. Даже сейчас его брови нахмурены, когда он бросает на мистера Бэнкса резкий упрекающий взгляд.

Прошло четыре года, почти день в день, с тех пор как я видела его в последний раз.

На нем костюм цвета морской волны и белая рубашка на пуговицах без галстука. Его волосы средней длины, немного короче, чем на фотографиях со сбора средств для Нотр-Дама, но все остальное в точности такое, как я помню, вплоть до исходящей от него высокомерной энергии.

Он — мое самое большое препятствие, когда речь заходит о том, чтобы занять эту должность. Можно сказать, у нас с ним есть незаконченное дело... но я убеждаю себя, что не могу упустить возможность из-за него. Я прорабатываю все возможные сценарии, наиболее вероятный из которых заключается в том, что профессор Барклай даже не помнит меня. В то время как для меня это было грандиозным событием, для него это мог быть обычный субботний вечер. Сейчас у него на руке висит та блондинка, и он не занят мыслями обо мне. Конечно, есть вероятность, что он увидел мое заявление и вспомнил, кто я такая, но решил оставить прошлое в прошлом. Или, что не менее вероятно, он настолько занят, что даже не знает, что я здесь, сам не просмотрел ни одной заявки, а вместо этого оставляет это на усмотрение этой милой дамы в очках, которая пытается привлечь мое внимание.

Я издаю короткий смешок.

— Простите меня, черт возьми. Я отвлеклась на мгновение.

Она оглядывается через плечо, проследив за моим взглядом, и, кажется, сразу все понимает. Профессор Барклай и мистер Бэнкс представляют внушительный вид, и с этим не поспоришь. Но в более невинном смысле любому новому сотруднику было бы интересно взглянуть на владельцев компании.

— Профессор Барклай присоединится к нам?

— К сожалению, нет. Его время довольно ценно. То же самое и с мистером Бэнксом, хотя вы, вероятно, познакомитесь с ними достаточно скоро. Или вам удалось познакомиться с мистером Барклаем, когда вы учились в Дартмуте? Я полагаю, вы знаете его в роли профессора.

— Нет.

Ни малейших колебаний, прежде чем произнести ложь.

Она сочувственно хмурится.

— Жаль. Я слышала прекрасные отзывы о его курсах.

Двое мужчин проходят прямо передо мной, и я задерживаю дыхание, ожидая, что профессор Барклай обернется и увидит меня через стекло. Но он не смотрит, и облегчение заглушает мое беспокойство, прежде чем снова обращаю все свое внимание на интервьюера, выдавая свою первую искреннюю улыбку за день.

Как она и обещает, после обеда меня ждет электронное письмо с щедрым компенсационным пакетом и готовым к подписанию контрактом.

Вот оно, официальное предложение поработать с профессором Барклаем. Нет, извините, на профессора Баркляя. Разница есть.

Может быть, мне стоит посидеть подольше, обдумать все возможные причины, по которым это ужасная идея, но я чувствую ложную уверенность после дня, проведенного в офисе «Бэнкс и Барклай». Я нахожусь прямо у него под носом, и профессор Барклай меня не видит. Шансы на то, что наши пути снова пересекутся, не так уж высоки. На двух верхних этажах здания работает около пятидесяти человек, и я, скорее всего, буду подчиняться менеджеру, который, в свою очередь, будет подчиняться ему, так что, если не считать корпоративной рождественской вечеринки, маловероятно, что мы когда-нибудь окажемся в одной комнате.

Примечание: удивительно, в чем вы можете убедить себя, если хотите чего-то достаточно сильно.

Подписываю контракт и отправляю его обратно по электронной почте в течение часа. Вечером за ужином я сообщаю Соне новость.

— Я переезжаю в Бостон.

Ее вилка останавливается на полпути ко рту, ло-мейн болтается в воздухе.

— Когда?

— В субботу.

— В субботу, то есть послезавтра?

— Правильно.

Она откладывает контейнер с едой и вытирает рот, медленно пытаюсь переварить новость.

— Я устроилась на работу в «Бэнкс и Барклай», — беззаботно говорю я, стараясь, чтобы это прозвучало менее шокирующе, чем есть на самом деле. — Чтобы помочь с поместьем Белл-Хейвен.

Она резко поворачивается ко мне лицом.

— Что? Ты не говорила, что подала заявление.

— Ну... Я не думала, что получу ее.

— Какого черта?! — она разозлилась. — Ты всегда так делаешь, Эмелия. Опять скрывать.

— Ты расстроена, что я получила работу?

— Нет. Конечно, нет. Не надо все переиначивать. Ты знаешь, я рада за тебя, просто... Боже, мы были друзьями столько лет, и иногда мне кажется, что я все еще едва знаю тебя.

Она встает с дивана.

Мне хочется ответить что-нибудь банальное, например: «Иногда мне кажется, что я едва знаю себя», но я держу рот на замке и позволяю ей высказаться.

— Я просто чувствую, что друзья должны быть открытыми и честными друг с другом, а тебе нелегко это делать. Знаю, что мы разные. И не могу заставить тебя измениться, но все же... — она качает головой. — Просто... мне кажется странным, что ты так часто остаешься в стороне от жизни.

— Мне жаль. И я говорю это искренне, Соня. Знаю, что со мной трудно дружить. Знаю, что я не самый открытый человек... это просто тяжело. Когда росла, я так привыкла к тому, что мы были вдвоем с мамой, а теперь это только я.

Борьба уже начинает просачиваться из нее.

— Все в порядке. — Она выдавливает из себя тяжелый вздох. — Думаю, я просто в шоке. Бостон? Серьезно? Тебе обязательно ехать?

— Я уже подписала контракт. — Встаю и беру ее за руку, пытаюсь заставить улыбнуться. — Да ладно, хочешь сказать, что не рада получить свою квартиру обратно? Побывать немного наедине с Уэсли?

— Мне так нравилось, что ты здесь!

— Соня. — Мой тон говорит: «Прекрати нести чушь».

Она смеется.

— Я серьезно! Было весело. Ты как кошка. В основном ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое где-нибудь в теплом месте, например, в постели, но иногда я могу выманить тебя в гостиную, пообещав покормить.

Я чуть не задыхаюсь от того, насколько это точно.

— Так ты действительно это делаешь? Собираешься работать на профессора Баркляя? — ее глаза расширяются, когда она что-то обдумывает. — Вы уже виделись? Тебе пришлось проходить с ним собеседование?!

Я качаю головой.

— Никакого собеседования. Не то чтобы это имело значение — он меня не вспомнит.

Она раздраженно выдыхает.

— Тьфу! — мои щеки вспыхивают, когда она решительно продолжает. — Этот парень был одержим!

— Этот парень, — подчеркиваю я, — попросил меня отказаться от его занятий.

Она машет рукой, словно пытаясь заставить меня одуматься.

— Потому что он был одержим.

— Это не имеет значения. Он даже не знает, что я там работаю. Наше прошлое не всплывает.

Она смеется, откровенно издеваясь надо мной.

— Ладно, значит, вот как ты все это представляешь в своей голове. Это хорошо. Мне нравится. Дай мне знать, как долго ты сможешь поддерживать это заблуждение. Держу пари, что в течение первой недели у вас произойдет столкновение.

— СОНЯ! — я наклоняюсь и стучу костяшками пальцев по деревянному кофейному столику, чтобы отогнать невезение. — Ты согласишься!

У нее даже не хватает порядочности сделать вид, что она раскаивается.

Глава 12

Джонатан

Приятно оказаться в Бостоне и вернуться в привычную колею.

Мой чемодан распакован и убран подальше.

Старый маршрут для бега через Бостон-Коммон хорошо служит мне этим утром.

В моей любимой кофейне заказ выполняют как раз вовремя, когда я захожу туда по дороге на работу.

— Не терпится познакомиться с новыми ребятами? Ты будешь изображать плохого полицейского или я?

Я смотрю на Кристофера, пока мы продолжаем идти.

— Плохой полицейский? Ты? Ты не производишь впечатление человека, который легко внушает страх.

— Ты серьезно? — он широко раскидывает руки. — Посмотри на меня, я боец.

— Ты мягкий. Признай это.

— МЯГКИЙ? — он сгибает руку. — Я тренируюсь четыре дня в неделю с персональным тренером, а остальные три боксирую на ринге.

— Я не об этом. — Провожу рукой по его одежде. — На тебе дизайнерский костюм. Дважды в неделю ты бреешь голову у парикмахера, к которому можно записаться только на месяц вперед. Платишь кому-то неприличную сумму денег за то, что он выгуливает твою собаку.

— Да, и что? Только то, что я работаю допоздна, не значит, что Лулу должна страдать.

Когда мы поднимаемся в конференц-зал на втором этаже, я похлопываю его по плечу, словно утешаю.

— Как я и сказал... мягкий.

Затем открываю дверь и позволяю ему войти первым.

Это совещание для всех сотрудников в фирме мы проводим очень редко. Бухгалтерия, отдел по связям с общественностью, инженерный отдел, отдел кадров, архитекторы, специалисты по сохранению архитектурного наследия — все здесь, заполняют помещение, сидя на стульях либо стоя в задних рядах. Тесно, но я не буду заставлять их долго мучиться.

Если бы все было по-моему, никто бы из нас здесь не оказался.

Я не являюсь сторонником сбора всей компании, но Кристофер решает, что это было бы хорошей идеей по двум причинам: первая — напомнить всем, как я выгляжу (Да-да, папа снова дома, дети. Больше не тратьте впустую деньги компании), вторая — познакомить новых сотрудников с компанией, чтобы все были в курсе событий.

Отдел кадров продумал все заранее и разместил всех новых сотрудников в кресла в передней части зала, чтобы всем было легко их видеть. Окидываю взглядом строй, рассматривая их одного за другим, слегка обеспокоенный тем, насколько молодыми они кажутся. Они суеются и нервничают. Я читаю их бейджи с именами: Мира, Джейд, Хьюго, Инес, Эмелия, Захария... Эмелия?

Мой взгляд возвращается к ней, когда пульс гулко отдается в ушах, заглушая болтовню в конференц-зале.

Эмелия Мерсье сидит в кресле напротив меня. В офисе компании «Бэнкс и Барклай». Здесь.

Мой мозг спотыкается, пытаюсь уследить за происходящим.

Кристофер начинает говорить и приветствовать всех, но я потрясен тем, что снова вижу ее. И не верю своим глазам.

Отвожу взгляд, вглядываясь в толпу. Когда Кристофер машет мне, чтобы я продолжил с того места, на котором он остановился, я начинаю с того, что представляюсь, приветствую новых сотрудников и информирую всех о наших целях и задачах на предстоящий год. У меня хорошо получается выступать на публике. И не сомневаюсь в своей способности захватить аудиторию и удерживать ее внимание, даже если сосредоточен на чем-то другом.

И мое внимание определенно находится в другом месте.

В течение всей встречи я внимательно наблюдаю за Эмелией.

Она ни разу не поднимает глаз. Ее внимание сосредоточено на блокноте. Думаю, она делает заметки или, по крайней мере, использует это в качестве оправдания. Темные волосы скрывают часть ее лица, но не настолько, чтобы помешать мне мгновенно узнать ее. Моя маленькая Эмелия. Сегодня ее губы того же цвета, что и в последний раз, когда я ее видел: вишнево-красные. На ней белая шелковая блузка с круглыми пуговицами на груди, черная юбка, черные чулки и бледно-розовые балетки.

Я так сильно хочу, чтобы она подняла глаза.

Посмотри на меня, Эмелия.

Кристофер напоминает всем о том, как будет работать система подчинения в поместье Белл-Хейвен. Даже сотрудники, которые напрямую не связаны с проектом, должны быть в курсе. Мы договорились, что теперь, когда я вернулся из Парижа, то буду руководить проектом, в то время как Кристофер сохранит контроль над несколькими другими проектами, которые находятся на стадии реализации, такими как реставрация здания суда Цинциннати и развитие Бостонской гавани. Льюис будет руководить проектом под моим началом. Он также является нашим главным специалистом по охране памятников архитектуры, так что он будет непосредственным руководителем Эмелии, а не я.

Встреча закончилась через двадцать минут, и, как только мы прервались, Эмелия встала со своего места и выбежала из комнаты, как испуганный кролик.

Я решаю пойти за ней, но Льюис преграждает мне путь, задавая бессмысленные вопросы о том, что меня в данный момент несколько не волнует. Отмахиваюсь, и мужчина понимает намек, отступает и говорит, что будет лучше, если он просто напишет мне письмо. Но даже после того, как он отходит в сторону, на его место приходит другой человек. Каждый хочет поприветствовать меня после возвращения из Парижа, поздравить с работой

над Нотр-Дамом или задать вопросы о Бель-Хавене. Я терплю несколько минут, а потом ухожу.

Поведение Эмелии противоречиво. Она — новый сотрудник моей фирмы, и это не случайно. Она знала, на кого будет работать, когда подавала заявление. Мое имя написано на фасаде здания, она должна была понимать, что мы когда-нибудь пересечемся. И все же ее поведение в конференц-зале наводит на мысль, что Эмелия действительно намерена остаться незамеченной. Как всегда, она хочет уйти в тень и спрятаться.

Невозможно.

Новых сотрудников рассредоточивают по офису, но я точно знаю, где будет находиться рабочий стол Эмелии. Все специалисты по сохранению архитектурных памятников размещены в кабинках на втором этаже рядом с руководителем, а это значит, что я уже несколько раз проходил мимо нее этим утром, сам того не замечая. Она могла бы дать о себе знать, но не сказала ни слова.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и с разочарованием обнаруживаю, что он уже заполнен персоналом. Справа от меня открываются двери лифта, и я еще большее разочаровываюсь, когда из него высыпают еще больше нетерпеливых сотрудников, нарушая тишину своими разговорами. Мы далеко не одни.

Судя по расположению кабинок, чтобы попасть в свой угловой кабинет в конце коридора, я должен пройти прямо за Эмелией. Конечно, она знает о моем присутствии. Наверняка затаила дыхание, до смерти напуганная тем, что я собираюсь сделать.

Но, когда приближаюсь, она не поднимает глаз. Она, совершенно беззащитная, сидит за своей невысокой стенкой, сосредоточив все внимание на телефоне. Разве она не знает, что не должна подставлять спину хищнику? Ее тонкая бледная шея полностью обнажена.

Замедляю шаг, не зная, что мне может сойти с рук сейчас, когда другие сотрудники находятся в пределах слышимости, и тут... мой мобильный телефон начинает жужжать в кармане.

Я сдерживаю раздраженный стон, проходя мимо нее и отвечая на звонок.

— Прежде чем ты начнешь — я не собираюсь садиться в самолет.

Это вызывает короткий смех у Эммета.

— Понятно. К счастью, это не требует никаких авиаперелетов с твоей стороны. На самом деле, через несколько дней я отправляюсь в Бостон.

— Посмотреть достопримечательности?

— Работать. Что же еще? Я пробуду в городе несколько недель. Мой отец просто взвалил все на меня. Александр тоже присоединится.

Поскольку по работе я так часто бывал в Париже, за последний год мы с Эмметом виделись чаще, чем когда я окончил Сент-Джонс. Рад, что он будет в городе, хотя и не уверен, что у меня будет много свободного времени, когда начнутся дела в поместье Белл-Хейвен.

— В любом случае я звоню, потому что GHV заказала столик на гала-концерте Бостонской детской больницы в эти выходные. Я не смогу присутствовать, так как приеду из Парижа только на следующий день, но Александр там будет.

Вхожу в свой кабинет и закрываю дверь.

— Я уже планировал присутствовать. «Бэнкс и Барклай» являются спонсорами.

— Хорошо. Знаешь, я видел Миранду вчера вечером... Она спрашивала о тебе, интересовалась, как у тебя дела в Штатах. Должен ли я передать приглашение?

— Нет.

— Ах. Неприятности в раю?

В моем голосе звучит нетерпение, когда я отвечаю:

— Она понимает ситуацию.

— Значит, в ближайшее время ты не собираешься делать из нее честную женщину?

Я игнорирую его вопрос, переходя к теме, которая меня интересует гораздо больше.

— Знаешь, я бы позвонил тебе, если бы ты не вышел на связь. Моя фирма только что приняла на работу несколько новых сотрудников, и я думаю, что тебе будет интересно узнать об одном из них.

— Архитекторы наводят на меня скуку. Если только она не горячая штучка, я не...

— Это Эмелия.

Наступает тишина.

Затем, наконец, резким тоном он спрашивает:

— Почему это должно меня волновать?

— Она твоя младшая сестра, не так ли?

Нереально вести этот разговор после стольких лет молчания.

— Значит, ты знаешь, как работать с Google. Я впечатлен.

— Не похоже, что ты впечатлен. Знаешь, я собирался выбрать любимчиков, может быть, быть помягче с ней, но, похоже, тебя это не волнует...

Подкалываю его. Ничего не могу с собой поделать. Я хочу знать об их отношениях, хочу знать, почему он никогда не говорил о ней.

— Ты можешь делать с ней все, что, черт возьми, захочешь.

Мне не нравится его тон.

— Ты знал, что она работает в моей области, не так ли? Реставрация архитектуры. Она была студенткой Дартмута, когда я там преподавал.

Ожидаю, что он начнет задавать вопросы, но разговор идет не в этом ключе.

— Мир тесен. — В голосе звучит абсолютная скука.

— Что между вами?

— Все просто — я не хочу иметь с ней ничего общего.

Я застигнут врасплох.

— Она твоя сестра.

— Сводная сестра. Мне было шесть, когда ее мать разрушила брак моих родителей, так что прости меня, если я не стремлюсь широко распахнуть перед ней объятия.

Мои пальцы сжимают телефон.

— И это все? Или ты хочешь сунуть нос в какие-то другие личные дела в девять утра во вторник? Может быть, мы заодно обсудим и проблемы моей мамы?

— Чувствую, у тебя не очень хорошее настроение.

Это заставляет его усмехнуться.

— Дело в том, что никогда не встречал эту девушку. Я ее не знаю и не хочу знать. Послушай, я добавлю тебя в список приглашенных на субботу. А пока, может, мне сказать Миранде, что твои интересы лежат в другом месте? Ты, кажется, внезапно очень заинтересовался моей сестрой...

Ах, так это его способ выместить на мне свой гнев.

— Хорошо поговорили, Эммет. Увидимся в выходные.

Затем я вешаю трубку.

Моя помощница Кэндис немедленно звонит мне со своего рабочего места.

— Сэр, я не хотела вас прерывать, но уже девять часов, и мужчина, кажется, торопится. Должна ли я...

Я скрежещу своими коренными зубами.

— Все в порядке. Впусти его.

День продолжается в том же духе, одна встреча за другой, телефонные звонки и электронные письма. По-видимому, разнесся слух, что я вернулся в Бостон, и все хотят заполучить кусочек меня.

Мне нужен кусочек только одного человека.

Я работаю во время ланча с Кристофером и Льюисом. Кэндис приносит нам еду, но у меня даже нет времени притронуться к ней, пока она не остывает.

Около четырех у меня выдается свободная минутка, и я распахиваю дверь своего кабинета, практически готовый наброситься на Эмелию, но обнаруживаю, что ее стол пуст. А вещи пропали.

— Где новые сотрудники? — спрашиваю я Льюиса.

Его офис находится ближе всего к кабинке Эмелии. Он сидит за столом и читает что-то на компьютере, когда я прерываю его.

Льюис поднимает взгляд и хмурится, без сомнения, пытаюсь понять причину моего странного любопытства и вспыльчивости.

— Они в отделе кадров получают пропуска... Я сказал им, что они могут уйти, как только закончат. Не хотел перегружать в первый день.

Бл*дь.

Оплакиваю тот факт, что у меня не было возможности поговорить с Эмелией во вторник, но судьба на моей стороне в среду утром, когда я захожу в здание «Бэнкс и Барклай», то нахожу ее у стойки охраны.

— ...вероятно, поэтому он не работает. Не могли бы вы просто попробовать отсканировать его еще раз, пожалуйста? — мягко просит она.

Охранник снова прикладывает ее пропуск, и на экране загорается большой красный крестик.

Мне приходится потрудиться, чтобы скрыть свою чеширскую ухмылку.

— Мэддокс, все в порядке. Я провожу ее наверх.

Он кивает в мою сторону, прежде чем вернуть Эмелии пропуск.

— Мэм, сегодня вам следует попросить отдел кадров взглянуть на вашу карточку. Возможно, вас просто неправильно внесли в систему, а возможно, придется выдать новую.

Эмелия кивает.

— Да, конечно. Извините за беспокойство.

Она улыбается в знак благодарности, и охранник имеет наглость покраснеть.

Я борюсь с желанием закатить глаза, проходя мимо них к лифтам. Мои действия говорят: не отставай или оставайся здесь, внизу. Мне все равно.

Сегодня она на каблуках, и я слышу, как ее шаги позади меня отдаются эхом по мраморному полу. Ей приходится поторопиться, чтобы догнать меня после того, как я нажимаю стрелку вверх возле лифта. Двери перед нами сразу же открываются, и я отступаю в сторону, чтобы дать ей возможность войти первой.

Она не произносит ни слова, проходя мимо меня и занимая место в углу, как можно дальше от меня. Я следую за ней, и тут двери закрываются.

— Седьмой этаж, пожалуйста.

Я прочищаю горло, нажимая на подсвеченную семерку, как и планировал сделать в любом случае.

Поворачиваюсь, чтобы рассмотреть ее, и обнаруживаю, что на этот раз ее глаза не смотрят в пол.

Она смотрит на меня с выражением решимости на лице.

— Мистер Барклай. Я Эмелия Мерсье, новенькая в «Бэнкс и Барклай». Буду частью команды, работающей в поместье Белл-Хейвен.

Она делает полшага ко мне и протягивает руку для рукопожатия, как будто ожидая, что я поддамся на эту уловку.

Мои глаза сужаются. Я позволяю ее руке повиснуть в воздухе, пока лифт поднимается.

— Значит, очередной приступ амнезии?

Ее губы приоткрываются в шоке.

— Что?

— Я помню, кто вы, мисс Мерсье. Нет необходимости снова официально представляться.

Она опускает руку и отводит взгляд, покраснев от шелкового банта, изящно завязанного у основания ее шеи.

Лифт звенит на седьмом этаже.

— Кстати, с прошедшим днем рождения.

Глава 13

Эмелия

Он оставляет меня в лифте, слишком ошеломленную, чтобы говорить.

Мой день рождения.

Ночь, когда мы были вместе в туалете бара.

Какой тонкий намек.

Стою неподвижно достаточно долго, поэтому лифт решает, что пора забрать кого-нибудь еще. Я раздраженно фыркаю и выбегаю, прежде чем двери закрываются.

Профессор Барклай исчезает в длинном коридоре, похоже, совершенно не обеспокоенный произошедшим, тем временем я совершенно потрясена. Направляюсь к своему столу, стараясь не паниковать.

Это... плохо.

Но не настолько, чтобы собрать вещи и покинуть здание, по крайней мере, я надеюсь на это. Давайте оценим ситуацию. Очевидно, что я могу официально отбросить два варианта из трех: я работаю в «Бэнкс и Барклай», а профессор Барклай меня не помнит и оставляет прошлое в прошлом.

С прошедшим днем рождения.

О Боже. Какая бы напряженность между нами ни была, она все еще жива и здорова.

Слава богу, мой непосредственный руководитель не профессор Барклай, а Льюис. Ну, на самом деле это старший менеджер отдела сохранения архитектуры по имени Даг, который подчиняется Льюису, что еще лучше. Мне нужны все степени деления.

— Доброе утро, Эмелия!

Я поднимаю глаза и вижу, что моя соседка по кабинке Мира смотрит на меня с оптимистичным энтузиазмом. У нее каштановые локоны, объемные и пружинистые. Кончики окрашены в розовый цвет, того же оттенка, что и ее модные очки. Мы работаем вместе всего один день, а мне уже кажется, что я знаю о ней все. Два года назад она подала заявление на работу в «Бэнкс и Барклай», но ее не взяли. Сейчас она находится на стадии «одинока и работает над собой». Терпеть не может помидоры. Ярая фанатка BTS и думает, что я бы тоже ею стала, если бы только дала их музыке шанс.

— Ты только что приехала с мистером Барклаем?

Я прикидываюсь тупейшей из тупиц, когда бросаю свои вещи на стол.

— О... это он был в лифте?

Она смеется так, словно считает мою шутку уморительной.

— Я предполагала, что Хьюго уже здесь, — замечает Мира. — Он принесет нам кофе, но не говори ему, что я испортила сюрприз.

Хьюго — наш третий сосед по кабинке и еще один новичок в отделе сохранения архитектурных ценностей. Вчера из нас троих получилось довольно интересное трио. Хьюго говорит так же много, как Мира, а это значит, что я едва успеваю вставить хоть слово. Но это нормально, на самом деле мне так больше нравится.

Я сажусь за свой стол. Пора поработать.

Работа.

Причина, по которой я здесь.

Нужно сохранить работу мечты.

Сосредоточься.

Как новые члены команды, мы с Мирой и Хьюго были переведены на рутинную работу, но я не возражаю. По крайней мере, работа связана с моей реальной специальностью, в отличие от моей прошлой, где я бегала в Starbucks и разносила почту.

Прямо сейчас наша основная задача — создать базу данных и справочник по усадьбе «Белл-Хейвен», который будет использоваться во всех подразделениях фирмы. В отличие от других крупных строительных проектов, мы не нашли ни архивных эскизов, ни планов первоначального строительства, ни чертежей, ничего. Во время строительства в начале 1900-х годов должно было существовать огромное количество планов, которыми делились архитектор-куратор, главный подрядчик, главный инженер и сама Альва, но были ли они утеряны или намеренно скрывались, мы никогда не узнаем, да это и неважно. В любом случае без них мы вынуждены работать в обратном направлении, изучая и отбирая образцы всех материалов, использованных в проекте, чтобы команда «Бэнкс и Барклай» могла завершить начатое более ста лет назад.

Завтра мы отправляемся в поместье, чтобы осмотреть территорию, сделать фотографии и собрать образцы. Я едва сдерживаю волнение. Поначалу я не была уверена, что новые сотрудники будут участвовать в поездке, но Льюис заверил нас, что это очень важно, хотя бы для того, чтобы мы могли вести тщательные записи.

Чтобы сделать все еще более официальным, в обеденный перерыв приходит представитель юридического отдела, чтобы заставить нас всех подписать соглашение о неразглашении информации о поместье и реставрации до завершения строительства и публикации фотографий в разрешенных изданиях, что только придает всему происходящему еще большее очарование.

Мы находимся в середине встречи с юристом, когда я вижу профессора Барклая, идущего по коридору и разговаривающего с Льюисом. Сегодня утром, осматривая этаж и ориентируясь на местности, я совершенно случайно обнаруживаю, что кабинет профессора Барклая находится на том же этаже, что и моя кабинка. Фактически он находится в конце коридора. Если бы он оставил дверь открытой, ему было бы хорошо видно меня, но все утро она закрыта, факт, который мне неприятно осознавать. Не хочу быть настолько осведомленной о его присутствии, но факт остается фактом: когда он проходит за моим креслом вместе с Льюисом, я задерживаю дыхание, ожидая чего-то, но он просто продолжает идти дальше. Чего я ожидаю от него среди бела дня? Посреди офиса?

До конца дня я его не вижу.

Не знаю, что чувствую по этому поводу. Отказываюсь оценивать свои чувства, но ухожу последней. Могу сказать себе, что это потому, что хочу произвести наилучшее впечатление в первую неделю работы, но Дагу и Льюису пришлось уйти из офиса в четыре... так на кого же именно я пытаюсь произвести впечатление?

Вечером я тщательно готовлюсь к завтрашнему посещению объекта. Раскладываю пару бежевых приталенных брюк и белую рубашку на пуговицах. В офис я надену балетки, но также возьму пару прочных рабочих ботинок. Если то, что я слышала, правда, поместье Белл-Хейвен остается недостроенным, строительные материалы все еще валяются на территории. Я бы не хотела поранить ногу о случайный гвоздь.

Приготовив одежду и упаковав свой ланч, я отправляюсь на долгую прогулку по тропе Коммонуэлт-авеню. Мне не нравится место, где я живу. Это лишь временно, напоминаю я себе, но все равно... оно угнетает, поэтому стараюсь проводить там как можно меньше времени. Прохожу несколько миль, пока не проголодаюсь настолько, что не смогу идти дальше. Беру сэндвич в магазинчике недалеко от тропы и ем его на скамейке, пока ковыряюсь в телефоне. Я не публикую посты в социальных сетях, но мне все равно нравится время от времени просматривать «Инстаграм». Я использую фальшивый аккаунт, чтобы не беспокоиться о том, что кто-нибудь узнает меня. Сегодня вечером, бесцельно прокручивая ленту, я натываюсь на пост Александра и с удивлением обнаруживаю, что он стоит перед знакомой достопримечательностью: Бостонской детской больницей.

Он здесь?

Бывали ли мы когда-нибудь в одном городе в одно и то же время?

В подписи к снимку он пытается распространить информацию о торжественном мероприятии, которое состоится в эти выходные в честь детской больницы. Билеты распроданы, но он добавляет ссылку, по которой можно сделать пожертвования.

Тут же колесики в моей голове начинают вращаться.

Могу ли я...

Должна ли я...

Звоню Соне, чтобы узнать, что она думает о моем плане. Хотя я не рассказала ей всех подробностей своей личной жизни (а именно: правду о том, что произошло с профессором Барклаем), она знает достаточно о моей семье, чтобы понять, почему подобная возможность кажется мне заманчивой.

— Нет, — сразу и решительно говорит она, выслушав меня. — Ни в коем случае. Это ни за что не сработает. Тебя арестуют и что тогда? Ты только что переехала в Бостон. Тебе некому позвонить, чтобы тебя выручили, так что моей заднице придется сесть на поезд из Нью-Йорка, чтобы приехать и спасти тебя. Просто нет. Пожалуйста, не делай этого.

Заверяю ее, что прислушаюсь к предупреждению, а сама в это время активно обдумываю, как осуществить свой план.

Для начала мне нужно платье.

На следующий день по дороге в поместье я просматриваю ассортимент универмага на своем телефоне, пытаюсь найти что-нибудь: а) стильное; б) в моем ценовом диапазоне; в) имеющееся в наличии в магазине, поскольку у меня нет времени ждать доставку. Сосредоточиться на этой задаче было бы легче, если бы я не сидела в частном самолете, отвлекаясь на профессора Барклая.

Да, частный самолет.

Глупая, я и не подозревала, как далеко Гринвич, штат Коннектикут, находится от Бостона. Это три часа в одну сторону, и то если не попадешь в пробку. Тем не менее я уверена, что нам, новичкам, пришлось бы терпеть шестичасовую поездку туда и обратно, если бы не тот факт, что руководящая команда тоже едет. Поскольку в самолете было достаточно места, нас взяли с собой.

Этим утром, перед взлетом, все уже поднялись на борт и заняли свои места, когда мистер Бэнкс и профессор Барклай ныряют в дверь.

Профессор Барклай проходит по проходу мимо меня, не удостоивая ни взглядом, ни приветствием. Я хмурюсь и поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как он занимает свое место в задней части салона, а мистер Бэнкс — напротив него. К ним тут же тянутся люди. Льюис и другие менеджеры прикладывают все силы и целуют задницы, словно отдавая дань уважения своим монархам.

Не проходит и пяти минут, как профессор Барклай поднимает голову и ловит мой взгляд, обращенный на него. Я вздрагиваю и резко отворачиваюсь, прежде чем могу что-либо уловить в его нечитаемом выражении лица.

Я все еще привыкаю к этой новой близости. Трудно поверить, что после четырех долгих лет он находится в пределах моей досягаемости. Невозможно удержать старые чувства от всплеска, не дать событиям прошлого смешаться с настоящим, и это очевидно, потому что я никак не могу перестать называть его профессором Барклаем.

Для всех в фирме он мистер Барклай или Джонатан.

Не могу представить, что когда-нибудь назову его Джонатаном.

Переключаю свое внимание на телефон, раздраженная тем, что не могу найти платье для торжественного мероприятия, которое бы мне понравилось, стоимостью не больше тысячи долларов. Это даже к лучшему, поскольку пилот предупреждает, что мы готовимся к посадке в Гринвиче. В любом случае мне, наверное, следует переключить внимание на работу.

На взлетной полосе нас ждут внедорожники. Нет никакой логики в том, как мы доберемся до поместья, поскольку не разделяемся по отделам, поэтому я направляюсь к последнему внедорожнику, решив забраться в третий ряд, чтобы никому не мешать.

Ко мне присоединяется Зак, еще один новый сотрудник из другого отдела. За неделю мы не успели толком познакомиться, но вчера я увидела его в комнате отдыха, и он пошутил по поводу плохого кофе. Примечание: на самом деле кофе отличный. В компании есть одна из этих модных кофемашин Nespresso, а также множество вариантов приготовления молока и сливок. Тем не менее я смеялась вместе с ним, радуясь возможности встретить в фирме еще одного человека моего возраста.

— Классный самолет, да? — спрашивает он, усаживаясь на заднее сиденье рядом со мной.

Эта внезапная близость заставляет меня сфокусироваться на нем так, как мне раньше не хотелось. Он как будто выныривает из фонового шума. У него светлые волосы, которые развеваются во все стороны в этой крутой британской манере, модная одежда, а вместо парадных туфель он носит «Джорданы» с брюками.

Я улыбаюсь.

— Да. Я не ожидала этого.

— Преимущества новой работы, полагаю.

Дверь машины снова открывается, и мистер Бэнкс проскальзывает на средний ряд сидений. Мы с Заком немедленно замолкаем, обмениваясь встревоженными взглядами, когда профессор Барклай следует за ним.

Есть еще два внедорожника, которые они могли бы выбрать, зачем им понадобилось садиться в наш?

Мистер Бэнкс устраивается на своем месте, а затем, осознав, что мы оба здесь и просто ошеломленно смотрим на него, он дружелюбно кивает.

— Напомните мне ваши имена?

Мы с Заком говорим одновременно, как непоседливые дети.

Я смеюсь, немного смущаясь. Почему мне всегда приходится краснеть? Всегда?

— Я — Зак, а это Эмелия.

— Верно. Инженерный отдел и отдел сохранения архитектурных ценностей соответственно. Теперь я вспомнил. Рад видеть вас.

Мой взгляд перебегает на профессора Барклая. Жду, что он обернется и поприветствует нас, но он этого не делает. Поскольку не отрывает своего внимания от телефона, набирая сообщение, или электронное письмо, или что там у него такое важное.

Знаю, что не должна этого делать, но дарю себе мимолетное мгновение, чтобы взглянуть на него, рассмотреть детали, по которым я тоскую последние несколько лет: загорелую кожу между аккуратной линией роста волос и накрахмаленным воротничком рубашки, покрой пиджака на широких плечах, резкую линию подбородка в профиль. Это то, чего я была лишена, ракурсы, которые никогда не показывались в социальных сетях.

Кажется, что внедорожник внезапно уменьшается в размерах. Хотя до сих пор я никогда не испытывала клаустрофобии, сейчас мне трудно преодолеть это ощущение. Профессор Барклай действует как вакуум в замкнутом пространстве. Его одеколон, хотя и едва уловимый, является постоянным напоминанием о том, что он здесь, на расстоянии вытянутой руки, даже когда я отвлекаюсь, чтобы посмотреть в окно.

Когда внедорожник отъезжает от взлетно-посадочной полосы, мистер Бэнкс втягивает профессора Барклая в разговор. Очевидно, что из них получается хорошая команда. Даже если бы я захотела подслушать, едва ли смогла бы за ними угнаться. В основном они говорят скороговоркой.

— Сегодня утром Цинциннати выдал разрешения на снос вспомогательных зданий, — отмечает мистер Бэнкс.

— Уже? Джоан спустилась вниз, чтобы немного смазать колеса?

Мистер Бэнкс фыркает.

— Ты думаешь, она имеет к этому какое-то отношение? Это я и мое обаяние.

— А что с разрешениями застройщика?

— Задерживаются.

— Канализация и вывеска?

— Задерживается. Задерживается.

— Еще раз, кто руководит выдачей разрешений в Цинциннати?

— Дэн Келлер.

— Я думал, Ройс его заменил?

— Мы хотели, чтобы его сменил Ройс, но нет, Дэн по-прежнему главный.

Профессор Барклай качает головой.

— Пройдет еще полгода, прежде чем мы начнем строительство.

— Мы приступим к демонстрации и будем надеяться на лучшее. Я хотел спросить, Миранда придет в эти выходные?

Сказать, что я напрягла свои уши, значит преуменьшить. Я настолько настраиваюсь на то, что сейчас скажет профессор Барклай, что даже откидываюсь на сиденье, затаив дыхание и не моргая.

Кто такая Миранда? Блондинка с фотографий? Женщина, которую я так часто видела за последний год? Они все еще говорят о работе или...

— Нет.

Я пытаюсь разобрать это слово и расшифровать, означает ли оно довольное «нет» или огорченное, но не могу понять.

— Значит, ты будешь один? — недоумевает мистер Бэнкс.

— Похоже на то.

— Знаешь... если тебе нужна помощь в этом отношении, я к твоим услугам. Могу устроить тебе свидание.

Профессор Барклай отвечает коротким смешком, и больше ничего.

Я сжимаю руки в маленькие мятежные кулачки по бокам от бедер. Мысль о том, что у профессора Барклая будет свидание с кем-то новым, с кем он мог бы расхаживать, заставляет мою кровь кипеть.

Зак придвигается немного ближе и говорит тихо, не обращая внимания на разговор, происходящий на один ряд впереди.

— Я не знал, что ты из Дартмута, — говорит он, указывая на мою старую студенческую сумку, стоящую у ног. Я ей почти не пользуюсь, но сегодня беру с собой, чтобы перевезти все вещи на строительную площадку.

— Дартмут? — спрашивает мистер Бэнкс, оборачиваясь и с любопытством глядя на меня. — Когда ты закончила?

Я отвечаю ему, а затем изо всех сил стараюсь не перевести взгляд на профессора Барклая.

Мистер Бэнкс хмурится и смотрит на своего партнера.

— Ты все еще был там, не так ли? Вы знали друг друга? — он снова поворачивается ко мне. — Вы посещали его курсы?

— Нет.

Держу это слово наготове. Оно выстреливает так быстро и решительно, что я не оставляю профессору Барклаю возможности возразить.

Густые каштановые брови мистера Бэнкса в замешательстве хмурятся.

— Это странно... учитывая вашу специальность.

Я пожимаю плечами и смотрю в окно.

— Это большой кампус.

— Даже если мы и пересекались, я не могу уследить за всеми своими студентами, — добавляет профессор Барклай.

Это заявление ранит, и мне приходится напоминать себе, что это ложь. Он действительно помнит меня и доказал это вчера в лифте. Просто подтверждает мою историю. Не позволяй этому причинять боль.

— Чтобы студент действительно выделялся, нужно что-то по-настоящему запоминающееся.

Его слова звучат до жути знакомо... и тут мой мозг складывает два и два. Это достаточно легко сделать. Наш последний разговор в Дартмуте отпечатался в моей памяти.

Волосы встают дыбом, и не успеваю я опомниться, как говорю:

— А что должен сделать студент, чтобы привлечь ваше внимание? Склониться к вашим ногам?

Воздух в машине вдруг словно искрит электричеством, когда профессор Барклай медленно поворачивается и смотрит на меня через плечо.

Я и забыла, какими голубыми могут быть его глаза. Ледниково-голубыми. Бесчувственный синий цвет. Разорву-тебя-надвое синими.

Мне едва удастся скрыть свой судорожный вздох.

Что я вытворяю, делая такое заявление?

Одна из его темных бровей едва заметно приподнимается, и все же мой взгляд опускается в пол, вся сила мгновенно улетучивается.

Зак неловко смеется и придвигается чуть ближе, как бы пытаясь защитить меня от нашего босса.

— Она просто пошутила.

Мистер Бэнкс смеется.

— Знаешь, она права. Твой комплекс бога дает о себе знать.

Я не произношу больше ни слова до конца поездки, которая, к счастью, оказывается короткой.

Мы подъезжаем к поместью Белл-Хейвен и обнаруживаем, что территория окружена разросшейся живой изгородью. Охранник машет нам рукой, пропуская мимо ржавых кованых ворот. Их замысловатый дизайн устремляется ввысь, и становится ясно, что мастер или команда мастеров приложили немало усилий к созданию этого шедевра. Сокрушаюсь, что за ними так плохо ухаживали все эти годы, а потом напоминаю себе, где нахожусь. Все в этом поместье будет ветшающим, старым и в плохом состоянии. Вот почему мы здесь.

Сразу видно, что участок выделяется среди других в этом районе. Во-первых, он занимает площадь почти в пять акров, значительная часть которой находится на береговой линии и имеет прямой выход к проливу Лонг-Айленд-Саунд. Как только минуем ворота, попадаем в густой лес, который никогда не вырубался, даже когда в начале 1900-х годов велись работы по строительству поместья. Лес — главная причина, по которой дом не был обнаружен до сих пор. Даже используя дроны, было бы невозможно разглядеть дорогу и поместье, спрятанные под кронами деревьев.

Из вчерашнего брифинга в офисе я знаю, что строительство дома близилось к завершению, когда закончилось финансирование. До сих пор сохраняются строительные леса на мансардных окнах, где завершалась работа над резным орнаментом, хотя значительная их часть уже обрушилась. Правая сторона эспланады была расчищена и выровнена, начаты, но так и не завершены работы по рытью котлована для фонтана. Резчики по камню завершали работу над орнаментом наружных стен парадной лестницы, а плотнические и столярные работы должны были стать одними из последних штрихов.

Даже те работы, которые были завершены, скорее всего, находятся в плачевном состоянии из-за недостроенной крыши, проходящей по центру поместья. Без надлежащего ухода и защиты от непогоды всему нанесен ущерб. Сегодня мы выясним масштабы.

Внедорожник въезжает в просвет между деревьями, и я впервые вижу дом.

Как и другие знаменитые особняки позолоченного века, этот спроектирован и смоделирован в богато украшенном стиле французского Ренессанса. Многие детали заимствованы из знаменитых замков начала XVI века, в частности, крутая скатная крыша,

фасад из известняка, симметричные башенки по каждому из четырех углов, арочные входы и окна. Короче говоря, он похож на замок, который должен быть расположен в европейской сельской местности.

Сердце замирает, когда я наклоняюсь ближе и смотрю в окно. Я не обращаю внимания на обломки, оставшиеся строительные леса и поддоны из забытого камня и дерева. Я вижу дом таким, каким он должен быть, и испытываю благоговейный трепет.

Он великолепен.

Мы паркуемся и начинаем разгружаться. Зак протягивает мне руку, когда я пытаюсь выбраться с заднего сиденья. Это рыцарский поступок, от которого мне не хочется отказываться. Я улыбаюсь и благодарю его, стараясь не обращать внимания на то, что профессор Барклай выбирает именно этот момент, чтобы посмотреть на меня.

Он останавливается неподалеку, в то время как все остальные начинают собираться на поляне прямо перед поместьем. Собираюсь присоединиться к ним, но его голос привлекает мое внимание.

— Я бы хотел поговорить.

О, теперь он хочет поговорить? У него было столько времени, чтобы поговорить со мной, пока мы находились во внедорожнике, но, очевидно, сейчас ему комфортней. Теперь все на его условиях. Как удобно.

Зак бросает на меня сочувственный взгляд. Он знает, что я в беде, но ничего не может с этим поделать. Даже мистер Бэнкс уходит, оставляя меня в лапах своего партнера-людоеда.

Профессор Барклай держится на приличном расстоянии, и я не смотрю на него, даже когда он произносит мое имя.

— Эмелия.

Я ощетиниваюсь от его резкого тона.

— Профессор.

— Я должен попросить тебя называть меня «мистер Барклай».

Должен, но не просит.

Он позволяет этому заявлению повиснуть между нами, когда группа направляется к входу в поместье, оставляя нас позади. Раньше им было бы трудно расслышать наши тихие голоса, но теперь нет абсолютно никаких шансов, что наш разговор будет подслушан.

— Почему ты пришла работать в мою фирму?

Я смотрю на раскинувшееся передо мной поместье. Разве это не очевидно?

— Чтобы помочь восстановить поместье Белл-Хейвен. Такая возможность выпадает раз в жизни.

Почему это вдруг кажется ложью?

— Посмотри на меня.

Мой взгляд мгновенно устремляется к нему. Мое тело — предатель, когда дело касается его.

— Ошибки прошлого... — он фыркает и отводит взгляд, словно испытывая отвращение к самому себе. — Они не повторятся.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— Более того, подобные вспышки гнева, как в машине, недопустимы.

— Ты подстрекал меня, — грубо выпаливаю я.

Его взгляд хлещет меня, как кнут.

— Ты не знаешь значения слова «подстрекать».

Угроза пронзает меня, и это очевидно по каскаду мурашек, которые пробегают по моему телу.

Профессор Барклай наблюдает за мной, и он знает. Он должен знать.

Его челюсть напрягается, а затем он направляется мимо меня к дому, оставляя меня позади.

— Держи дистанцию.

У меня отвисает челюсть, когда он уходит.

Ладно, он действительно сумасшедший. Это не мне нужно держать дистанцию. Не я села с ним в этот джип! Он мог выбрать любую из машин. Он же босс! Более того, вчерашний случай в лифте тоже его рук дело. Он не должен был приходить и спасать положение. Он должен был просто оставить меня на веки вечные слоняться по вестибюлю.

После нескольких секунд, в течение которых я мысленно проклинаю его и пытаюсь справиться со своим гневом (что, кстати, невозможно), делаю глубокий вдох и спешу догнать остальных членов группы.

Глава 14

Эмелия

Субботним вечером я болтаю с Соней, сгорбившись над маленьким столиком в квартире и отчаянно пытаюсь починить платье для торжественного мероприятия, пока не вышло время. Беру ножницы и отрезаю кусочек нитки, затем наклоняюсь, чтобы осмотреть подол. Он почти готов.

— Как тебе поместье? — спрашивает она.

— Сногшибательно.

— Ты что-нибудь фотографировала?

— Нам не разрешили. Официальный фотограф из «Бэнкс и Барклай» сделал контрольные снимки, все остальные должны держать свои телефоны подальше, пока мы были там, из-за соглашения о неразглашении.

Я заканчиваю еще несколько стежков, затем обрезаю нитку. Через секунду мне придется просто сдаться и надеть его как есть. Мне все еще нужно его отпарить. И макияж еще не закончен.

— Боже. Они серьезно относятся к этой тайне, да?

— Да. Вероятно, это немного перебор, но, полагаю, это лучше, чем случайная утечка информации.

— А как насчет профессора Барклая, он был там, когда вы осматривали поместье?

У меня даже не срабатывает стоп-сигнал, чтобы побеспокоиться о том, что она хочет поговорить о нем.

— Да.

— А вы разговаривали? Он уже понял, кто ты?

— Это всплыло.

Я вздрагиваю от ее оглушительного визга.

— И?

Я вытаскиваю платье из швейной машинки и спешу к отпаривателю, чтобы избавиться от нескольких складок, которые образовались во время переделки. Горячий пар вырывается наружу.

— И ничего. Он признал, что помнит меня, и мы решили продолжать работать так, как будто я любой другой сотрудник фирмы. Потому что так и есть.

Она вздыхает.

— Ладно. Это... немного разочаровывает, но, эй, я извлекла урок из своей ошибки в прошлый раз, верно? Ты не услышишь от меня ни звука о нем. Я не буду расспрашивать тебя о том, насколько он сейчас горяч... хотя, держу пари, он ОБЖИГАЮЩИЙ. Верно? Просто дай мне хотя бы это.

— Да.

— СОНЯ!

— Прости! Это просто слишком соблазнительно!

Я переключаюсь на громкую связь, затем бросаю телефон на кровать, чтобы закончить отпаривать платье, и влезая в него, пока Соня рассказывает мне о планах на

медовый месяц. До молнии сзади практически невозможно дотянуться. Выворачиваю руки и прыгаю вокруг, пытаюсь застегнуть. Проблема в том, что платье облегает мою грудь, некоторые назвали бы его просто тесным, и мне нужна еще одна пара рук, чтобы стянуть две стороны вместе и застегнуть молнию.

Вчера после работы я нашла это платье на распродаже в «Сакс» на Пятой авеню, и цвет сразу привлек мое внимание. Оно не просто красное, а малиновое. Это платье для убийцы, для того, кто жаждет крови. Я почувствовала мягкую ткань между пальцами и представила, что у меня хватит смелости надеть что-то подобное... Затем я позволила ей упасть обратно на место, забыв о нем.

Я перешла к более практичному черному варианту, но малиновое платье продолжало манить меня.

Я вернулась, посмотрела на размер и подтвердила, что он подойдет. Посмотрела на цену. Это было уцененное платье Oscar de la Renta прошлого сезона с явным разрывом по подолу.

В детстве мама учила меня шить. Я не профессиональная швея, но знала, что смогу достаточно легко починить платье.

И купила его прежде, чем успела струсить, теперь стою перед зеркалом в ванной, пытаюсь хорошенько рассмотреть себя. У платья тонкие бретельки и глубокий отвесной квадратный вырез, естественная талия, подол длиной до пола и силуэт колонны. Оно сдержанное и красивое, и думаю, что мне даже удастся справиться с переделками.

— Кстати, что ты собираешься делать сегодня вечером? — спрашивает Соня, вероятно, потому, что последние несколько минут я слишком отвлечена, чтобы полноценно участвовать в разговоре. Я говорила много «mmm» и «о, это круто». — У тебя уже появились друзья в Бостоне?

Роюсь в косметичке в поисках нужной помады.

Друзья?

— Ммм... Недавно познакомилась с соседкой снизу.

Потому что она поднялась, постучала в мою дверь и накричала на меня, чтобы я выключила телевизор. У меня даже телевизора нет, так что это было... забавно.

— Посмотри на себя, выставляешь себя напоказ. Я горжусь тобой.

Сдерживаю фыркание, наклоняюсь вперед, чтобы накрасить губы, и моя грудь почти вываливается из платья. Если бы Соня только знала, как сильно я себя выставляю.

— Послушай, мне пора идти. Ужин только что доставили.

ЛГУНЬЯ!

— Хорошо, позвони завтра, если будет скучно. Уэсли весь день играет в гольф с Купером, так что я буду просто валяться без дела.

— Обязательно. Ладно, пока!

Повесив трубку, начинаю бегать по квартире, обуваю туфли на высоких каблуках, прячу помаду в клатч и пытаюсь придать квадратному вырезу платья немного больше скромности. Ничего не получается, но у меня больше нет времени беспокоиться об этом.

Торжество должно начаться с минуты на минуту, и мне крайне необходимо успеть. Детская больница проводит его в отеле Four Seasons рядом с океанариумом Новой Англии, и пробки на дорогах просто кошмарные. Стараюсь сидеть спокойно на заднем сиденье Uber, но мне трудно удержаться от беспокойного постукивания ногой. Я то и дело бросаю взгляд на часы на приборной панели. Женщина-водитель встречает мой взгляд в зеркале заднего вида и улыбается.

У нее хватает здравого смысла не втягивать меня в разговор. Уверена, что она чувствует волны беспокойства, исходящие от меня.

Машины встраивается в ряд у входа в отель, и я впадаю в уныние из-за того, что фотографы и охранники дежурят в нескольких ключевых точках оцепления. Все надежды на то, что мне удастся проскользнуть незамеченной, угасают, это будет просто невозможно. Придется осуществить свой нелепый план.

Благодарю водителя и говорю ей, что дальше ехать не надо. Я могу прийти быстрее, чем машины и лимузины, медленно передвигающиеся со скоростью улитки.

Выхожу из машины, поправляю платье, чтобы все было точно на месте, а затем поднимаю голову и притворяюсь, что я на своем месте. Это довольно легко. Уверенные шаги, поднятый подбородок, расправленные плечи. Когда кто-то пристально смотрит на меня, я слегка улыбаюсь, но в остальном продолжаю идти. Я выполняю свою миссию.

На первом пропускном пункте они просят предъявить права. Передаю их, а затем добровольно добавляю, что я гостя Александра Мерсье. Сотруднице, без сомнения, стажеру, судя по тому, насколько она молода, наплевать на то, что я говорю. Она записывает мои данные на айпад-мини, возвращает мне права и уже подзывает следующего гостя, прежде чем я успеваю пошевелиться. Продолжаю идти по красной дорожке, прикрывая лицо от вспышек камер. Никто не жаждет сфотографироваться со мной. Здесь присутствуют влиятельные люди и телеведущие, профессиональные спортсмены и известные жители Бостона. Мне достаточно легко проскользнуть незамеченной, пока все остальные борются за внимание прессы.

У дверей отеля стоит еще один сотрудник, вооруженный айпадом.

— Имя? — спрашивает она, даже не потрудившись поднять глаза, когда я подхожу.

— Эмелия Мерсье.

Она прокручивает и прокручивает список, а затем хмурится.

Позади начинает образовываться небольшая очередь. Я стою совершенно неподвижно, уверенная в своей способности справиться с этим.

— Извините... Я не вижу вашего имени.

Именно это я и ожидала на первом пропускном пункте, и, хотя мне очень не хочется это делать, с раздражением продолжаю действовать по плану.

— Я уже поговорила с женщиной. Я гостя Александра Мерсье.

Мои слова звучат надменно и отрывисто. Я никогда в жизни ни с кем так не разговаривала, и внутри у меня все сжимается.

— Понимаю. К сожалению, не вижу вас в списке. Сегодня вечером так много гостей, мы хотим убедиться, что все будет максимально безопасно.

То есть мы хотим быть уверены, что такой сброд, как ты, не проникнет тайком.

— Это что, шутка?

Я иду на риск. На мой взгляд, у меня всего два варианта: разыгрывать невинность, умолять с улыбками и добротой или прокладывать себе путь с помощью ложной бравады и чувством собственного достоинства.

— Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности?

Я закатываю глаза и вздыхаю.

— Вы что, издеваетесь? — произношу я достаточно громко, чтобы она услышала, когда снова нахожу свои права и протягиваю ей. — Я уже прошла через все это.

— Приношу извинения за причиненные неудобства.

Очередь позади становится заметно длиннее, и люди начинают перешептываться. Я отказываюсь оборачиваться, зная, что если увижу любопытные взгляды, то, скорее всего, струшу и сбегу домой.

Она берет мое удостоверение, затем поворачивается, чтобы поговорить с охранником. О Боже.

Я так близка к побегу, уже заранее планирую в голове свой маршрут обратно на улицу, когда слышу позади себя шум.

Оглянувшись через плечо, вижу Александра, идущего по красной дорожке в окружении людей, все хорошо одетые и красивые. Они привлекают всеобщее внимание, и я рада этому — пока не понимаю, что это значит.

Он останавливается всего на мгновение, достаточно для одной приличной фотографии, и вот он уже всего в нескольких шагах. Я застываю в шоке, наблюдая за его приближением.

Женщина, держащая в руках мое удостоверение личности, окликает его.

— Мистер Мерсье, можно вас на пару слов?

О, черт.

О, черт.

Я бы удрала оттуда прямо сейчас, к черту удостоверение, но путь перекрыт.

Александр слышит женщину, поднимает голову и замечает меня.

Очевидно, было бы замечательно, если бы каким-то чудом он догадался подыграть мне.

Он на мгновение замирает, заставляя всех вокруг тоже замереть, и пристально смотрит на меня.

Я никогда не видела своего брата, или псевдобрата, или как там, черт возьми, мне следует его называть, в реальной жизни. Он выше, чем я себе представляла, красив настолько, что по какой-то бессмысленной причине я чувствую гордость. В то время как Эммет пошел во Фредерика, Александр похож на их мать. Черты его лица открыты и дружелюбны, в то время как у Эммета суровые, почти холодные.

У Александра каштановые волосы средней длины, которые он зачесал назад для мероприятия, но не потрудился сбрить бороду, только подравнял. Его выдающийся римский нос хорошо сочетается с густыми бровями и широкой челюстью. Я ищу сходство между нами, но с запозданием понимаю, что его и не должно быть.

— Эмелия, — говорит он, расплываясь в широкой улыбке, прежде чем заканчивает подниматься по лестнице, приближается и заключает меня в крепкие объятия.

Я настолько ошеломлена, что забываю дышать. Хотя, честно говоря, не уверена, что смогла бы, даже если бы захотела, потому что он так крепко прижимает меня к себе.

Он отступает назад, но не отпускает меня. Смотрит и смотрит, его пристальный взгляд блуждает по моему лицу. Он выглядит совершенно обескураженным, и я уверена, что у меня такое же выражение лица.

Оператор выкрикивает имя Александра, и он сразу же отпускает меня и отступает назад, прочищая горло.

— Какие-то проблемы? — спрашивает он, глядя на небольшую группу людей, преграждающих мне путь в отель.

Женщина, у которой мое удостоверение личности, немедленно возвращает его обратно.

— Никаких. Извините. Техническая ошибка с нашей стороны. Мисс Мерсье, вы можете войти как гостя вашего брата.

Александр смотрит на меня с искоркой веселья. Я занимаю себя, убирая удостоверение личности, а затем спешу к двери, стремясь убраться подальше от толпы и камер.

— Ты же не собираешься убегать, правда? — спрашивает он, подходя ко мне.

— Я просто... хочу попасть внутрь, прежде чем они отзовут мое приглашение.

Он смеется.

— Они этого не сделают. Ты моя гостя.

Я на мгновение прикусываю нижнюю губу, прежде чем вздохнуть и снова повернуться к нему. Сейчас мы находимся в фойе отеля. Остальная часть его окружения все еще общается с женщиной снаружи, так что, если не считать нескольких человек, слоняющихся тут и там, мы относительно одни.

— Прошу прощения. Я не хотела устраивать сцену. На самом деле не ожидала, что возникнут проблемы с входом.

Он засовывает руки в карманы смокинга и пожимает плечами.

— Это шикарное мероприятие. На таких мероприятиях всегда пристальная охрана. — Затем он приподнимает бровь. — Ты регулярно посещаешь вечеринки?

Краснею и качаю головой.

— На самом деле я пришла сюда в надежде увидеть тебя. Ну... познакомится с тобой.
— Потом я кое-что вспоминаю и хмурюсь. — Там, снаружи, ты узнал меня. Как?

В детстве мы с мамой очень старались, чтобы мои фотографии не попадали в интернет, и с тех пор я придерживаюсь этого правила, сохраняя крайне скромный профиль больше по привычке.

— Ну, из очевидного, ты очень похожа на Кэтлин.

При упоминании моей матери у меня сразу же сжимается горло, и в уголках глаз неожиданно появляются слезы. Так давно никто не произносил ее имя вслух.

Александр замечает мою реакцию и хмурится.

— Это был искренний комплимент. Твоя мать была красавицей, и ты очень похожа на нее.

— Спасибо, — выдавливаю я едва слышно.

— А еще... — он нахально улыбается, вероятно, пытаюсь поднять мне настроение. — Должен признаться, что пару раз наводил о тебе справки. Найти информацию о тебе трудно, но это не невозможно. Эммет думает, что я смешон, но ничего не могу с собой поделать. Мне всегда было любопытно.

Значит, мы родственные души. Приятно осознавать, что я не одинока в своих бесконечных поисках семьи Мерсье.

Дверь за его спиной открывается, и сразу же вечер настигает нас. Шум от красной ковровой дорожки заполняет фойе, и его друзья, смеясь и разговаривая, направляются напрямик к нам, стремясь вернуть своего принца. Я нерешительно делаю шаг назад, не совсем уверенная, куда идти дальше.

Мне бы хотелось, чтобы мы с Александром остались одни где-нибудь в тихом месте и могли поговорить. Хочу знать все о нем, об Эммете и об их детстве. Хочу спросить его, насколько хорошо он знал мою мать, много ли времени они проводили вместе, как одна большая счастливая семья, до того, как они с Фредериком развелись. Я представляла себе сценарий, в котором все сложилось иначе, жизнь, в которой мы вместе проводили Рождество, дни рождения, тихие воскресные вечера.

Александр с едва заметной гримасой смотрит на своих друзей, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Послушай, сегодняшний вечер... ну, я бы не выбрал этот вечер для первой встречи с тобой. Эти мероприятия для меня — больше работа, чем что-либо другое. Детская больница...

Я спешу прервать его.

— Все в порядке. Я понимаю.

Он вздыхает.

— Хорошо. Возможно... будет лучше, если ты сегодня ляжешь на дно. Здесь так много журналистов и фотографов...

Я киваю, давая ему понять, что полностью согласна. Он несколько меня не обижает.

Не уверена, что готова к последствиям, если люди здесь узнают, кто я такая. Известность — вещь капризная.

Он смотрит мне за спину, нахмурив брови, как будто обдумывает план.

— Позволь мне только разместить моих друзей, а потом, вероятно, мне следует пройти по залу, иначе мой отец оторвет мне голову. Иди в один из баров внутри и подожди меня. — Он качает головой, не в силах удержаться от улыбки. — Не могу поверить, что ты действительно здесь. — Затем его глаза расширяются в тревоге. — Что бы ты ни делала, не уходи, пока мы не поговорим.

— Ладно. Не уйду, — обещаю я, не в силах удержаться от того, чтобы не улыбнуться ему в ответ.

Это кажется нелепым, но я хотела бы еще раз обнять его, прежде чем он уйдет. Вместо этого остаюсь стоять на месте, пока он и его друзья направляются в бальный зал.

Александр всегда казался более общительным, чем Эммет, и сегодняшний вечер подтверждает мои подозрения на его счет. Я потягиваю напиток возле одного из баров, наблюдая, как он обрабатывает помещение. Перескакивает от гостя к гостю, пожимая руки, одаривая улыбками, любезно фотографируясь со всеми, кто попросит. Его друзья занимают столик в дальнем углу зала, привлекая внимание не своим шумным поведением, а своей красотой и интригой. Интересно, каково было бы сидеть среди них и поддерживать разговор, который они ведут.

Я пью второй коктейль, когда Александр, наконец, отрывается от работы, чтобы найти меня. Он приближается, все еще разговаривая с людьми, мимо которых проходит, но когда его глаза встречаются с моими, выражение лица меняется. На смену его публичной персоне приходит более доступный человек.

Он машет в сторону моего бокала.

— Что пьешь? Это вкусно?

— Их фирменный коктейль на этот вечер. Он цитрусовый и сладкий, — говорю я ему.

Он кивает и просит у бармена еще один, прежде чем облокотиться на стойку и посмотреть на меня. Секунду мы молчим. Он просто смотрит на меня, как будто не верит своим глазам.

Не знаю, чего ожидала от встречи с ним. Я росла единственным ребенком и большую часть времени был одинока. Интересно, насколько я изменилась, если бы Александр был рядом со мной на протяжении всей моей юности?

— Ты действительно похожа на Кэтлин.

Я улыбаюсь.

— И ты тоже похож на свою мать.

— Ты с ней встречалась?

Качаю головой.

— Я видела ее только на фотографиях. Она все еще во Франции?

Он кивает.

— Отказывается покидать Париж. Она настоящий сноб по отношению к городу.

Думаю, я бы тоже была такой, если бы жила там.

— Почему ты в Бостоне? — спрашиваю его.

— Работаю. А ты?

— Работаю.

Его глаза задумчиво прищуриваются.

— Сколько тебе лет?

— Мне только что исполнилось 25. А тебе? 30?

— Да, а Эммету — 33.

Не могу удержаться от смеха над тем, как все происходит. Это как быстрое свидание, только без возможности любовной связи.

— Это странно?

— Немного.

Я наклоняюсь вперед, взволнованная возможностью утолить свое любопытство.

— Где ты обычно живешь?

— В основном в Париже, но за последние несколько лет я так много путешествовал по работе, что едва ли задерживаюсь на одном месте дольше нескольких месяцев.

Хмурюсь, только сейчас осознавая, что у него нет сильного французского акцента, как я думала. Я говорю ему об этом, а он пожимает плечами.

— Мы с Эмметом учились в Сент-Джонсе больше десяти лет, и мне пару раз надирали задницу за мой акцент. Было лучше без него.

Конечно. Я знала, что они учились именно там. Сент-Джонс — это школа-интернат на севере штата Нью-Йорк, куда представители элиты со всего мира отправляют своих детей якобы учиться, но на самом деле это для того, чтобы они могли общаться с детьми из других известных семей.

И все же обидно за акцент.

— Твой тоже не такой, каким я его себе представлял. Но Кэтлин была американкой, так что это все объясняет.

Я заикливаюсь на слове «была».

Значит, он знает, что моя мать скончалась. Я не была уверена.

Какая-то часть меня цеплялась за надежду, что Александр и Эммет ничего не замечают. Так было легче думать о них лучше. Но если он знал, если они все знали, и никто из них не протянул мне руку помощи за эти годы...

Мои мысли превратили вечер в безрадостное событие. Надо бы забыть об этом и наслаждаться моментом, но гордость не позволяет оставить несправедливость без внимания.

— Почему ты никогда не пытался связаться со мной? Хотя как-нибудь?

Его добродушное выражение лица меняется. Я порчу наш момент, омрачаю его грозowymi тучами.

— Ты должна понимать, насколько сложна вся эта ситуация.

— Это не обязательно должно быть так, — говорю я, как наивный ребенок.

Он проводит рукой по волосам.

— Мой отец и Эммет...

— Не хотят иметь со мной ничего общего.

Он тяжело вздыхает.

— Не надо приукрашивать. Я знаю правду.

Он принимает напиток от бармена и делает большой глоток, прежде чем ответить.

— Ты права в том, что они оба предпочли бы продолжать в том же духе. Они не видят смысла ворошить старые болезненные воспоминания.

— Но я не воспоминание. Я человек. И все еще здесь, после смерти моей матери... У меня нет семьи. Никого.

Когда заканчиваю, удивляюсь, что произнесла эти слова. Я никогда не была так откровенна с человеком, которого только что встретила. На самом деле я даже с Соней не откровенничаю. Она не знает, как сильно на меня до сих пор влияет смерть моей матери, как больно мне быть совершенно одной в этом мире.

В теплых карих глазах Александра столько сочувствия, когда он изучает меня.

— Я бы хотел, чтобы мы были братом и сестрой, но если уж на то пошло, я бы хотел, чтобы мы были друзьями. Мне не изменить прошлое, но в обозримом будущем я буду в Бостоне. Мы с тобой можем встретиться. Вот, дай мне свой телефон.

Достаю его из клатча и протягиваю ему. Пока он набирает свой номер, я оглядываюсь через плечо и вижу, как профессор Барклай входит через двойные двери бального зала. Мой желудок сжимается в тугую комок от беспокойства.

— О боже.

— Что?

— Я просто увидела человека, с которым предпочла бы не сталкиваться. Не знала, что он будет здесь.

Он возвращает мне телефон, затем поворачивается, чтобы поискать в толпе, пытаюсь проследить за моим взглядом.

— О, правда? Кто? Я, вероятно, знаю его.

Я не задумывалась об этом, но теперь припоминаю, что видела профессора Барклая на фотографии с Эмметом и Фредериком в Париже. Снова окидываю его взглядом, на этот раз уже зная, как он будет выглядеть: совершенно сногшибательно. Я пытаюсь защититься от его вида в смокинге, но это бесполезно. Некоторые мужчины созданы для того, чтобы носить черное.

— Мужчина, стоящий у двери. Высокий, каштановые волосы. Он принимает напиток от проходящего мимо официанта.

Брови Александра приподнимаются.

— Ты имеешь в виду Джонатана Барклая?

Я вздыхаю.

— Значит, ты действительно знаешь его?

— Довольно хорошо, вообще-то. Мы с ним вместе учились в Сент-Джонсе, хотя он ближе Эммету по возрасту. Они вместе играли в футбол.

— Конечно, он ходил в шикарную школу-интернат, — бормочу я себе под нос.

Александр смеется.

— Откуда ты его знаешь?

— Он мой новый босс. Ну, ты же знаешь, как это бывает. — Я машу рукой. — Босс моего босса.

— Понятно. И это просто потому, что с ним тяжело работать, или между вами что-то произошло?

Расслабляю лицо, понимая, что здесь мне следует действовать осторожно.

— Первое.

Он понимающе хмыкает.

— Могу себе представить. Чувствую, что должен извиниться от его имени.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Все в порядке. Правда в порядке. Просто всегда немного неловко сталкиваться со своим боссом на таком светском мероприятии.

Его кивок в знак согласия говорит мне, что он купился на мою тонко завуалированную ложь.

На главную сцену бального зала выходит ведущий с микрофоном и приветственной улыбкой.

Александр стонет, прежде чем повернуться ко мне.

— Послушай, через минуту они попросят нас занять отведенные нам места. Я не учел, что для тебя там не найдется места. Все это так формально. Мне жаль...

Касаюсь его предплечья, чтобы успокоить.

— Все в порядке. Я все равно не собиралась задерживаться надолго. Улизну, пока все ищут свой столик. Все будет так, как будто меня здесь никогда не было.

Это успокаивает его.

— Напиши мне, чтобы у меня был твой номер. Мы скоро встретимся, хорошо?

Я улыбаюсь и киваю.

— Скоро.

Затем я пробираюсь сквозь толпу, прячась среди людей, болтающих о том, за какой столик их посадили и с кем им придется сидеть в течение всего ужина. Я только переступаю порог фойе, когда слышу, как кто-то зовет меня по имени.

Мистер Бэнкс стоит в дверях бального зала, потрясенно улыбаясь. Рядом с ним стоит профессор Барклай, суровый и раздосадованный тем, что я здесь. Поистине эти двое — день и ночь.

Хотя я бы с удовольствием продолжила свой стремительный уход, вместо этого я направляюсь к ним.

— Я не знал, что вы будете присутствовать на сборе средств, — говорит мистер Бэнкс, когда я подхожу. — Вы здесь в качестве гостя?

— Да, но, к сожалению, у меня возникли кое-какие дела.

Мистер Бэнкс бросает взгляд на своего делового партнера, вероятно, потому, что странно, что он до сих пор не поздоровался со мной.

— Ты понимаешь, кто это, не так ли? Эмелия — одна из наших новых сотрудниц.

Я поперхнулась. Если бы мистер Бэнкс только знал...

— Да. Здравствуй, Эмелия.

Я киваю в его сторону, но продолжаю смотреть на мистера Бэнкса.

— Вы оба выглядите очень нарядно. Не хотелось бы пропускать вечер, но мне действительно нужно идти...

Мистер Бэнкс кивает и указывает на дверь бокалом с шампанским.

— Конечно. Тебя подвезти? Мой водитель все еще снаружи.

Профессор Барклай раздраженно вздыхает из-за его предложения.

— Она не может выйти на улицу. Это сумасшедший дом — фотографии повсюду.

— Им будет наплевать на меня, — начинаю я говорить, но он уже раздраженно шагает вперед и, даже не спросив моего разрешения, хватается за руку. Не говоря ни слова мистеру Бэнксу, который в шоке смотрит нам вслед, он ведет меня по боковому коридору, прочь от бального зала и главного входа в отель. Пока мы идем, он достает из кармана свой телефон, чтобы позвонить кому-то и проинструктировать их, чтобы машина ждала у задней части отеля, у служебного входа. Конечно, он не вводит меня в курс дела. Он даже не удостоивает меня взглядом, что безмерно расстраивает меня.

— Просто чтобы внести ясность, я пытаюсь держаться от тебя на расстоянии, как ты и просил. Это ты держишь меня за руку.

Его взгляд пронзает меня насквозь.

— Не будь ребенком.

— Я не ребенок. Ты лучше всех знаешь, что мой день рождения только что прошел. Вряд ли двадцатипятилетний человек — это ребенок.

— Дело не в возрасте. А в том, что ты такая наивная и капризная. Даже сейчас тебе нелегко пойти со мной, мне приходится тащить тебя по коридору.

Я чуть не смеюсь.

— Может, хоть раз попробуешь быть вежливым? — я привожу ему примеры. — Эмелия, пожалуйста, пойдем со мной. Или даже, Эмелия, возьми меня за руку.

Его хватка на моем предплечье только усиливается.

— Ты бы не отреагировала, и мы оба это знаем.

Его слова испепеляют меня.

Как он это делает? Как он может копаться во мне и так легко находить эту жемчужину правды? Никто другой не может, так почему же он?

Я должна молчать и позволить всему этому поскорее закончиться. Он оставит меня на тротуаре и поспешит обратно на вечеринку, чтобы поболтать со всеми своими богатыми, модными друзьями. Красивые женщины будут весь вечер любоваться на него в смокинге, и я так завидую, что готова закричать. Я хочу большего. Хочу спрятаться под воздействием двух своих напитков и притвориться, что все это не имеет значения. Все это нереально. Завтра все будет как прежде.

Мы подходим к тяжелой металлической двери, и он распахивает ее.

Черный внедорожник уже стоит на холостом ходу у обочины.

Я паникую, когда он тянет меня к нему. Возможность почти упущена.

— Вы ничего не сказали о моем платье, профессор Барклай.

— Ты же не хочешь услышать, что я думаю о тебе в этом платье.

О, но я хочу. Очень-очень хочу.

— Одно слово не повредит, — говорю я, невинно улыбаясь.

Он открывает заднюю дверь машины и усаживает меня внутрь. Его голубые глаза находятся на одном уровне с моими, когда он наклоняется, чтобы пристегнуть меня ремнем безопасности.

— Смертельно.

Затем дверь захлопывается, и я остаюсь одна на заднем сиденье, моргая.

Думаю об этом слове всю дорогу домой, сдерживая самодовольную улыбку. Затем, уже лежа в постели, я просматриваю определение, просто чтобы убедиться, что улавливаю каждый нюанс его комплимента (или это была критика?).

Смертельно (прилагательное):

- 1) относящийся к смерти или вызывающий ее.
- 2) наносящий серьезный ущерб или разрушительный.
- 3) очень мощный или эффектный.

Глава 15

Джонатан

Думаю, что если буду бежать достаточно быстро и упорно, то смогу убежать от своих чувств к Эмелии.

Бегу по тротуару, пока не чувствую, что мои колени вот-вот взорвутся. Мне следовало остановиться две мили назад, но все еще не удалось подавить безумное желание наброситься на свою бедную маленькую сотрудницу, поэтому я продолжаю наказывать себя.

Сегодня понедельник после гала-концерта, а я не могу перестать думать о ней. Я не поэт, но мог бы написать сонет о ней в этом красном платье. Я увидел ее с другого конца бального зала, когда она пробиралась сквозь толпу к выходу. Ее голова была опущена, и она изо всех сил старалась незаметно обходить людей и оставаться в тени. Она и не подозревала, что осветила эту комнату, как фейерверк. Соблазнительница в красном. Женщина, которой я всецело хотел обладать.

Тяжелые, темные дождевые тучи словно подражают моему настроению.

Звонок от матери прерывает мои мысли и пробежку, и я принимаю его, надеясь, что она окажется хорошим отвлекающим фактором.

— Я смотрю фотографии субботнего вечера, — говорит она мне. — Вижу, ты пропустил рекламный баннер. Неужели ты не мог вежливо постоять и улыбнуться ради благотворительности? Они могли бы разместить изображения по всему сайту. Хотя неважно, зато им удалось поймать тебя внутри, когда ты стоял с Кристофером и какой-то женщиной в красном платье, и именно поэтому я звоню.

— Ты шутишь.

Я был с Эмелией на публике всего одну секунду. Полсекунды. Как они смогли нас сфотографировать?

— Она сногсшибательна. Я отправила ее фотографию твоей сестре, и мы обе думаем, что у вас получились бы прекрасные дети.

Медленно иду, тяжело дыша после бега.

— Я вешаю трубку.

— Не раздражайся. Вижу, что между вами большая разница в возрасте, но между нами с твоим отцом тоже, и это только придает пикантности...

Она не успевает закончить фразу, как я вешаю трубку.

Через несколько секунд телефон вибрирует от сообщения: *«О, с тобой неинтересно. Жду новостей о мисс Брюнетке. Как я уже сказала, СНОГСШИБАТЕЛЬНАЯ»*.

Спасибо ей за то, что помогает мне забыть об Эмелии.

Засовываю телефон в карман и поворачиваю обратно к дому, наконец-то готовый сдаться. Я нахожусь в миле от своего дома, когда темные тучи, которые насмеяются надо мной всю пробежку, наконец решают выложить свои карты. Крупные капли дождя обрушиваются на меня, когда я вбегаю на крыльцо и вхожу в парадную дверь.

Стаскиваю с себя грязные ботинки, рубашку и шорты, бросаю одежду в прачечную и иду в душ.

Через несколько минут я отправлюсь на работу и переживу еще один день совсем рядом с Эмелией. Я изо всех сил стараюсь держаться от нее на расстоянии, оказывать ей ту же любезность, что и она мне. Не только для того, чтобы избежать лицемерия, но и потому, что пытаюсь делать то, что правильно, то, что должно быть сделано.

И все равно, когда захожу в офис, я ищу ее, но не по своей воле, а из-за какой-то врожденной потребности. Не могу сопротивляться этому желанию точно так же, как и своему следующему вдоху. Она с командой, разговаривает с Льюисом и Дагом. Выглядит прелестно, стильно, молодо. Она не замечает, как я прохожу мимо, и я рад этому. В субботу

я переступил черту. Мне следовало позволить ей уйти через парадную дверь и не утруждать себя вызовом машины. Она бы прекрасно добралась до дома. Мне не нужно было звонить своему водителю и проверять, видел ли он, как она благополучно добралась до квартиры.

Чтобы продолжать свои попытки держаться от нее подальше, я пытаюсь соблюдать диету воздержания до конца дня. Не прохожу мимо ее стола, если это возможно. Более того, я даже не выхожу из своего кабинета. Мне доставляют обед. Кэндис приносит его, комментируя, что мои склонности к трудоголизму берут надо мной верх, но вместо того, чтобы слушать ее, я слегка откидываюсь на стуле, чтобы посмотреть, хорошо ли мне видно коридор — стол Эмелии. Так и есть, но ее там нет. Бл*дь.

Кристофер находит меня после обеда. Мы должны пересмотреть планы по проекту Бостонской гавани. Задаю ему вопрос об электрической схеме, и когда он с ходу не отвечает, я раздраженно вздыхаю.

Он смеется над моей чрезмерной реакцией.

— Господи, что с тобой? Не пойми меня неправильно, обычно ты мудака, но в последнее время стал еще хуже. Сделай мне одолжение, сходи на чертову пробежку или еще куда-нибудь.

— Я уже пробовал.

— Точно. Ну, а как насчет Миранды? Сможет ли она приехать в город? Может быть, она решила бы твою проблему.

Миранда — не та, кто мне нужен, и судьбе это известно.

Уже больше шести вечера, когда я позволяю себе покинуть офис, а дождь, начавшийся утром, так и не утихает. Я выезжаю с подземной парковки «Бэнкс и Барклай» и включаю дворники. Из-за погоды движение на дорогах становится все более плотным, и час пик этому не способствует. Застреваю в пробке прямо перед зданием, смотрю в зеркало заднего вида и замечаю Эмелию, идущую по тротуару и сражающуюся с ливнем. Ее зонтик хлопает на ветру, а потом она роняет что-то на землю, и ей приходится наклоняться, чтобы поднять.

Мысленно отчитываю ее за то, что она не позаботилась о себе лучше, не составила план действий на случай такого дождливого дня.

Продолжай ехать. Она — не твоя проблема. Она промокнет, но выживет.

Поток машин движется, и вместо того, чтобы следовать за ним, я осторожно сворачиваю к тротуару и распахиваю дверь со стороны пассажира как раз вовремя, чтобы случайно напугать ее до усрачки.

Мой тон более раздражительный, чем хотелось бы, когда я говорю ей садиться.

Широко раскрытые глаза Эмелии устремляются назад, туда, откуда она пришла, а затем вперед, словно оценивая свои возможности.

Машина позади меня сигналист.

— Садись, Эмелия.

Она вздрагивает от моего тона, прежде чем закрыть зонтик и забраться внутрь. При этом она умудряется разбрызгать воду повсюду.

— Извини, — это первое, что она говорит, закрывая дверь и пристегивая ремень безопасности. Сначала я думаю, что она извиняется за воду, но, возможно, и за то, что не послушала меня в первый раз, когда я велел ей сесть в машину.

— Почему ты шла пешком? — спрашиваю я, снова вливаясь в поток машин.

Какофония гудков, которые присоединились после первого, наконец смолкает.

— Я всегда хожу пешком.

— В следующий раз вызывай Uber, — грубо говорю я.

— В следующий раз я поступлю так, как захочу.

Ее ответ, произнесенный шепотом, не разряжает обстановку. Она уже должна знать это.

Эмелия сидит лицом к пассажирскому окну, ее тело наклонено как можно дальше от меня. Она не показывает мне своего лица, и я подавляю желание потребовать, чтобы она

посмотрела на меня. Весь день я хотел увидеть ее, и теперь, когда у меня наконец появляется шанс, она мне не позволяет.

— Ты насквозь промокла.

— Если ты беспокоишься о машине, я заплачу за чистку.

Она дрожит, и я включаю обогрев, убедившись, что вентиляционное отверстие направлено на нее.

— Ты что, не проверила, какая сегодня погода?

— Я не думала, что будет так плохо. Если ты собираешься продолжать в том же духе, просто высади меня. Остаток пути я пройду пешком.

Убеждаюсь, что двери заперты, и, клянусь, уголок ее рта приподнимается в интимной улыбке.

Эмелия, ты соблазняешь меня только этим — полускрытой, едва заметной улыбкой.

Крепче сжимаю руль и выключаю музыку, раздраженный медленной грустной песней, которая играет.

Проходит несколько мгновений, и я думаю, что мы всю поездку проведем в тишине, но она слегка сдвигается, позволяя мне мельком увидеть ее профиль. Я оглядываюсь и вижу, как она осматривает окружающую обстановку.

— У тебя очень хорошая машина.

— Прибегаешь к лести?

— Просто пытаюсь завязать вежливую беседу. Мы никогда этого не делали. Я хотела узнать, возможно ли это.

— Нет.

Вежливость не в моей компетенции.

— Значит, можно молчать? Отлично. Можешь сделать вид, что меня здесь нет.

— Это невозможно. С тебя все еще капает вода.

Движение впереди замедляется, и мы снова оказываемся в пробке.

Она полностью поворачивается ко мне, вероятно, сыта по горло моими выходками.

— Тогда что же нам делать, чтобы скоротать время? Ты не хочешь со мной разговаривать и не даешь мне спокойно посидеть.

О... возможности.

Вместо того чтобы дать волю своей порочности, я спрашиваю ее, где она живет.

Она закатывает глаза.

— Через несколько миль повернешь направо. Я живу довольно далеко. Как я уже сказала... ты можешь высадить меня в любое время.

Я хмурюсь.

— Почему ты живешь так далеко?

Она невозмутимо пожимает плечами.

— Потому что переехала в последнюю минуту. С деньгами туго. В городе нехватка жилья. Это достаточная причина?

— Почему туго с деньгами?

— Не твое собачье дело.

— Должны ли мы платить тебе больше?

— Конечно. Давай. Повысь мне зарплату. Я не буду тебя останавливать. Но если ты не погасишь мои студенческие ссуды и долги по кредитной карте, то в обозримом будущем я буду жить от зарплаты до зарплаты.

— Почему у тебя задолженность по кредитной карте?

Она смотрит в окно, пытаясь отгородиться от меня.

— Опять же... не твое дело.

— Ты небрежна в тратах?

Она раздраженно вскидывает руки.

— Да. Ты поймал меня. Я люблю покупать дорогие вещи, которые не могу себе позволить. Я капризна, глупа и не умею распоряжаться деньгами. Мой шкаф до краев забит всякими модными вещами.

— Ты закончила?

— Ты закончил?

Я умеряю пыл, прекрасно понимая, что никому из нас это больше не нужно.

— Итак, ты взяла кредит, потому что не могла позволить себе колледж и израсходовала все деньги с кредитных карт, потому что не могла работать во время учебы, если не хотела получать хорошие оценки и иметь время на стажировку...

Она не подтверждает и не опровергает мои подозрения, но я знаю, что прав.

— Может, нам поменяться ролями, профессор Барклай? — ее взгляд, кажется, видит меня насквозь. — На что ты тратишь деньги? Дорогой алкоголь? Дизайнерские костюмы? Женщины?

Даже не отвечаю ей, что, как я знаю, раздражает ее.

Она ерзает на сидении, одергивая платье так, чтобы подол был ближе к коленям.

Мои мысли становятся гнусными.

Возбужденный ее раздражительностью, я хочу протянуть руку и просунуть ее между ног, раздвинуть бедра ровно настолько, чтобы моя рука достигла своей конечной цели. Я прослеживаю воображаемый путь моих пальцев, и когда понимаю, что она наблюдает за мной, перевожу взгляд обратно на дорогу.

— Поверни направо на следующей улице.

У нее звонит телефон. Она проверяет его, затем отключает, собираясь отправить на голосовую почту, вероятно, из вежливости.

— Ответь, — настаиваю я, включая поворотник.

Она отвечает, прижимает телефон к уху и прислоняется к окну.

— Эй... э-э, я не могу говорить.

В тишине машины я слышу, как на другом конце линии говорит женщина.

— Ты все еще на работе?

— Нет, меня везут домой.

— Кто? Этот парень, Зак?

— Нет.

— Тогда кто же?

Она не отвечает.

— ЭМЕЛИЯ.

Она вешает трубку.

— Кто такой Зак?

Она вздыхает.

— Неужели твои плохие манеры не знают границ? Я помню, как давным-давно ты отругал меня на одной из своих лекций за то, что я подслушивала.

Не слушаю ее разглагольствования. У меня одностороннее мышление.

— Тот парень со светлыми волосами?

— Да. — Она указывает в окно. — Поверни налево на этой улице.

— С чего бы ему подвозить тебя домой?

— Потому что он мой друг. Вон то здание, справа.

— Заброшенное?

Подъезжаю к обочине, и, прежде чем успеваю припарковаться, Эмелия уже собирает свои вещи и распаковывает дверь. Она поспешно выскакивает из машины, пытаясь убежать от меня, но я включаю аварийку и выхожу.

— Я провожу тебя, — говорю я, оглябая машину и забирая зонтик у нее из рук.

— Не стоит.

Не обращая внимания, беру ее вещи, говоря себе, что всего лишь пытаюсь облегчить ее ношу, а затем машу ей, чтобы она шла вперед. Спорить бессмысленно. Меня не остановить, и она это знает.

Ее квартира расположена в здании, которое выглядит так, словно за ним не ухаживали более десяти лет. Перила крыльца перекошены и недостаточно надежны, чтобы выдержать какой-либо вес. Внутри ощутимо воняет. Линолеум на полу в прихожей отслаивается, а в дальнем углу просто свалены мешки для мусора (вероятно, это и есть источник запаха). Эмелия направляется к лестнице и ведет меня на третий этаж, мимо громких телевизоров и орущих соседей.

— Как ты нашла это место? — спрашиваю я, когда она достает ключ и отпирает дверь.

— На Craigslist². Я снимаю его у одной девушки.

Дверь заедает, и ее приходится приподнимать, одновременно наваливаясь всем весом, чтобы открыть. Затем передо мной открывается ее маленькая студия.

Квадратная комната с двуспальной кроватью, угловой кухней и маленьким столом с двумя складными стульями. Мебели здесь самый минимум, но она сделала все возможное, чтобы украсить помещение и создать в нем ощущение тепла. Кровать аккуратно застелена огромным стеганым одеялом и кремовым пледом в изножье. Стол застелен желтой клетчатой скатертью, а на стене над ним висит доска с фотографиями и памятными вещами.

Я приглашаю себя войти и подхожу ближе, разглядывая фотографию на доске, которая, должно быть, сделана еще во времена ее учебы в Дартмуте. Ее щеки становятся немного мягче, глаза — пронизательными и взволнованными. Ее подруга, поделница по преступлению, тоже на фотографии. Они сидят на одеяле для пикника, прижавшись друг к другу, и смотрят в камеру. Я узнаю библиотеку Бейкера на заднем плане.

Над фотографией прикреплено письмо, частично скрытое под другой фотографией сада. Я не успеваю ничего прочесть, как Эмелия прочищает горло позади меня.

— Вы проводили меня, профессор. Выполнили свой долг.

Мой позвоночник напрягается.

Я бы хотел, чтобы она выбрала другое слово.

Долг — моральная ответственность или обязательство.

Это слово лишает меня возможности хоть на секунду забыть о том, кто она для меня. Там, где дело касается ее, всегда будут осложнения и последствия. Поворачиваюсь к ней и осознаю, какое жалкое зрелище она представляет, стоя у двери: красивая, как всегда, но в то же время промокшая и печальная. Она промокла с головы до пят. Ее волосы полночно-черные, с них капает вода.

Она ждет, что я уйду, но вместо этого встречаю ее любопытный взгляд.

— Я просмотрел твое личное дело сегодня.

Одна из ее бровей вопросительно приподнимается.

Засовываю руки в карманы костюма.

— Я могу только представить, в чем ты убедила себя, когда речь заходит о должности в «Бэнкс и Барклай». Хотя это может показаться притянутым за уши, я не подозревал, что ты новый сотрудник, пока не увидел сидящей в конференц-зале.

Она сглатывает и молчит, взвешивая мои слова.

— Я видел, как ты представляла свою работу. В Дартмуте.

Хмурится, вероятно, не совсем понимая, на что я намекаю, и прямо сейчас нет причин давать ей ответ.

— И хотя это было достаточно убедительно, твое резюме и рекомендательные письма еще раз доказывают, что ты достойна работы в моей фирме. Тот факт, что мы с тобой познакомились много лет назад, еще ничего не значит. Ты понимаешь?

Она слабо кивает.

---

² Сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей интернета.

Я обвожу взглядом ее скромную квартирку, жадно воруя уединение, которое она создала для себя. Вкратце представляя, что могло бы быть. Хочу, чтобы она лежала на кровати, опираясь на локти, и смотрела на меня, затаив дыхание. Хочу приготовить ей что-нибудь, сесть напротив нее за тот столик и смотреть, как она съедает каждый кусочек.

Плач ребенка, доносящийся из коридора, возвращает меня в настоящее, и я снова поворачиваюсь к ней, глядя прямо в глаза.

— Что бы я ни делал... что бы ни случилось, я надеюсь, ты не упустишь из виду тот факт, что это твои самостоятельные заслуги.

— Что вы хотите этим сказать?

Да, Джонатан, что, черт возьми, ты несешь?

Какого хрена ты стоишь в квартире своей молодой сотрудницы?

Я качаю головой и начинаю пробираться мимо нее, но она протягивает руку, чтобы остановить меня. Не сильно, но она прижимает ладонь к моей груди и удерживает меня на месте, спрашивая:

— Вы думали обо мне после той ночи?

Я не отвечаю.

И не смотрю на нее.

Мой взгляд прикован к двери, когда она продолжает.

— Когда вы увидели меня снова, то почувствовали это? То же напряжение? Войну? Желание? Как бы это ни называлось...

Она становится нетерпеливой. Кончики ее пальцев нежно впиваются в мою грудь, словно пытаюсь вытянуть из меня ответ. Мучительное мгновение мы стоим там, и я почти поддаюсь желанию устроить хаос.

Затем убираю ее руку со своей груди, крепко сжимаю и отпускаю, прежде чем уйти.

Глава 16

Эмелия

После ухода профессора Баркляя опускаюсь на один из кухонных стульев, чувствуя, что из меня выкачали всю энергию. Поездка домой на его машине приводит меня в состояние повышенной готовности. Словно добыча, загнанная в клетку с хищником, я следила за каждым его движением. Каждый раз, когда он поправлял свою хватку на руле. Каждый раз, когда он оглядывался на меня. Каждый нюанс. Я дразнила его обещанием выйти из машины, но никогда не стала бы этого делать. Он мог отвезти меня куда угодно. Он мог бы ехать вечно, и я бы с радостью осталась.

Обвожу взглядом квартиру, смущенная тем, что теперь вижу свою квартиру его глазами. Она маленькая, скудная, может быть, даже немного детская, с моей желтой скатертью и глупыми картинками. Он ясно дал понять, что невысокого мнения о моем доме. Внизу, в холле, он задрал нос, и я могу только представить, насколько он сдерживался, чтобы не сказать что-нибудь негативное о самой квартире. Если по его машине можно судить о том, как выглядит его дом, то он живет в роскоши.

Но затем мое смущение и стыд уступают место любопытству, когда вспоминаю его слова, сказанные незадолго до того, как он ушел: *«Что бы я ни делал... что бы ни случилось, я надеюсь, ты не упустишь из виду тот факт, что это твои самостоятельные заслуги»*.

Но после этого предупреждения он ничего не предпринял.

Я была той, кто остановил его на выходе, чтобы смело задать вопрос, который уже много лет не дает мне покоя, но он не ответил.

Но даже без ответа его слова что-то значат.

Они должны значить.

Я цепляюсь за них, когда встаю и готовлю ужин. Нарезаю и обжариваю овощи и добавляю их к рису и остаткам курицы. В еде нет ничего особенного, но она питательна и

насыщает меня. После ужина убираюсь в квартире, навожу порядок, словно ожидая, что профессор Барклай снова войдет в дверь. Я представляю, как он стоит на пороге, только на этот раз остается. Снимает пиджак и аккуратно складывает его, прежде чем повесить на спинку стула. Он подходит ко мне, подталкивая к кровати, как хулиган, берущий то, что хочет.

Мои фантазии переносятся на следующие несколько дней, обретая собственную жизнь, и они не всегда сексуальны. Некоторые из них просты... почти печальны, что свидетельствует о том, насколько одиноко я чувствую себя в Бостоне. Иногда я представляю, что было бы, если бы профессор Барклай помог мне приготовить ужин или если бы мы вместе распили бутылку вина после работы. Иногда представляю, как он привозит меня домой и не хочет уходить, остается на ночь и делит со мной мою маленькую кровать.

Но независимо от темы, факт в том, что я фантазирую и фантазирую, и ничего не могу сделать, чтобы это прекратить.

Сны о профессоре Барклае — это то, чего я жажду, потому что они находятся вне моего контроля. А это? Я на кровати с рукой между ног? Это полностью сформировавшееся, осознанное признание. Я хочу профессора Барклая, и это не всегда сладко, просто и легко объяснимо. Смутное согласие, запретные места, он в своем кабинете в «Бэнкс и Барклай», я на его столе.

Чувствую себя такой виноватой из-за всего этого, что едва могу встретиться с ним взглядом, когда мы пересекаемся, а это бывает редко, учитывая, что я из кожи вон лезу, чтобы избегать его. Чем больше думаю о нем, тем больше меня пугает мысль о том, что он узнает грязную правду. Я виновна, и это написано на моей покрасневшей коже. Ему достаточно лишь взглянуть на меня, задержаться на мгновение, и он все поймет. В этой влюбленности я — невинная школьница с широко раскрытыми глазами и до невозможности очевидная.

Проходит еще несколько дней, и я молюсь о дожде, чтобы ему снова пришлось отвезти меня домой, намеренно оставляя зонтик каждое утро, но небо ужасно и жизнерадостно голубое. Поют птицы, и мимо проплывают пушистые белые облака.

Однажды, возвращаясь с обеда в «Бэнкс и Барклай», погруженная в собственные мысли, я заворачиваю за угол в вестибюле и вижу профессора Барклая, стоящего в открытом лифте с мистером Бэнксом. Двери вот-вот закроются, но мистер Бэнкс выходит вперед и придерживает их для меня.

Я медлю на пороге, как олень, пойманный светом фар, и когда не сразу присоединяюсь к ним, мистер Бэнкс с любопытством улыбается.

— Ты собираешься подняться наверх?

Мой взгляд перебегает на профессора Барклая. Он выглядит потрясающе красивым в своем черном костюме. Этот цвет только придает ему еще больше устрашающего вида, резко контрастируя со светлыми глазами.

— Я...

Жду разрешения профессора Барклая, и когда он просто стоит с таким видом, словно едва знает меня, я отступаю назад и качаю головой.

— Я кое-что забыла. Извините.

С каждым проходящим днем все больше и больше чувствую себя не в своей тарелке. Не могу взять в толк, что происходит. Если бы он не отвез меня домой, если бы он не говорил так, как будто собирался что-то сделать, я бы предположила, что он вообще не хочет иметь со мной ничего общего. Тогда, я думаю, было бы легче отбросить свои чувства в сторону, а не питать их изо дня в день.

Чувствую себя голодной и ненасытной, встревоженной и неспособной обрести покой.

Работа захлестывает, но в хорошем смысле. Мне нравятся задачи, которые отнимают все мое внимание, нравится отвлекаться. Вместо того чтобы позволять профессору Барклаю

негативно влиять на мою продуктивность, я работаю еще усерднее, стремясь угодить больше, чем когда-либо, как будто ожидаю, что слухи о моих достижениях дойдут до него.

Эта Эмелия, она такая труженица.

Как будто это может убедить его трахнуть меня.

Я безнадежна и понимаю, что безнадежна, и это понимание не успокаивает мои переживания, а лишь делает ситуацию еще более болезненной.

Когда Александр звонит мне в пятницу, через две недели после гала-концерта, я хватаюсь за возможность отвлечься от мучительных мыслей о моем боссе. Я все еще на работе, поэтому, отвечая на звонок, отхожу от стола и направляюсь к окну.

— Александр! Привет!

— Эмелия, как дела? — спрашивает он.

Впервые за всю неделю моя улыбка искренняя.

— Нормально. Занята работой

— Значит, нас двое. Они там дают тебе достаточно свободного времени? Ты знаешь, я мог бы поговорить с твоим боссом...

Я не хочу, чтобы мне напоминали о профессоре Барклае. Мне и так достаточно о нем напоминают.

— Нет, все в порядке. Почти каждый день я ухожу с работы в шесть, это совсем неплохо.

— Хорошо. Что ж, я звоню, потому что завтра у меня небольшой званый ужин, и я бы хотел, чтобы ты пришла. Знаю, что это в последнюю минуту. Но если ты свободна, это будет хороший способ познакомиться с моими друзьями вдали от посторонних глаз, и Эммет тоже будет там.

Он вставляет последнюю деталь как бы невзначай, но мое сердце бешено колотится при мысли о возможности встречи с Эмметом.

Я не колеблюсь.

— Конечно. Да!

В его голосе слышится улыбка, когда он отвечает.

— Хорошо. Я пришлю за тобой водителя. Ты живешь недалеко от «Бэнкс и Барклай»?

Не думаю, что Александру обязательно знать, где я сейчас живу.

— Ммм... Знаешь что? Нет нужды. Я могу достаточно легко добраться туда сама. Просто пришли мне адрес и детали ужина.

— Ладно. Я напишу тебе после того, как повешу трубку. Дай мне знать, если передумаешь насчет водителя.

— Обязательно. До завтра.

Вешаю трубку и испытываю радостное возбуждение, пока двери лифта не открываются, привлекая мое внимание к великолепной блондинке, выходящей с секретаршей профессора Барклая, Кэндис.

Мне требуется полсекунды, чтобы узнать таинственную блондинку в лицо. Она одна из тех редких людей, которые выглядят точно так же, как на фотографиях, а может быть, даже лучше. Она смеется и болтает с Кэндис, когда они проходят мимо, и внезапно мне становится так плохо, что я едва могу дышать. Я застываю в шоке, когда они проходят мимо меня, направляясь прямо к кабинету профессора Барклая в конце коридора.

Я слышу, как Кэндис произносит ее имя.

Миранда.

Тайна раскрыта.

Все, что касается ее, фиксируется в памяти так же быстро, как удар топора. Дизайнерское платье, безукоризненная прическа, изящные украшения — она ходячее воплощение той женщины, с которой профессор Барклай мог и должен быть рядом. Мое платье от TJ Махх по сравнению с ним кажется до смешного глупым. На моих туфлях, кажется, в два раза больше потертостей, чем было всего минуту назад. Думаю о том, с какой тщательностью и вниманием делала прическу и макияж на этой неделе, а затем о

профессоре Барклае, который все это время за закрытыми дверями звонил Миранде, говорил ей грязные слова, очаровательные слова и слова любви, и, прежде чем осознаю это, оказываюсь в ванной, сгорбившись над унитазом и избавляясь от позднего обеденного салата.

— Эмелия? Ты в порядке? — спрашивает Мира из-за двери кабинки.

Смутившись, смываю воду и хватаю комок туалетной бумаги, чтобы вытереть рот.

— Да. Я в порядке.

— Принести тебе воды или еще чего-нибудь?

— Нет-нет. Мне лучше, честное слово. Думаю, просто испорченный обед.

— Ты уверена?

Я не отвечаю.

Она вздыхает.

— Слушай, почему бы мне не сходить за твоими вещами? В любом случае уже почти пора уходить. Льюис поймет.

Терпеть не могу уходить рано, но она права: уже четыре. Большинство людей все равно уйдут в течение следующего часа, и так будет лучше.

Она собирает мои вещи, пока я полощу рот и мою руки в раковине, старательно избегая отражения в зеркале. Затем покидаю здание, так и не возвращаясь к своему столу, и не проверяю, заходила ли Миранда в кабинет профессора Барклая и заперла ли за собой дверь. Конечно, я представляю себе это, раня себя все глубже и глубже каждым ужасным сценарием.

Они все еще вместе?

Они были вместе все это время?

Был ли у меня вообще хоть один шанс?

Я звоню Соне, когда прихожу домой, но она не отвечает. Запоздало вспоминаю, что в эти выходные она собиралась вместе с Уэсли провести последний осмотр места проведения свадьбы, и оставляю сообщение, попросив ее не беспокоиться и не перезванивать мне, мы поговорим в понедельник.

Поскольку впереди у меня целый пятничный вечер, я чувствую беспокойство и вот-вот расплачусь. Я рада, что у меня нет возможности связаться с профессором Барклаем. В самый отчаянный момент я, наверное, совершила бы какую-нибудь глупость, например, позвонила бы ему и потребовала рассказать правду о том, что происходит между ним и Мирандой. Имею ли я вообще право расстраиваться, или я напридумывала себе всякой всячины и заставила ее казаться более важной, чем она есть на самом деле? Мы почти не общались с тех пор, как я заняла эту должность в «Бэнкс и Барклай». Я для него никто. Каким-то образом я упустила это из виду на прошлой неделе, но сегодняшний день становится болезненным напоминанием об истине.

Профессор Барклай не мой и никогда им не будет.

Я решаю сохранить лицо и полностью сосредоточить свое внимание на том, в каком наряде буду завтра вечером. Александр присылает мне подробности ужина, время и место проведения. Я смотрю адрес и узнаю, что его квартира находится в самом дорогом жилом доме в городе. Меня немного пугает перспектива присоединиться к Александру и его друзьям, и я не хочу быть для него разочарованием или смущением.

Я просматриваю свой шкаф и прихожу в восторг от того, что у меня уже есть (шок).

Мой первый чек от «Бэнкс и Барклай» уже получен и лежит на банковском счете. После того как я выделяю достаточно средств на самое необходимое, а именно на оплату счетов, остается еще немного. Обычно я направляю их на погашение студенческих кредитов, но убеждаю себя, что в этот раз можно потратиться на платье для званого ужина. Конечно, мой разговор во время поездки на машине с профессором Барклаем не ускользает от внимания. Уверена, он бы отчитал меня за то, что я так трачу свои деньги, но, к счастью для него, он слишком занят Мирандой, чтобы беспокоиться обо мне.

В субботу днем я захожу в модный бутик, мимо которого прохожу каждый день по дороге на работу. Здесь всегда нескончаемый парад элегантных женщин, входящих и выходящих из него, и сегодня моя очередь быть одной из них.

Я почти ожидаю, что продавец-консультант сразу же выставит меня за дверь, но она улыбается и говорит, чтобы я дала ей знать, если мне понадобится какая-либо помощь при совершении покупок. Я уже знаю, какое платье мне подойдет. Видела его в витрине последние две недели, и мне везет, у них все еще есть мой размер.

Это короткое черное платье без рукавов из шелковой ткани с драпированным вырезом на спине. Мне нравится, как оно подчеркивает мои ноги, но, что более важно, оно неподвластно времени и не слишком рискованное, идеальная вещь для званого ужина, где я хочу выглядеть круто и непринужденно перед Александром, Эмметом и их друзьями.

Я не обращаю внимания на цену в кассе, пока продавец заворачивает его и вручает мне в роскошном пакете для одежды. Я немного боюсь, что кто-нибудь попытается украсть его у меня по дороге домой, поэтому быстро поднимаюсь по лестнице в квартиру. Поскольку мне больше нечего делать, я трачу смехотворное количество времени на подготовку, чтобы к тому времени, когда вызову Uber, чтобы отправиться в квартиру Александра, ни одна ресница или волосок не выбивались из прически.

Я заставляю себя ждать и выезжаю чуть позже, чем обычно, чтобы не приехать первой. Понятия не имею, в какую ситуацию попаду, поэтому пытаюсь правильно разыграть свои карты.

Днем ранее Александр прислал мне милое сообщение, в котором уточнял, собираюсь ли я все еще прийти. Я заверила его, что приеду, и, выходя из Uber перед его домом, радуюсь, что сделала это, потому что в противном случае я могла бы сразу сесть в машину и попросить водителя отвезти меня домой.

Глава 17

Эмелия

Нервы на пределе, когда я прохожу мимо швейцара к ряду лифтов в центре здания. Нажимаю кнопку «Пентхаус», затем рассматриваю себя в зеркале на стене, и меня охватывает легкий трепет, когда понимаю, что достигла именно того, к чему стремилась. Я отлично выгляжу. Что еще более важно, выгляжу так, будто могла бы слиться с толпой, которую Александр обычно публикует в социальных сетях.

Когда добираюсь до пентхауса, двери распахиваются, и я выхожу в прихожую с мраморным полом, которая занимает три этажа и включает в себя самую большую современную люстру, которую я когда-либо видела. Стоит официант в черной униформе, держа богато украшенный поднос с заранее приготовленными коктейлями.

Я принимаю один и благодарю его.

— Гостям следует пройти в гостиную.

Конечно.

Направляюсь вглубь квартиры Александра, ожидая, что меня встретит какофония голосов, только чтобы понять, что здесь никого нет.

— Александр? — окликаю пустые комнаты.

Он не отвечает.

Неприятности начинаются с этого момента и продолжаются по мере того, как я осознаю, что понятия не имею, какую из этих комнат можно считать гостиной. Здесь есть фойе и небольшая библиотека, коридор, который, похоже, ведет к спальням. Нахожу гостиную и столовую, затем, когда возвращаюсь назад, нахожу еще одну маленькую комнату с камином и уютными креслами. Подозреваю, что это могла бы быть гостиная, но там никто не сидит, поэтому продолжаю поиски, пока не наткнулась на кухню. Наконец,

там кипит работа, по меньшей мере двадцать или около того сотрудников в униформе тщательно готовят сегодняшний ужин. Официант замечает меня и спешит подойти.

— Вы ищете гостиную? — спрашивает он.

— Да. — Я улыбаюсь. — Кажется, я немного заблудилась.

Он вежливо ведет меня обратно в комнату с камином.

— Здесь соберутся гости. Присаживайтесь, мы скоро придем с канапе и другими закусками.

Благодарная хотя бы за то, что нахожусь в нужной комнате, я сажусь в кресло, ближайшее к камину, и потягиваю напиток. Он крепкий, поэтому не тороплюсь, помня о своем пустом желудке и о том, что мне хотелось бы произвести хорошее впечатление сегодня.

Не знаю точно, как долго я сижу там одна. Часы не подходили к моему платью, и я не хочу постоянно проверять телефон. В конце концов слышу, как прибывают люди, и первым я замечаю Александра, когда он входит в дверь гостиной с широкой улыбкой.

— Эмелия!

Я встаю, и он наклоняется, чтобы заключить меня в объятия.

— Прости, что заставил тебя ждать. Это был ужасный день в офисе, и потом, я пообещал этим двоим, что заберу их по дороге домой.

Он имеет в виду двух женщин, стоящих у двери.

Не успеваю с ними познакомиться, как из коридора выходит еще одна группа людей — двое мужчин и еще одна женщина.

Александр приветствует их, а я слегка отступаю назад, на периферию, слишком внимательно следя за своим телом, за тем, как стою и достаточно ли улыбаюсь.

Наконец, Александр протягивает мне руку, приглашая подойти.

— Ребята, это моя сестра, Эмелия.

Сестра.

Я не упускаю из виду, с какой любовью он это произносит.

— Эмелия, это все. Колетт, Франческа, Мариэль, Хит, Харрисон. Еще несколько человек присоединятся, но побудь здесь минутку, пока я пойду переоденусь. Обещаю, что недолго.

Он уже выбегает из комнаты, и я остаюсь наедине с любопытными взглядами его друзей.

— Он только что сказал «сестра»? — наконец спрашивает Харрисон.

— Думаю, да, — отвечает Франческа.

Мариэль смеется.

— Хорошо. Последнее, что мне нужно — это конкуренция. Господи, посмотри на ее лицо. Я была бы обречена, если бы они не были родственниками.

Это кажется нереальным, находиться в комнате, где люди обсуждают меня, как будто я не стою прямо здесь и не слушаю их.

— Откуда она взялась? — спрашивает Франческа.

Раздраженная, я, наконец, заговариваю.

— Она приехала из Шотландии.

Хит смеется, затем подходит ко мне с протянутой рукой.

— Рад с тобой познакомиться, Эмелия. Не слушай этих идиотов. Я, например, рад познакомиться с младшей сестрой Александра. Ты не замужем?

Колетт, азиатка с великолепными длинными черными волосами и мерцающими золотыми тенями для век, подходит и хватается Хита за плечо, оттаскивая его от меня.

— Тише, мальчик, ты ее напугаешь.

— Не замужем, — говорю я, пытаюсь доказать, что меня это не пугает. Ладно, только немного.

Хит ухмыляется.

— Хорошо, а теперь позволь мне поторопиться и пойти переставить приборы за столом так, чтобы мы с тобой оказались рядом друг с другом. Я уверен, Александр все продумал заранее и посадил тебя как можно дальше от меня.

Колетт закатывает глаза.

— Не обращай на него внимания. По большей части он безобиден.

Я улыбаюсь, благодарная за то, что она, кажется, готова вести себя хорошо.

Из коридора доносятся новые голоса, и к нам присоединяются еще несколько человек. Знакомство происходит так быстро, что я не успеваю уследить за именами, и единственная информация, предоставленная обо мне — это то, что я сестра Александра и Эммета, что все они находят чрезвычайно интересным.

— С каких это пор у них есть сестра? Я буквально никогда о ней не слышала.

— Верно? Я много раз бывал у них дома на днях рождения и тому подобном, а ее там никогда не было.

Этот комментарий ранит больше, чем любой другой. Ловлю себя на том, что злюсь на Александра за то, что он пригласил меня сюда, а потом бросил одну на произвол судьбы. Если бы я знала, что так будет, то вообще пропустила бы этот вечер.

Начинают появляться официанты с напитками и едой, и Хит на несколько минут загоняет меня в угол, задавая вопросы и придвигаясь все ближе, пока Колетт не оттаскивает его в другой конец зала. Увидев, что мне представилась возможность, выхожу на небольшой балкон. Я замечаю, что раньше кто-то выходил туда покурить, но сейчас, к счастью, пусто.

Холодно, слишком холодно, чтобы оставаться здесь надолго, но я ценю тишину, прислонившись к перилам и делая еще один глоток своего напитка, ненавидя тот факт, что он почти закончился.

— О, простите, я не знала, что здесь кто-то есть, — произносит лощеный женский голос позади меня.

Поворачиваюсь, и мое сердце замирает, когда вижу Миранду, стоящую в дверях, и, очевидно, ожидающую, что я приглашу ее войти или прогоню прочь. Я не думала, что она может оказаться здесь сегодня вечером, хотя, полагаю, в этом есть смысл. Все эти люди, похоже, так или иначе связаны между собой.

— Все в порядке. Я не собиралась задерживаться надолго.

Я делаю движение, чтобы вернуться в дом, но она наклоняет ко мне свой элегантный серебряный портсигар. Качаю головой, отклоняя ее предложение.

Она пожимает плечами и отходит к дальней стороне балкона, освобождая мне место.

— Это к лучшему. Ужасная привычка. Я делаю это только время от времени, и сегодня, кажется, хорошая ночь. Поговори со мной минутку, ладно? Иначе мне будет скучно здесь одной.

Я подумываю о том, чтобы вернуться внутрь и проигнорировать ее просьбу, но вежливость берет верх. Остаюсь на своем месте, прислонившись к перилам. Как нереально находиться на одном балконе с той самой женщиной, от которой вчера у меня свело живот. Изучаю ее, пока она прикуривает тонкую сигарету, затягивается, а затем ловко выпускает дым в ночное небо. На ней темно-зеленое платье, облегающее фигуру. Ее волосы собраны в свободный узел, а бриллиантовые серьги поблескивают в слабом свете, просачивающемся из гостиной.

Я раздумываю о том, Джонатан ли подарил ей эти серьги, когда она говорит.

— Я видела вашу фотографию с Джонатаном в прессе. В красном платье. — Она замолкает. — Ты знала, на что шла в этом платье. — Она повторяет ритуал со своей сигаретой и дважды стряхивает пепел, прежде чем взглянуть на меня. — Я и не знала, что у Эммета и Александра есть сестра.

— В основном я держусь в тени.

— Да, конечно, за исключением тех случаев, когда выходишь в красном платье, я полагаю.

Судя по дерзкой улыбке, которую она бросает в мою сторону, ее комментарий был шутливым, но, несмотря на это, я переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь скрыть свое смущение.

— Значит, ты самая младшая в семье, да? Выглядишь очень молодо. Ты все еще учишься в колледже?

Я качаю головой.

— Работаю в городе.

— Где?

— «Бэнкс и Барклай».

Ее брови взлетают вверх.

— Ну, разве это не интересно? Полагаю, твои братья нашли тебе работу? Подергали за какие-то ниточки с Джонатаном?

— Профессор Барклай даже не подозревал, что я подала заявление, пока я не получила эту должность, — говорю я, защищаясь.

Она выглядит совершенно ошеломленной, может быть, даже удивленной, когда спрашивает.

— Ты называешь его профессором? Почему?

Я подумываю о том, чтобы солгать, но какое это имеет значение?

— Он был моим профессором в Дартмуте. Думаю, прилипло.

Ее глаза расширяются.

— Боже. Ты молода.

Мне начинает казаться, что у этого разговора нет абсолютно никакой цели, кроме как позволить Миранде изучить меня. Вместо того чтобы бежать, я решаю использовать эту возможность в своих интересах.

— Профессор Барклай пригласил тебя сюда сегодня вечером?

— Джонатан... Эммет... Александр... это был один из них. — она стряхивает пепел с сигареты, затем делает еще одну длинную затяжку. — Мы довольно дружная компания. Я знаю их целую вечность.

— Но ты встречаешься с профессором Барклаем, не так ли?

Дьявольская ухмылка появляется на ее красных губах.

— Ты так пристально следишь за всеми своими работодателями?

Я смотрю себе под ноги, ненавидя то, как легко она перехватывает инициативу в разговоре.

— Я бы сказала, что тебе следует спросить у него, но не думаю, что это подходящий вопрос для босса.

Она думает, что это слово отпугнет меня, но это показывает, как мало она понимает ситуацию, в которой оказалась.

— Я была сбита с толку, когда увидела фотографию, где вы вместе, — продолжает она. — В начале этого разговора я предположила, что Джонатан знал тебя через братьев. Теперь, полагаю, есть еще одна возможность. У твоих щек самый красивый оттенок розового. Держу пари, это сводит Джонатана с ума.

— Эмелия. — Мы поворачиваемся и видим Александра, стоящего в дверях и испытывающего облегчение от того, что нашел меня. — Я думал, ты ушла.

— Не стоит беспокоиться, Александр. Я прекрасно за ней присматривала. Не так ли, Эмелия?

Я просто киваю, когда она тушит сигарету и швыряет ее через балкон.

— Оставлю вас наедине, но действительно надеюсь, что мы найдем другую возможность поболтать сегодня вечером, — говорит она, одаривая меня приторной улыбкой, прежде чем пройти мимо Александра.

Его брови хмурятся, когда он переводит взгляд между нами.

— Что это было? — спрашивает Александр.

Я пожимаю плечами.

— Откуда мне знать? Я познакомилась с этой женщиной всего несколько минут назад.

— Верно. Да, Миранда может... На самом деле, почти каждый здесь может быть кем угодно...

— Они твои друзья, — говорю я, пытаюсь донести до него, что он — это компания, которую он составляет.

Он качает головой.

— Верно. Так и есть. Я знаю большинство из них с детства. Все отношения там сложные и запутанные и хотя встретив некоторых из них сегодня, я бы их абсолютно презирал, мы все вместе прошли через многое. Школа-интернат, расставания, разводы, реабилитация... Верность, вот что держит нас вместе. Понимаешь?

Киваю, начиная понимать. Я даже представить себе не могу, к чему приводит привилегированное воспитание Александра и Эммета, в каком сложном мире они жили подростками.

— Может, нам стоит вернуться? — спрашиваю я.

— Нет, давай побудем здесь еще немного. Тут хорошо. Расскажи мне, как прошла твоя неделя?

Он подходит и встает рядом со мной.

— Хорошо. Мы работаем над проектом «Белл-Хейвен», но я поклялась хранить тайну почти обо всем. — Изображаю, как закрываю свои губы ключом.

Он усмехается.

— Да все нормально. Все равно большая часть этих вещей не укладывается у меня в голове. Я тоже не буду утомлять тебя подробностями своей работы.

— Но тебе нравится? Работать с отцом и Эмметом?

Он облокачивается на перила и смотрит вниз, на улицу.

— Нравится ли мне это... Вот это интересный вопрос.

— На самом деле все просто. Да или нет, — поддразниваю я.

— Управление таким глобальным конгломератом, как GHV, непростая задача для нашей семьи. Ты, наверное, знаешь... а может, и нет. Не знаю, насколько внимательно ты следишь за всем, но GHV контролирует почти 50 дочерних компаний, каждая из которых управляет небольшим количеством престижных брендов. Вспомни все ведущие французские и итальянские дома моды, почти все компании по производству элитных вин и спиртных напитков, часов и ювелирных изделий... — он вздыхает, как будто даже говорить об этом утомительно. — В следующем году я займу пост главы дочерних компаний, расположенных под эгидой часов и ювелирных изделий, но Эммет готов взять на себя все.

— Тебе не горько из-за этого?

Он хмыкает.

— Ни в коем случае. Посмотри на него, какой стресс он переносит. Даже сегодня вечером у него была поздняя встреча с сотрудниками в Токио. Его не будет здесь какое-то время, если он вообще появится. — Он качает головой. — Нет. Я хочу другой жизни.

— Я слежу за GHV, — признаю я. — Знакома с компанией.

Он смотрит на меня с добротой во взгляде.

— Полагаю, на твоём месте я поступил бы так же.

Я киваю.

— В другой жизни, возможно, я тоже была бы частью этого бизнеса.

Он улыбается.

— Да, возможно. Но ради твоего же блага, я рад, что это не так. Давай, пойдем присоединимся ко всем. Скоро подадут ужин.

Глава 18

Эмелия

Профессор Барклай будет в гостиной.

Пытаюсь свыкнуться с этой мыслью, пока Александр ведет меня обратно. Если Миранда здесь, то и он тоже, и, конечно же, в тот момент, когда я переступаю порог, нахожу его. Он стоит в группе у камина, Миранда рядом с ним. Он намного выше всех окружающих, ему нелегко остаться незамеченным, да и его одежда не способствует этому. Я люблю его в синем так же, как и в черном. Он в костюме... Что ж, этого достаточно, чтобы разбить мне сердце.

Тот факт, что он не оборачивается и не видит меня, приносит облегчение, по крайней мере, я пытаюсь в это верить.

К счастью, Александр не бросает меня, как только мы возвращаемся в гостиную, хотя его друзья и пытаются оттащить его. Он держит меня рядом, вовлекает в свои разговоры, представляет с гордостью. Реакция у всех одинаковая. Сестра? Я не знал, что у тебя есть сестра!

Во всем этом есть сложная оговорка, которой я не делюсь: тот факт, что на самом деле я не его сестра. Но имеет ли это значение сейчас? После всего?

Мы ходим по комнате, болтая со всеми подряд, пока в конце концов не добираемся до группы, в которой находятся профессор Барклай и Миранда.

Я готовила себя к этому моменту. Этого не избежать.

— Все здесь знакомы с Эмелией? — спрашивает Александр.

Миранда заговаривает первой.

— Да. Она милая девушка. Мы хорошо поболтали на балконе, не так ли?

Я просто киваю.

— И, Джонатан, я понимаю, что Эмелия твоя сотрудница, но будь с ней помягче, — начинает Александр дразнящим тоном. — Ребята, вы сейчас не в офисе. Конечно, ты можешь быть вежливым.

— Ты требуешь от него слишком многого, — говорю я, прежде чем успеваю передумать.

Профессор Барклай выглядит почти удивленным, когда оценивает меня.

— Эмелия, рад тебя видеть.

Я выгибаю бровь, зная, что он имеет в виду прямо противоположное.

— Пойдем, — говорит Александр, дотрагиваясь до моего плеча. — Давайте нальем еще по бокалу, прежде чем шеф-повар позовет нас ужинать.

— Я отведу ее, Александр, — говорит профессор Барклай, выходя вперед и протягивая мне руку.

Я удивлена, вот почему сначала колеблюсь. Затем, чувствуя, что все смотрят на нас, я принимаю его предложение, хотя и не беру его за руку. Знаю, это раздражает его, но он молчит, пока мы не выходим из комнаты и не идем по коридору.

Никакого давления не происходит. Мы сворачиваем за угол и оказываемся совершенно одни.

Он останавливается первым, и тогда я следую его примеру. Мы поворачиваемся лицом друг к другу.

Это то, чего я хочу уже две долгие недели. Это пьянящее чувство нахождения в его присутствии, когда вокруг никого нет, когда все его внимание сосредоточено на мне.

— Вы хотели поиграть в это во время ужина? — спрашиваю я, стараясь казаться невозмутимой. — Должна ли я притвориться, что едва вас знаю?

— Ты и в самом деле едва меня знаешь.

Я обжигаю его своим взглядом. Он может пытаться убедить себя в чем угодно, но это полная чушь, и он это знает.

— Незнакомцы. Если вы меня извините...

Он преграждает мне путь своей крупной фигурой, так что я вынуждена стоять там и запрокидывать голову, чтобы посмотреть на него.

Его голубые глаза блуждают по мне, пожирая меня взглядом.

— Я заметил, что вчера ты рано ушла с работы.

— Вы заметили? — почему в моем голосе звучит восторг от этого? Я продолжаю с гораздо меньшим восхищением. — Вам не нужно беспокоиться о том, что я бездельничаю, я всего лишь ушла на час раньше.

Его взгляд прикован к моим губам, когда он отвечает.

— Обычно ты не уходишь раньше шести.

Ладно, хорошо, на два часа раньше.

— Звучит так, будто вы внимательно следите за мной. Я часто задавалась вопросом, видно ли вам мой стол из кабинета.

Он отводит взгляд, и я стараюсь не улыбаться.

Его упоминание о моем раннем уходе напоминает мне о причине, стоящей за этим.

— Уверена, вы рады, что Миранда в городе. Она прекрасна.

— Красивая, — эхом отзывается он, снова устремляя на меня пристальный взгляд. Он выглядит так, словно вообще не помнит, кто она такая.

Хочу надавить на него, чтобы он рассказал об их отношениях, но у меня не хватает смелости задать вопрос, который разобьет мне сердце.

Вместо этого я предупреждаю.

— Люди занимают свои места к ужину.

— Тогда иди, — говорит он, не двигаясь ни на дюйм.

Делаю маленький шагок к нему. Это почти ничего, но вполне достаточно, чтобы почувствовать близость и неправильность. Если кто-то свернет за угол и обнаружит нас здесь, это не будет выглядеть невинно.

Оглядываю его, не торопясь.

— Мне нравится, когда вы так одеты. Костюм сидит на вас как влитой. Галстук завязан идеально, карманный платок аккуратно сложен. Вы выглядите так правильно...

Зная, что играю с огнем, провожу пальцем по центру его галстука, и мои глаза следуют за ним, но затем я останавливаюсь и позволяю своему взгляду вернуться к нему, когда правда выплескивается наружу.

— Прямо как профессор, о котором я не могу перестать фантазировать.

Мои слова — это керосин.

Он прижимает меня к стене так быстро, что я чуть не хнычу, и его рука тянется вверх, чтобы схватить меня за подбородок в карающем захвате, который, как он знает, мне нравится.

— Эмелия... Не думаю, что ты понимаешь, насколько сильно я взвинчен. Должен ли я продолжать... и продолжать... и продолжать сопротивляться тебе? — похоже, он измучен такой перспективой. Он наклоняет свое лицо к моему, наши губы почти соприкасаются. — Когда же закончатся эти мучения?

— Сделайте так, чтобы закончились, — бросаю я вызов шепотом.

— Должен ли я взять тебя вот так, прямо здесь, в доме твоего брата? Так порочно.

Его свободная рука скользит мне под платье.

— Пожалуйста, — хнычу я.

Неужели он не видит, как сильно я хочу того же, что и он?

Я очарована им.

Его рука скользит по моему бедру, и хватка такая крепкая, что я чувствую, будто отпечаток его ладони останется там и через несколько часов.

Затем из дальнего конца коридора раздается голос.

— Ну и ну, Джонатан, ты же наверняка знаешь, что есть десерт перед ужином — дурной тон. Особенно с учетом того, что мой брат приложил немало усилий, чтобы собрать нас всех здесь сегодня.

Зажмуриваю глаза, понимая, что голос, который я слышу, и тень на периферии принадлежат Эммету Мерсье.

Профессор Барклай быстро перемещает свое тело, закрывая меня от посторонних глаз, чтобы я могла уединиться, пока расправляю одежду и собираюсь с мыслями. Жест заботливый и добрый, но я так покраснелась, что чувствую, будто могу загореться. Как можно дольше я избегаю смотреть на Эммета, надеясь, что, возможно, он исчезнет как дым и наша встреча закончится не так.

Не повезло.

Когда профессор Барклай отступает, я впервые сталкиваюсь лицом к лицу с Эмметом Мерсье. Я думала, что, увидев его на фотографиях, смогла смириться с тем, насколько он похож на своего отца, но он действительно точная копия, такой высокий и грозный, что моей спине хочется склониться в почтении.

Его волосы такие же черные, как и костюм. Глаза почти такого же цвета. Челюсть чисто выбрита, так что я могу видеть постоянные ямочки на щеках и подбородке. Резко очерченное лицо совершенно французское. Он красив, чрезвычайно красив, но я описываю его красоту так, как описала бы любого другого члена семьи. Он мой брат, или, по крайней мере, я так на него смотрю. Он смотрит на меня не как на члена семьи, а как на пустое место. В его взгляде только насмешка.

— О. — Он жестоко улыбается. — Я не понял, кого ты там прижал, Джонатан, но теперь все становится на свои места. — Эммет выпячивает подбородок в знак узнавания. — Милая Эмелия. Дочь шлюхи.

Я вздрагиваю.

— Не буду мешать... продолжайте.

Профессор Барклай двигается так быстро, что я едва успеваю осознать, что происходит, прежде чем он хватается Эммета за яремную вену и прижимает к стене.

— Хватит, — выдавливает он сквозь стиснутые зубы.

Молча смотрю на них, адреналин и страх смешиваются до точки кипения. Чувствую, как слезы щиплют мои глаза, а колени дрожат так, словно вот-вот подкосятся.

Почти так же быстро, как он хватается Эммета, профессор Барклай отпускает его. Эммет выглядит совершенно невозмутимым из-за ссоры. Он поправляет ворот рубашки, затем проводит рукой по пиджаку.

— Что, черт возьми, происходит? — спрашивает Александр у меня за спиной.

Профессор Барклай сжимает и разжимает руку, словно пытаясь успокоиться.

Эммет говорит.

— Я как раз знакомился с нашей младшей сестрой.

Наконец-то я обретаю дар речи.

— Последний раз, когда я проверяла, мы не были родственниками, — чуть не выплевываю я, презирая его все больше и больше с каждой секундой.

Темные глаза Эммета встречаются с моими, и на долю секунды в них отражается замешательство, прежде чем он прячет эмоции за маской ненависти.

Значит, они действительно не знают правды. Фредерик никогда не говорил им.

— Что ты имеешь в виду, Эмелия? — спрашивает Александр, обходя меня, чтобы подойти к брату.

Мне не нравится это ощущение, внезапно они ополчаются против меня. Я даже не замечаю присутствия профессора Барклая рядом со мной.

— Эмелия, — подталкивает Александр.

— Я тебе не сестра, — говорю я, ослепленная яростью и не заботясь о последствиях, к которым приведет мое признание. — Фредерик не мой биологический отец.

Александр выглядит уязвленным, когда спрашивает.

— О чем ты говоришь?

— У моей матери был роман, когда она была замужем за Фредериком. Я думала, вы это знаете.

Несколько секунд никто не произносит ни слова, а затем Эммет пожимает плечами, как будто это мало что для него значит.

— Я уже знал, что у Кэтлин была склонность к подобному поведению.

— Пошел ты, — шиплю я.

Профессор Барклай делает шаг в мою сторону, защищая меня. Глаза Александра расширяются, и он протягивает руки, как будто пытаюсь заставить меня успокоиться.

— Думаю, нам всем нужно остыть.

— Так ли это? Или мы должны выпроводить незваного гостя из твоей квартиры? — спрашивает Эммет Александра, прежде чем снова повернуться ко мне. — И вообще, как ты получила приглашение? Конечно же, ты не пробралась тайком в сердце моего брата. У него всегда была слабость к нуждающимся. Он слеп к тому, какими хитрыми могут быть люди, но я-то нет. Чего бы ты ни хотела от нас, у тебя ничего не получится. Уходи.

Хотя я никогда не считала себя жестоким человеком, мне хотелось бы ударить его, поцарапать, оставить следы любым способом. Хотела бы я причинить ему такую же глубокую боль, какую он причиняет мне прямо сейчас. Эти раны затянутся, но он, кажется, даже не осознает, как жестоко поступает.

Меня никогда раньше ниоткуда не выгоняли, и я не буду ждать, пока он повторит. У меня с собой сумочка, больше мне ничего не нужно.

Я не удосуживаюсь взглянуть ни на Александра, ни на профессора Барклая, прежде чем повернуться на пятках и выскочить из квартиры. Поездка на лифте мучительно долгая. Слезы сдерживаются по какой-то божественной милости, но в тот момент, когда я выхожу на улицу и замечаю, что профессор Барклай стоит прямо рядом со мной на обочине, у меня вырывается тихое рыдание.

Я поворачиваюсь к нему и прижимаюсь своим маленьким телом к его. Он заключает меня в свои объятия, и я плачу так, как никогда не плакала, всхлипываю тяжелыми приступами, из-за которых судорожно хватаю ртом воздух, хватка профессора Барклая на мне — единственная связь с миром.

Он успокаивает меня, но не говорит остановиться и не отталкивает.

Я плачу до тех пор, пока мои рыдания не прерываются, пока не чувствую себя разбитой.

— Эмелия. — Он говорит это так, словно ему тоже больно. — Пожалуйста, не плачь.

В любой другой момент я бы последовала его приказу, но бессильна остановить поток слез.

Однако в конце концов они замедляются, превращаясь в тихую икоту и шмыганье носом. Я провожу пальцем под глазами.

То, что я только что сделала, не очень красиво и не привлекательно. Я уже беспокоюсь о том, как он это воспримет, насколько это должно быть неловко для него. Не сомневаюсь, что в будущем он будет держать меня на расстоянии вытянутой руки еще больше.

Но сейчас он говорит.

— Давай я отвезу тебя домой, — и ведет меня к своей машине.

Глава 19

Джонатан

Подозреваю, что Эмелия заснула, настолько она тихая.

Ее хрупкая фигурка сгорбилась на пассажирском сиденье. Лицо повернуто к окну. Но когда я оглядываюсь, то вижу, как ее глаза отражаются в мигающих уличных фонарях, искусственный водоворот красных и зеленых оттенков танцует на ее печальном лице.

Ее руки обхватывают живот, и я думаю протянуть руку, чтобы как-то утешить ее, а потом упрекаю себя за это. Для одного вечера я уже достаточно натворил.

— Знаю, ты считаешь Эммета своим другом, — тихо говорит она через некоторое время. — Но после сегодняшнего вечера я больше никогда в жизни не захочу его видеть.

Несмотря на то что моя рука только что обхватила горло моего друга, я все еще чувствую необходимость защитить его, как-то исправить эту ситуацию.

— Он — твоя семья.

— Нет, это не так. Ты что, не слушал? Мы вообще не родственники.

Молчу, пытаюсь переварить все, чем она поделилась сегодня. Она не Мерсье? Имеет ли это значение? Полагаю, что для нее, для Эммета и Александра, по крайней мере, имеет.

На самом деле ее откровение объясняет довольно многое: почему Эммет и Александр никогда не говорили о ней, почему она не училась в Сент-Джонсе, как ее братья, почему она оказалась в нынешних обстоятельствах, по уши в долгах и живет в дерьмовой квартире. Если бы она была настоящей дочерью Фредерика Мерсье, то стала бы избалованной принцессой, совершенно другим человеком.

— Вы знаете, почему он так сказал? — слабо спрашивает она. Когда я не улавливаю ход ее мыслей, она продолжает. — Комментарий о том, что я дочь шлюхи? В этом нет смысла, учитывая, что Эммет не знал о романе моей матери до сегодняшнего вечера... до тех пор, пока он это не сказал.

Вздыхаю, прекрасно понимая, что не мое дело разглашать то, чем поделился со мной Эммет, но я в долгу перед Эмелией, особенно после того, что она только что пережила.

— У него сложилось впечатление, что ваша мать сыграла определенную роль в разрушении брака его родителей.

Она переводит взгляд на меня, садясь прямее.

— Нет. Этого не было. Моя мать познакомилась с Фредериком, когда училась в университете, после того как он развелся. — Она яростно качает головой. — Моя мать сказала бы что-нибудь, если бы...

— Сказала бы?

Она замолкает, пораженная моим вопросом, а затем снова качает головой, теперь медленнее, и свежая слеза скатывается по ее щеке.

— Ладно, не бери в голову. Теперь это не имеет значения, не так ли? Она мертва. Я не могу спросить ее и узнать правду. Могу только предполагать, что она была лучше, и, хотя она изменила Фредерику и забеременела мной, я не верю, что она дважды сыграла роль любовницы. Не верю, что это было в ней.

Она права, что это не имеет значения.

Ей лучше не знать правды.

— Значит, Фредерик тебе не отец.

— Нет. — Ее тон почти резкий. — Он выдал меня за своего ребенка, чтобы сохранить лицо и замять скандал, связанный с романом. Я никогда с ним не встречалась.

— А твой настоящий отец? Кто он? Где он?

— О, кто знает. Живет где-нибудь во Франции? Я даже не знаю его фамилии.

Похоже, она ни капельки не беспокоится о нем.

— У тебя нет никакого желания найти его?

— Нет.

Это слово — гвоздь в крышку гроба.

Вздыхаю, понимая теперь, что Эмелия более одинока, чем я думал, и плывет по течению в этом городе. А Эммет только что насыпал соль на рану.

— То, что произошло, неприемлемо. То, что сказал Эммет...

— Я знаю, что моя мать была доброй и любящей. Он не имеет права говорить о ней. Его слова ничего не значат.

— Мне жаль.

Мои извинения ее не успокаивают. Она садится и качает головой.

— Послушайте, я почти дома, просто остановитесь здесь, а остаток пути я пройду пешком. Вы, наверное, даже не собирались уходить оттуда. Вы вышли на улицу подышать свежим воздухом, а я совсем... потеряла голову. — Она тянется за своей сумочкой. — Вот здесь подойдет.

— Эмелия, я отвезу тебя домой.

— Вам нужно вернуться к ужину.

— Мне наплевать на ужин. — Мой голос звучит слишком резко.

— А как же Миранда? Вы сказали ей, где вы? С кем вы? — ее тон язвительный.

— Не знаю, почему это должно иметь значение.

Она уже как-то поднимала тему Миранды раньше, но я был отвлечен. Теперь кажется очевидным, что она делает.

Смотрю ей прямо в глаза, опровергая подозрения.

— Я с ней не встречаюсь.

— Встречаешься.

Мои руки крепче сжимают руль.

— Это то, о чем ты хочешь поговорить прямо сейчас? После всего? Ты беспокоишься о Миранде? — я тут же жалею, что говорю так нетерпеливо.

— Я видела ваши совместные фотографии в интернете. Знаю, что вы встречались с ней, по крайней мере, публично, а вчера она пришла навестить вас на работе. Она исчезла в вашем кабинете, и я представила себе худшее: вы воссоединяетесь после нескольких недель разлуки. Вы спали с ней?

— Господи, Эмелия.

Она быстро тянется к дверной ручке, и я хватаю ее, чтобы удержать от глупого и безрассудного поступка. Черт, она сводит меня с ума.

— Да, Миранда приходила повидаться. Она удивила меня. Я даже не знал, что она в городе, и уж точно не приглашал ее в Бостон. Должно быть, Эммет или Александр, или, кто знает, может быть, она здесь по работе. Она попросила меня привезти ее сегодня вечером, и я привез. Вот и все. Мы не целовались и не делали ничего другого уже несколько месяцев. Мы не вместе.

Эмелия затихает, откидывая голову на спинку сиденья и позволяя своим рукам обмякнуть в моих. Я отпускаю ее, и она возвращается в прежнюю позу, обхватывая руками живот, как незащищенное животное.

— Мне жаль. — Ее голос снова становится слабым. — Это была долгая неделя. Я... я чувствую, что не похожа сама на себя.

Значит, нас таких двое.

Я подъезжаю к ее дому и глушу двигатель.

Она отстегивает ремень безопасности и смотрит на меня большими карими глазами, обрамленными темными густыми ресницами, мокрыми от слез.

— Скажите мне снова держаться от вас на расстоянии, как вы делали раньше. Сделайте так, чтобы все это исчезло.

Хочу, чтобы эти слова пришли. Всего несколько недель назад их было так легко произнести.

Я приоткрываю губы, готовясь удержать этот поезд на рельсах, но вместо этого произношу два слова прямо от сердца.

— Не могу.

Эмелия не выглядит обрадованной моим признанием. Она выглядит так, словно снова на грани слез, смертельно уставшая и нуждающаяся в отдыхе. Она опускает глаза и качает головой.

— Спасибо, что подвезли.

Не могу придумать, что еще сказать. И не хочу отпускать ее, но также не думаю, что с моей стороны разумно следовать за ней. Так много всего происходит за последние несколько часов. Если бы я был на ее месте, то хотел бы побыть один, чтобы успокоиться и все обдумать. Кроме того, не думаю, что смогу помочь ей прямо сейчас, по крайней мере, не так, как ей нужно. В конце концов, я — часть проблемы.

Позволяю ей выйти из машины и смотрю, как она заходит в дом. Я сижу на обочине, наклонившись вперед над рулем, чтобы посмотреть через лобовое стекло и проверить,

когда в ее квартире загорится свет. Наблюдаю, как ее одинокая фигура движется за тонкими занавесками, и вместо того, чтобы переключиться передачу и направиться домой, остаюсь там до тех пор, пока не перестану видеть ее движение, пока в ее квартире не становится темно, и я не убеждаю себя в том, что она в безопасности и спит.

На следующий день Эммет принимает мое приглашение пообедать, но я не удивлен. Там, в Сент-Джонсе, мы постоянно сталкивались лбами. Помню, как он однажды поставил мне синяк под глазом, когда мы подрались. В другой раз я сломал ему нос во время футбольной тренировки, и кровотечение, казалось, никогда не остановится.

Когда прихожу, он уже сидит за столиком в ресторане, разговаривая по телефону. И поднимает взгляд только тогда, когда я сажусь на стул напротив него, а затем подзывает официанта, чтобы мы могли сделать заказ.

— У меня мало времени. Может быть, полчаса.

— Расслабься. — Я сажусь. — Ты не настолько, бл*дь, важен.

Уголок его рта приподнимается, потому что, конечно, на самом деле он настолько важен, я просто отказываюсь говорить ему об этом. Эммет всегда будет тем парнем, которого я встретил в Сент-Джонсе, иногда «мудаком, которого я терпеть не могу», но который прикрывал мне спину в трудную минуту.

Официант ставит перед нами воду.

— Чего ты хочешь? Стейк? — спрашивает Эммет, делая заказ для нас обоих, а затем протягивая свое меню, давая понять, что он действительно спешит.

— Мы возьмем два пива, — добавляю я. — Любое, что есть в наличии.

Официант уходит, а Эммет окидывает меня суровым взглядом.

— Ты собираешься извиниться за вчерашний вечер?

— Нет. А ты?

Его короткий смешок дает понять, что он не держит зла.

— Ты был неправ и должен извиниться перед Эмелией.

Он откидывается на спинку стула и смотрит мимо меня, в окно ресторана.

— Ты вмешиваешься в то, что тебя не касается. Это моя семья. Ты видел, чтобы я лез в твои отношения с сестрой?

— Ты перегнул палку.

Его пристальный взгляд возвращается ко мне.

— Ты ничего не знаешь об этой ситуации.

Нам приносят пиво, и мы позволяем официанту поставить бокалы на стол, ожидая, пока он отойдет за пределы слышимости, прежде чем продолжить.

— Значит, вы с Эмелией дружите? — спрашивает он. — Я догадался об этом по телефонному разговору, но та смертельная хватка, которой ты вцепился в меня прошлой ночью, действительно доказывает это. Ты трахаешь ее?

— Следи за языком.

Он, кажется, ничуть не встревожен моей угрозой, потягивая пиво так, словно мы обсуждаем погоду.

Он хмыкает, как будто заинтригован.

— Я не припоминаю, чтобы ты когда-нибудь был таким вспыльчивым из-за Миранды. Ты же знаешь, она была расстроена, когда ты ушел вчера, не попрощавшись.

— Она оправится.

Он ухмыляется.

— Ты собираешься извиниться перед Эмелией? — нажимаю я.

Он обдумывает это, пожимая плечами.

— Я еще не решил.

— Ты должен понимать, что гнев, который ты питаешь, неуместен. Эмелия ничего тебе не сделала. И более того, у нее сложилось впечатление, что ее мать должным образом познакомилась с Фредериком. Насколько ей известно, никакого романа не было, по крайней мере, в том, что касается твоих родителей.

Он на мгновение задумывается над этим. Замечаю, что его телефон на углу стола загорается от звонков, но он стоит на беззвучном режиме, и он не обращает на них внимания. С Эмметом, наследным принцем GHV, всегда так. Он несет весь мир на своих плечах. Ему нравится думать, что он справляется со всем этим достаточно хорошо, но я вижу напряжение в выражении его лица, тревогу, скрывающуюся под поверхностью. Вот почему он стал вдвое большим засранцем, чем был раньше. Трудно вспомнить, какими мы были тогда, в Сент-Джонсе, двумя идиотами, гонявшимися за девушками и сосредоточившими все свое внимание на футбольном поле.

— Ты знаешь, она оказалась совсем не такой, какой я ее себе представлял. Судя по внешности, она реинкарнация Кэтлин. А вот характер... — он усмехается. — Мы с ней могли бы быть родственниками.

Я качаю головой.

— Какой бы укус она ни продемонстрировала вчера, это не норма. Обычно она тихая. Хорошая.

Он приподнимает бровь.

— Значит, ты виноват в ее поведении? Загнал ее в угол на званом обеде? Если бы у меня было сердце, я бы почувствовал себя обязанным предостеречь ее от тебя. К счастью для тебя, мне наплевать.

Я не чувствую необходимости отвечать, что только разжигает его любопытство.

— Она твоя сотрудница, верно? Очень запретно...

— Ничего не было.

Не считая инцидента в Дартмуте.

Он смеется, слишком наслаждаясь происходящим. Затем поднимает свое пиво, словно приветствуя мою кончину.

— Будет.

Глава 20

Эмелия

После того как в субботу вечером профессор Барклай подвозит меня домой, я много плачу. Почему-то слезы не перестают течь, бесконечный поток, рожденный из реки горя, которая, как я думала, давно пересохла.

Такая запутанная какофония чувств, что невозможно разобрать происходящее на отдельные, отчетливые проблемы. Мой гнев по отношению к Эммету выливается в то, что я снова оплакиваю потерю своей матери. Извращенное беспокойство по поводу его слов только запутывает и расстраивает меня еще больше. И конечно же, печаль по поводу прекращения моих зарождающихся отношений с Александром. Представляю, как его ранила моя перепалка с Эмметом, свидетелем которой он стал, и, хотя не я начала драку, я определенно вела себя не лучшим образом. Правду нужно было сказать, но ее можно было бы раскрыть и более деликатно. Полагаю, что они больше не хотят иметь со мной ничего общего, и что касается Эммета, то меня это устраивает, но не с Александром. Мне очень хотелось найти в нем друга.

Воскресенье — один из самых одиноких дней в моей жизни. Я заставляю себя встать с кровати. Одеваюсь, умываюсь и выхожу в город. Гуляю и пью кофе, а когда возвращаюсь в квартиру, то совершаю ритуал приготовления вкусного позднего обеда. Съедаю половину того, что на тарелке, но больше не могу проглотить.

И тогда я думаю о профессоре Барклае.

Он постоянно в моих мыслях, несмотря ни на что. Мне следовало бы чувствовать себя неловко из-за вчерашнего вечера, но я не чувствую. Какие бы странности ни происходили между нами, они затмеваются воспоминаниями о его прикосновениях в коридоре, о его

тоскующем взгляде, когда мы сидели вместе в его машине, и я умоляла его прекратить мои страдания.

«Я не могу», — сказал он.

Вот она.

Правда.

Какая бы сложная ситуация ни возникла между нами, по крайней мере, есть это.

В воскресенье вечером в дверь моей квартиры стучат. Я сажусь в постели и откладываю книгу, охваченная любопытством.

— Доставка, — раздается голос из коридора.

Чувствую облегчение. На секунду я подумала, что профессор Барклай пришел навестить меня, что, учитывая мое нынешнее состояние — удобная пижама, лицо без макияжа, взъерошенные волосы, — далеко не идеально.

Спешу открыть дверь, а с другой стороны стоит молодая женщина, нагруженная вещами. В одной руке у нее цветочная композиция, в другой — пакет с едой навынос из модного итальянского ресторана. У ее ног пакеты с продуктами настолько полные, что грозят рассыпаться.

Сначала она протягивает мне цветы. Ваза наполнена кремовыми георгинами, желто-оранжевыми хризантемами, розовыми садовыми розами, ягодами и пионами.

— О, спасибо! — торопливо ставлю композицию на обеденный стол, прежде чем вернуться за всем остальным. — Мне нужно расписаться или что-то еще?

Она качает головой.

— Нет. Все хорошо.

— Позвольте, я дам вам чаевые.

— Об этом уже позаботились, — уверяет она меня.

Верно.

— Вы знаете, от кого все это?

Она опускает взгляд на свой телефон, прокручивая приложение.

— Джонатан Барклай. Знаете такого?

Киваю и снова благодарю ее.

Я рада, что спросила, потому что нет ни открытки в цветах, ни записки. Здесь ужин на четверых и продукты, которых мне хватит больше, чем на неделю. Не уверена, что он сам все выбрал, но мне нравится все, что прислал Джонатан. Все свежеприготовленное. Есть багет и батон с семечками, а также домашний джем и сливочное масло. А также блюда, приготовленные шеф-поваром, которые я могу взять с собой на работу, и несколько лакомств: шоколадные батончики и мороженое, а еще печенье, от которого в моей квартире пахнет пекарней. Сначала я съедаю одно из них, прежде чем приступить к итальянской кухне. Мой голод возвращается с удвоенной силой.

Ем и смотрю на цветы, медленно поворачивая вазу по кругу. Это самая красивая вещь в квартире, и я уже готова поклясться очень хорошо о них заботиться, чтобы они простояли как можно дольше.

В понедельник и вторник Джонатана нет на работе.

Я знаю, потому что постоянно проверяю.

В его кабинете по-прежнему темно, и с каждой минутой я волнуюсь все больше.

Наконец, во вторник днем, я подслушиваю болтовню в комнате отдыха. Профессор Барклай и мистер Бэнкс последние два дня находятся в поместье Белл-Хейвен, осматривая имущество, а также встречаясь с представителями общества охраны природы.

Понятия не имею, вернется ли он в офис в среду, но не могу больше ждать, поэтому решаю найти другой способ увидеться с ним.

На самом деле это глупо и непродуманно. Хуже того, это граничит с преследованием. Вдобавок ко всему, мне придется взять больничный на работе, но, думаю, оно того стоит.

За годы, прошедшие с окончания Дартмута, профессор Барклай получил должность преподавателя в Массачусетском технологическом институте. Поскольку у меня, по

общему признанию, нет личной жизни, и я, возможно, слегка одержима, то знаю, что он читает курс по утрам в среду, а это значит, он будет в кампусе, и я не могу устоять перед искушением снова увидеть его в этой роли.

Как и в Дартмуте, его занятия проходят в огромном лекционном зале, заполненном нетерпеливыми старшекурсниками и, вероятно, несколькими людьми вроде меня, которые пробираются тайком, чтобы понаблюдать за занятиями. Я достаточно легко сливаюсь с толпой. Не так давно я сама была студенткой, и, когда двери в аудиторию открываются, проскальзываю в толпу и занимаю место в заднем ряду, уютно устроившись в углу.

За несколько минут до начала занятия входит профессор Барклай и раскладывает свои вещи на маленьком столике перед входом. На сцене нет подиума, только большой экран, на который он будет проецировать свою лекцию. Он одет чуть более небрежно, чем обычно в офисе. Никакого пиджака, только светло-голубая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, и темно-синие брюки. Серебристый циферблат его часов Patek Philippe на мгновение освещается, и меня охватывает волнение.

Знаю, о чем думают девочки в классе. Без сомнения, их мысли такие же грязные, как и мои. Я завидую, зная, что они могут сидеть здесь каждую неделю и смотреть на него так, как я смотрела в Дартмуте. Ну... те несколько недель, пока он меня не выгнал.

Улыбаюсь, глядя на свой блокнот, который взяла, чтобы не выделяться из толпы.

Его лекция посвящена инженерному проектированию древних сооружений — предмету, который я подробно изучала в аспирантуре. Мне кажется, что, если бы мне устроили импровизированную викторину, я бы справилась с материалом на отлично, но это неважно. Я здесь не для того, чтобы вести занятие, а просто чтобы понаблюдать. Я и забыла, насколько он хорош в этом, как держит аудиторию в плену, стоя на сцене и работая со слайдами.

Мне грустно, когда час истекает. Знаю, что не смогу прийти снова, если хочу сохранить свою должность в «Бэнкс и Барклай», поэтому, чтобы максимально использовать сегодняшний день, не спешу покинуть зал, а задерживаюсь. Класс начинает расходиться, но, как всегда, несколько студентов остаются, чтобы поговорить с профессором Барклаем. Представляю, о чем они с ним разговаривают, просят ли они его стать их научным руководителем или расспрашивают о встречах один на один, советах по карьере, о чем угодно, лишь бы привлечь его внимание. Симпатичная девушка в красном платье улыбается ему так, словно он — второе пришествие Христа, но вместо ревности испытываю только жалость. Я — это она.

Студенты стоят рядом, пока он собирает вещи. Вежливо отвечая на их вопросы, берет свой кожаный кейс и начинает пробираться по ближайшему ко мне проходу, и внезапно я чувствую себя легкой добычей.

Я предполагала, что он выйдет через боковую дверь так же, как и вошел.

Если сейчас встану и уйду, он увидит меня, поэтому пригибаюсь и смотрю в телефон, ожидая, когда он пройдет мимо, пока не понимаю, что он останавливается в конце моего ряда, загораживая мне выход.

Глава 21

Джонатан

Помимо отправки посылки в воскресенье вечером, последние несколько дней я держусь на расстоянии от Эмелии, давая ей время оправиться от событий уик-энда. Я не ожидал, что она придет ко мне.

Я привел ее в свой кабинет в кампусе, но не пригласил присесть. Дело не в том, чтобы чувствовать себя комфортно. Хотя я не совсем понимаю, зачем она пришла сюда, но точно знаю, что если бы она хотела просто поговорить, то могла найти меня в «Бэнкс и Барклай». Это больше похоже на игру, и поэтому я оцениваю своего соперника.

Ее наряд стильный, но чопорный. Короткое платье на пуговицах и балетки — воплощение нежности и юности. Макияж подчеркивает выступающие скулы и круглые глаза, глаза лани, и, конечно, губы накрашены, как всегда. Сегодня это красный цвет грешницы, но, кроме губ, ничто в одежде не намекает на ее планы. И все же я знаю, что она что-то замышляет. Она пришла сюда с намерением, и теперь стоит здесь, как будто убеждает себя в необходимости чего-то добиться.

Она делает шаг вперед и медленно обходит мой стол, проводя пальцем по краю, изучая пресс-папье, которое мне подарил Американский институт архитекторов — награда за достижения, прежде чем поднять его так, чтобы солнечный свет пробивался сквозь него, отбрасывая радугу на мое тело. Она смотрит на меня сверху пьянящим взглядом.

— Эмелия.

Это предупреждение.

— Профессор, — отвечает она почти насмешливо.

Ах, так вот в чем суть игры...

Протягиваю руку и обхватываю ее запястье, пока она не роняет пресс-папье обратно на стол. Оно не разбивается при ударе, хотя по ее широко расширенным глазам вижу, что она беспокоится.

Отпускаю ее и киваю в сторону двери своего кабинета.

— Иди запри ее.

Нет ни малейшего колебания, прежде чем сделать то, что ей говорят. Она показывает мне, какой послушной может быть, идеальной ученицей.

Замок закрывается, и Эмелия поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Она ждет команды. Я знаю, что она хочет получить возможность доставить мне удовольствие. Вот почему мы с ней так хорошо работаем вместе.

— Ты выглядишь точно так же, как в тот день, в Дартмуте, когда предложил мне бросить твои занятия. Красивый. Могущественный. — Она склоняет голову набок. — Возможно, немного жестокий.

Мог бы сказать ей, что я всего лишь мужчина из плоти и костей, но зачем портить удовольствие? Она убедила себя, что я — монстр, и я мог бы вести себя как монстр.

— Знаю, ты здесь не для того, чтобы разговаривать, — говорю я ей таким тоном, как будто меня не впечатляет то, что она делает. — Ты нервничаешь? Поэтому ворошишь прошлое и пытаешься потянуть время?

Она хмурится. Может быть, я зашел слишком далеко, но не хочу отступать.

Она берет в рот свою нижнюю губу, а затем, осознав, что натворила, быстро отпускает ее.

На столе звонит телефон, и на какую-то мимолетную секунду я подумываю переключить его на голосовую почту, но это такая удобная возможность заставить ее поежиться. Мои действия говорят ей о том, что время дорого.

— Профессор Барклай, — отвечаю я.

Это мой ассистент.

— Я не смогла дозвониться до вас по мобильному, — говорит Кэндис.

Во время лекции я держу свой телефон в режиме «Не беспокоить» и с тех пор совсем забыл об этом. Думаю, это впервые.

— Просто хочу убедиться, что вы в курсе, что ваша встреча с CBN Construction в три часа дня перенесена на четыре. У Дона инспекция в городе, изменения в последнюю минуту. Если это проблема, я могу...

— Все в порядке.

Мой строгий голос пугает и Кэндис, и Эмелию.

Словно выйдя из транса, Эмелия отталкивается от двери и направляется ко мне.

Кэндис запинается на следующем предложении. Мне не следовало быть таким резким, но Эмелия крепко держит меня в напряжении.

— И поскольку вы встречаетесь с Доном в четыре, я подумала, что мне также следует перенести вашу встречу в 5:30 на...

В этот момент я перестаю слушать Кэндис. Эмелия снова огибает угол моего стола. Пока моя ассистентка бубнит о том, как она перенесла мою встречу за ужином на шесть, Эмелия берется за подлокотники моего кресла и поворачивает меня так, что я оказываюсь лицом к лицу с ней, перпендикулярно столу. Затем, не сводя с меня пристального взгляда, она кладет руки мне на колени, разводит их и очень медленно и очень обдуманно начинает наклоняться, становясь передо мной на колени.

Держу Кэндис на связи и соглашаюсь со всем, что она говорит, прекрасно понимая, что могу просто проверить свое расписание позже, чтобы увидеть все обновления. Смысл в том, чтобы она присутствовала в качестве свидетеля. Это то, чего мы оба хотим. Все это часть игры. Когда я спрашиваю Кэндис, может ли она связаться с Каллумом, чтобы узнать, получили ли мы ответ от городских властей по поводу заявки на получение разрешения для нашего проекта в Бостонской гавани, я уже знаю ответ.

И все это время Эмелия ладонями скользит по моим бедрам. Она играет роль соблазнительницы, но у нее дрожат руки. Ее губы слегка приоткрыты. А карие глаза полны тысячи противоречивых мыслей.

Кладу телефон на стол, а Кэндис продолжает говорить, совершенно, бл*дь, ничего не замечая.

— Должен ли я быть хорошим и поднять тебя на ноги? — спрашиваю я Эмелию, не забываясь о том, слышит ли Кэндис. — Прогнать тебя?

Глаза Эмелии сверкают.

Как я и подозревал. Динамика власти в игре — хотя и неправильная, так же привлекательна для нее, как и для меня. Наша разница в возрасте, ее роль в моей фирме, наша история... вот почему она здесь.

— Должен ли я заставить тебя?

Она дрожит, и, не в силах сопротивляться больше ни секунды, я протягиваю руку и провожу пальцем по ее полной нижней губе, не в силах остановиться, прежде чем засунуть большой палец ей в рот, чтобы заставить ее пососать. Вишнево-красные губы смыкаются вокруг моего пальца, и ее язык облизывает внутреннюю сторону моего большого пальца, как будто она жаждет большего.

Она не отвечает на мой вопрос, что неудивительно. Я хочу, чтобы она была честна, но понимаю, что мы еще не достигли этого.

— Мистер Барклай? — спрашивает Кэндис, словно звучащая за тысячу миль отсюда. — Вы здесь? Я вас не слышу.

Взгляд Эмелии устремляется на телефон, обеспокоенное выражение омрачает ее черты.

Это наказание, когда я вынимаю большой палец у нее изо рта, напоминание о том, что она должна быть сосредоточена только на мне.

— Мы играем с огнем? — шепчет Эмелия.

Конечно, но это не тот вопрос, который она хочет задать. Она размышляет, стоит ли нам остановиться, и эта мысль улетучивается, когда ее пальцы скользят по верхней части моей молнии. Я чуть не зашипел, когда почувствовал тяжесть ее руки, прижимающейся ко мне. Все мои силы уходят на то, чтобы сидеть спокойно и быть терпеливым. Если бы я был уверен, что она не струсит, то взял бы верх и нанес удар, как гадюка. Я бы рывком притянул ее к себе за шею, окрасив щеки в розовый цвет от шока, схватил бы за подбородок, пока ее полные губы не приоткрылись бы для меня.

Шум.

Она скулит, как испуганный зверек, но глубоко внутри, в той темной потаенной части своей души, она оживает.

Ее рука все еще на моей молнии.

Провожу костяшками пальцев по ее подбородку.

— Ты боишься, малышка?

Ее пристальный взгляд поднимается, чтобы встретиться с моим, и в нем читается одобрение, потребность практически сочтена из нее.

— Так ты хочешь, чтобы я тебя приласкал?

Глажу ее по щеке, и она наслаждается этим прикосновением, прижимаясь к руке.

Я принимаю ее идеальное подношение, лежащее у моих ног. Она стоит на коленях, сжимая ноги вместе, вероятно, чтобы облегчить боль, которую чувствует между бедер. Бедная Эмелия. На платье есть ряд пуговиц, идущих по центру, от ключиц до пупка. Она выглядит скромно, пока я не расстегиваю три верхние пуговицы и не раздвигаю шелковую ткань. V-образный вырез обтягивает грудь, на волосок от того, чтобы обнажить все. Бледное кружево не имеет лишней подкладки и почти не поддерживает, но Эмелии не нужно ни то ни другое. Я завороченно смотрю, как она начинает расстегивать молнию на моих брюках. Звук прорезает воздух, как вой товарного поезда. Моя концентрация рассеивается, и взгляд перемещается туда, где она маленькими ручками пытается меня освободить. Именно в этот момент я полностью убираю свои руки. Это должно быть сделано по ее собственной воле. К черту мотивы, игру во власть, изменчивое согласие. Я не буду заставлять ее выходить из этой комнаты или подниматься с колен, но дам ей одну маленькую вещь: право выбора, продолжать или отступить в любое время.

Внешне я убеждаю себя, что таковы мои истинные мотивы, но какой-то больной извращенной части меня нравится откидываться в кресле, выглядя совершенно невозмутимым, когда Эмелия руками крепко обхватывает мой член. Это ее бесит, я знаю, это святотатственное отношение. Я провожу пальцем взад-вперед по губам, но в остальном сижу совершенно неподвижно. Даже скучаю. Она сомневается в себе и обдумывает каждое решение, но все равно продолжает.

Она опускает руки к основанию моего члена, затем поднимает обратно к головке. Дрожь восторга пробегает по спине. Ее хватка крепкая, теплая и манящая — просто фантастика, и все же это лишь тень того, что я почувствую, когда наконец окажусь внутри нее. Больше, жестче, крепче, хочу сказать ей. Она обращается со мной так, словно я хрупкий, как будто боится, что причинит мне боль. Я чуть не смеюсь от этой мысли, но это чувство веселья недолговечно, когда Эмелия наклоняется вперед, прижимается губами к самому кончику моего члена, а затем начинает засасывать его в рот.

Не могу удержаться от стога.

Она представляет собой такое сочетание: невинность, обернутая в сексуальную привлекательность. Ее полные красные губы выглядят так, словно созданы для совершения плохих поступков, но она использует их так, будто девственница, словно она никогда не держала так мужчину, не брала его в свой нежный рот исключительно ради удовольствия.

Ревность пронзает меня при мысли о том, что она стоит на коленях перед кем-то другим. Никогда больше.

Мягко и медленно, ее темп сводит с ума.

Знаю, что Кэндис давно повесила трубку. Я проверил, но не сказал Эмелии. Ей не нужно знать, она просто должна доверять мне.

Она берет меня глубже и тихо стонет. Я замираю, заставляя ее наклониться еще сильнее, взять еще глубже. Она руками сжимает верхнюю часть моих бедер, сминая ткань брюк, когда я вхожу в ее горло. Чувствую, как она вздрагивает, пытаюсь отдышаться, а затем быстро отстраняется, глотает воздух, замирая лишь на мгновение, прежде чем ее губы снова обхватывают меня. Ее голова покачивается вверх-вниз, и я словно стал у нее во рту. Кажется, что могу воспламениться оттого, что сдерживаю свой оргазм, но я парю, парю, парю на краю так долго, как только возможно. Я хочу продлить это. Я хочу изменить курс, обхватить ее волосы, крепко прижать к себе и наполнить ее рот. Я хочу взять все в свои руки, вернуть контроль, задать темп и сделать так, чтобы она могла брать только то, что я ей даю.

Вместо этого я благоговейно провожу пальцами по ее волосам.

— Такая хорошая девочка, — говорю я ей, и ее глаза закрываются, когда пальцы больно впиваются в мои бедра. Если бы она была на моем месте, то кончила бы в тот же миг.

Я так многому учусь, просто сидя здесь и наблюдая, запоминая все, что связано с ней.

Я жадный ублюдок, принимающий так много ее преданности. Ее щеки порозовели. У нее слезятся глаза. Ее губы припухли, а помада размазалась в таком непристойном проявлении желания.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы потянуть ее за волосы и мягко отстранить от себя.

Ее шокированный взгляд быстро сменяется растерянностью. Она знает, что я близок. Поскольку начал двигать бедрами и приподниматься в такт с ее ртом, но мы идем сложным путем, и я хочу все сделать правильно.

Когда кончу в первый раз, то не в ее рот. Я хочу от нее большего. Я хочу ее всю, обнаженная плоть к обнаженной плоти. Я хочу погрузиться в нее до самого основания.

Однако ее замешательство тает, сменяясь обидой и, вполне возможно, чувством отверженности, а я этого не потерплю. Поднимаю ее и сажаю к себе на колени, обхватывая ее подбородок.

— Ты — видение.

Воистину, я словно сотворил ее из воздуха. Все в ней, начиная от мягкой челки и легкой волны ее темно-каштановых волос, рассыпавшихся по плечам, заканчивая тем, как она нежно проводит кончиком пальца по моей груди, образуя форму невидимого сердечка. Если бы я не чувствовал ее тяжесть на своих коленях, сомневался, что смог бы убедить себя в том, что она настоящая.

— Позволь мне пригласить тебя на свидание. Нормальный ужин, концерт — все, что ты захочешь.

Проходит много времени, прежде чем она качает головой.

А затем начинает соскальзывать с меня. Она уходит прежде, чем я успеваю схватить ее и заставить остаться.

— Это было чудесно, профессор, но мне нужно кое-куда успеть.

Она уже собирает свою сумку, и я отпускаю ее, решив, что не собираюсь преследовать ее. Это не даст мне того, чего я хочу. Только не с Эмелией.

Глава 22

Эмелия

Раннее утро четверга, и я сижу за столом в своей квартире, накладываю в миску немного йогурта и гранолы, пытаюсь заставить себя съесть хоть кусочек. Мы с Соней разговариваем по телефону. Потому что обнаружили, что общение по утрам работает лучше всего, поскольку обе рано встаем. Слишком сложно синхронизировать наши расписания по вечерам. Я уйду из офиса позже, чем она, и все равно она обычно с Уэсли.

— Я не могу поверить, что до твоей свадьбы осталось всего две недели.

— Не напоминай мне! У меня список дел длиной в милю. Я даже не думаю, что смогу все успеть, если не откажусь от сна.

— Ладно, ну, очевидно, не делай этого. Никому не нужна невеста-зомби. Что осталось? Я могу помочь.

— Спасибо за предложение, но это не то, что я могу тебе поручить. Ты напишешь мне клятву?

Улыбаюсь.

— Я могла бы, если бы тебе это было нужно. Уверена, что в интернете есть масса примеров, которые я могла бы просто скопировать.

Она смеется.

— Приятно знать.

— Что еще?

Она вздыхает и начинает перечислять все подряд.

— Мне нужно позвонить и подтвердить, что все поставщики по-прежнему готовы к работе. Связаться с поставщиками провизии. Доработать план рассадки гостей. О, это напомнило мне, ты уже нашла себе «плюс один»?

Моя ложка звенит о тарелку, когда я размазываю по ней кусочек гранолы.

Вчера я пришла в Массачусетский технологический институт, чтобы понаблюдать за профессором Барклаем, и встреча закончилась тем, что я оказалась на коленях в его кабинете. Щеки краснеют.

— Нет. Никакого «плюс один».

— Ты что, издеваешься надо мной? В Бостоне нет ни одного парня, который привлек бы твое внимание с тех пор, как ты переехала? Что насчет Зака?

— Зак очень милый.

Он, пожалуй, самый близкий друг на работе, не считая Миры и Хьюго. Иногда по утрам мы болтаем в комнате отдыха. Однажды, на прошлой неделе, он принес мне бутерброд, когда заметил, что я не покидала свою кабинку во время обеденного перерыва (потому что мне хотелось поработать и потому что я надеялась увидеть профессора Барклая). Думаю, если бы я собиралась пригласить кого-нибудь на свадьбу Сони, то это был бы он.

Но нет.

— Только не Зак.

— Что ж, я пока оставлю это место свободным, просто на тот случай, если ты найдешь свою любовь в ближайшие четырнадцать дней.

— Спойлер: не найду.

— Как дела в остальном? Есть какие-нибудь новости о профессоре Барклае? Я до сих пор не могу поверить, что он отвез тебя домой на той неделе. Ты говоришь, что это было не очень приятно, но, эй, он спас тебя, когда ты шла домой под дождем.

Боже, она отстала. Я так долго держала ее в неведении.

— Не то чтобы это было не мило. Я просто имела в виду... в этом не было ничего особенного. Как будто он подвез домой любого из своих сотрудников, если бы застал их идущими домой под дождем.

— Ладно, конечно, прекрасно. Послушай, мне нужно бежать, иначе у меня не будет времени принять душ перед работой. Позвони мне позже. Я хочу узнать твое мнение о новой помаде, которую купила для торжественного дня. Боюсь, что она слишком розовая.

— Да, я понимаю. Покажешь мне позже, я буду честна.

Полагаю, мне тоже пора идти. Я уже приняла душ и высушила волосы, но добавила несколько мягких волн, а затем закрутила половину волос в свободный пучок с длинной челкой, которая обрамляет лицо так, как мне нравится. Основной акцент на моих глазах, и я еще больше подчеркиваю их с помощью подводки и нескольких слоев туши. Провожу пальцем по помадам, аккуратно разложенным на столе, и останавливаюсь на бледно-розовой. Мне нравится, насколько противоречив этот оттенок по сравнению с тем, который я носила вчера в кабинете профессора Барклая.

Мой наряд прост: черные брюки в паре с полупрозрачной блузкой с воротником, украшенной россыпью крошечных звездочек из золотой фольги. Под ней — майка, которая позволяет смело надевать блузку на работу.

Я снова проверяю свою помаду в лифте «Бэнкс и Барклай», и, как только он звенит, убираю маленькое зеркальце в сумку.

В том, что касается профессора Барклая, нет ясности. Вчера он пригласил меня на свидание, «на нормальный ужин», как он сказал, но предложение было вынужденным. Я имею в виду, что в то время его брюки все еще были расстегнуты. Он пытался смягчить удар для меня, чтобы я не чувствовала себя униженной из-за того, что сделала.

Никакого ужина.

Никаких свиданий.

Только не с таким мужчиной, как он.

Это я точно знаю.

Кладу сумку на стол и поднимаю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Льюис направляется к нашей группе кабинок. Выпрямляюсь и стараюсь вежливо улыбнуться, когда он приближается. Я не так часто общаюсь с ним лично. В основном он сидит в своем офисе, общаясь с командой по электронной почте. Однако я хочу произвести на него впечатление, и он, кажется, ценит мое упорство в работе. Его едва заметные кивки, когда он видит, что я задерживаюсь позже своих коллег, являются для меня достаточным топливом.

— Доброе утро, Эмелия. Через несколько минут вы увидите объявление об этом в своей электронной почте, но я хотел бы предупредить вас. В девять у нас назначена последняя встреча по проекту «Белл-Хейвен». Обязательно сообщите всем об этом.

Я киваю, а он уже уходит, переходя к следующему делу.

Загружаю компьютер, проверяю электронное письмо, которое, по его словам, должно быть там, чтобы подтвердить время встречи, и приступаю к своим утренним обязанностям. Достаяю из сумки свой ланч, затем поливаю свое маленькое растение. После чего наполняю свою кофейную чашку тем, что осталось в кофейнике в комнате отдыха, не забывая заварить еще один перед уходом. Я люблю черный и обжигающе горячий кофе, поэтому делаю несколько глотков по пути к своему столу. Кружка все еще у моих губ, когда я заворачиваю за угол и вижу профессора Барклая, разговаривающего с Льюисом прямо возле моего стула.

Он сразу замечает меня, и его голубые глаза говорят сами за себя.

Доброе утро, Эмелия.

Что за наряд.

Да, и кстати... этой помадой ты никого не одурачишь.

Я рада, что моя улыбка скрыта за кружкой.

Ни один не отходит в сторону при моем приближении, так что я вынуждена пройти раздражающе близко к профессору Барклаю. Игнорировать его теперь невозможно. Встречаюсь с ним взглядом и улыбаюсь в знак признательности, как улыбнулась бы любому начальнику. Обычное «Доброе утро» тоже обязательное условие.

Он наклоняет голову в знак приветствия и смотрит, как я занимаю свое место.

Их разговор не прерывается из-за меня, да и зачем? При других обстоятельствах я всего лишь скромный новичок, которого профессор Барклай не удостоил бы своим вниманием.

Сажусь и щелкаю мышкой, чтобы разбудить компьютер, осознавая его присутствие за спиной. Возвращаюсь к своему почтовому ящику, желая, чтобы появилось что-нибудь новое и привлекло мое внимание. Я аккуратный человек. Убираю свой стол перед уходом с работы. Убеждаюсь, что нет никаких неотложных дел, которые могли похоронить меня с утра. Сейчас я об этом жалею.

Чувствую запах его одеколона над своей утренней чашкой кофе.

Теперь, после вчерашнего, этот запах имеет для меня совсем другое значение.

Он прилип ко мне, когда я выходила из его кабинета в университете с растрепанными волосами и размазанной по щеке губной помадой. Я зашла в первый попавшийся туалет, привела себя в порядок и стала ждать, когда меня охватит стыд. Какой коварный поступок. Какой плохой, плохой выбор.

Но стыда не было. И до сих пор нет. Только восхитительный трепет при мысли о том, чтобы сделать это снова, если представится такая возможность.

— Эмелия?

Моргаю и поднимаю глаза, чтобы увидеть Миру, стоящую по другую сторону стены нашей общей кабинки и держащую в руках что-то завернутое в фольгу.

— Ты уже позавтракала? Сегодня утром я прихватила лишний рогалик.

Я киваю.

— Еще дома. Но все равно спасибо.

— Я возьму! — говорит Хьюго, протягивая руку вверх и дико размахивая ею. Хьюго никогда не отказывается от еды.

Мира закатывает глаза.

— Тебе это не нужно, Хьюго. Я видела, что ты принес сегодня. Тебе действительно нужны были четыре тако на завтрак?

— Я растущий мальчик.

Мы с Мирой смеемся, и она бросает ему рогалик.

— Хорошо, но не приходи ко мне плакаться, когда у тебя заболит живот.

— Не рассчитывай на это. У меня стальной желудок. Не то что у нашей маленькой Эмелии.

Мира одаривает меня извиняющейся улыбкой.

— Прости. Я сказала ему, что на днях ты неважно себя чувствовала.

— Все в порядке. Ребята, вы видели электронное письмо о встрече?

Мой вопрос призван увести разговор в сторону от меня, особенно учитывая тот факт, что профессор Барклай все еще стоит рядом с нами и разговаривает с Льюисом. Ему не нужно знать о моем приступе тошноты в ванной.

— Да, добавил в свой календарь и все такое, — подтверждает Хьюго. — Итак, Мира, к этому рогалику прилагался какой-нибудь сыр? Сливочный сыр? Сливочное масло? Арахисовое масло?

Позже Зак заходит за мной перед встречей по проекту. У меня подключены AirPods, и я слушаю старый плейлист во время работы, поэтому не слышу, как он приближается. Его рука касается моего плеча, и я подпрыгиваю на целую милю в воздух.

Он смеется.

— Прости! Не хотел тебя напугать. — Он поднимает руки, как бы доказывая, что пришел с миром.

Вынимаю AirPods и улыбаюсь.

— Не беспокойся. Я просто потерялась в своем собственном мире. Смотрю на время: почти девять.

— Пойдем, — говорит он. — Возможно, нам удастся занять места, если поторопимся.

Хьюго и Мира присоединяются к нам, но в конференц-зале мест хватает только на троих. Хьюго говорит, что все равно предпочел бы постоять, так что Зак любезно выдвигает для меня стул и садится на место рядом. Поскольку нас много, мы сидим очень близко. Его локоть касается моего, когда он достает телефон, чтобы показать мне видео, которое нашел на TikTok.

— Я должен тебе показать. Смотрел его уже раз десять. Это маленький щенок, который впервые пробует лаять. Он думает, что это действительно жестко и страшно, но это всего лишь крошечный пушистый комочек.

Улыбаюсь и наклоняюсь, чтобы лучше видеть его экран.

— Черт возьми. Ты хорошо пахнешь, — говорит он мне, на секунду задерживая большой палец на кнопке воспроизведения.

— О. — Я смеюсь. — Наверное, это мой шампунь.

Он наклоняется ближе и принимает.

— Ага. Определенно твои волосы.

Он нажимает на кнопку воспроизведения, и он прав, это забавно. Я заставляю его воспроизвести еще дважды, и в конце концов он просто протягивает мне свой телефон, но, если бы я знала, что во время всего этого в конференц-зал входит профессор Барклай, я бы отодвинулась от Зака раньше. А еще лучше, я бы вообще никогда не села рядом с ним.

Теперь, очевидно, уже слишком поздно отползать от коллеги, тем более что взгляд профессора Барклая пригвождает меня к месту. Раздражение вспыхивает в его взгляде,

когда я возвращаю телефон Зака, сажусь прямее на стуле и пытаюсь занять себя ручкой, неоднократно снимая и надевая колпачок.

К сожалению, Зак не понимает, что мы вдруг должны вести себя так, будто не знаем друг друга.

— Тебя ведь нет в социальных сетях? — спрашивает он. — Я пытался найти тебя вчера вечером.

Качаю головой.

Он фыркает.

— Как это вообще возможно? Я приклеен к своему телефону 24/7. Чем ты занимаешься весь день? Медитируешь?

Не могу удержаться от смеха.

— Нет, я трачу время так же, как и ты. Просто потому, что у меня нет профиля, не значит, что я не скрываюсь...

Он ухмыляется, как будто находит это чрезвычайно интересным.

— За кем тебе нравится следить? За знаменитостями?

За нашим боссом.

Пожимаю плечами.

— Всеми подряд. Всегда разные.

Только за одним. Это всегда профессор Барклай.

— Как только вы завершите свой разговор, мы начнем, — говорит профессор Барклай из передней части конференц-зала, его властный тон вибрирует от гнева.

Чтобы внести ясность, все болтают, не только мы с Заком, но он пристально смотрит на нас, и поэтому все предполагают, что это мы виноваты в его плохом настроении.

Мне хочется опуститься ниже на стуле или, еще лучше, соскользнуть на пол и вообще исчезнуть под столом.

Эта сцена слишком напоминает Дартмут, хотя на этот раз я знаю, что профессор Барклай сердится на меня совершенно по другой причине. Сегодня я никому не мешаю. Встреча еще не началась, и я не делаю ничего плохого. Нет, на этот раз он вызывает меня, потому что ему не нравится тот факт, что Зак близко наклоняется ко мне, показывая свой телефон. Он ревнует.

Могу посмеяться над этой идеей.

Это трудно отрицать, но еще труднее поверить.

Кажется, что у такого человека, как профессор Барклай, никогда не было причин ревновать к кому бы то ни было, но мои подозрения подтверждаются после встречи, когда я нахожу электронное письмо, ожидающее меня в верхней части папки «Входящие».

Оно от него.

Встретимся в моем офисе в 11:15.

Даже нет «пожалуйста».

Тревога жарко вспыхивает внутри меня.

Он что, шутит?

Я не могу зайти в его кабинет, и на это есть около миллиона причин. У меня абсолютно нет времени, чтобы поговорить с профессором Барклаем наедине. Я отчитываюсь перед Льюисом, Льюис отчитывается перед профессором Барклаем. Я имею в виду, Господи, половину времени я даже отчитываюсь не перед Льюисом, а перед Дагом, который затем отчитывается перед Льюисом. Дело в том, что я плебей, а он босс. Исчезновение за закрытой дверью вместе с ним будет выглядеть плохо со всех сторон.

Как будто этого недостаточно, чтобы держать меня подальше от его кабинета, есть еще и скрытый мотив — быть единственным человеком в жизни профессора Барклая, который не находится в его распоряжении в любое время. Вчера я стояла перед ним на коленях. Я не буду делать этого два дня подряд.

Я отвечаю просто: *11:15 — не самое подходящее для меня время.*

Ровно в 11:15 я беру свою кружку со стола и, не торопясь, направляюсь в комнату отдыха. Мира и Инес толпятся у кофейника, что-то просматривая в телефоне Инес. Инес, похоже, обрадовалась, увидев меня.

— О, хорошо — ты можешь нас рассудить. Тебе не кажется, что это платье слишком рискованное, чтобы надевать его на день рождения отца моего парня? Мира считает, что мне следует найти что-нибудь другое.

Платье, о котором идет речь, имеет верхнюю часть в виде короткого топа с глубоким V-образным вырезом и едва заметную юбку. Модель в нем выглядит так, словно она направляется на музыкальный фестиваль, а не на семейный праздник.

— Оно красивое, и я понимаю, почему тебе нравится, но не уверена, что надела бы его на праздник.

Она стонет.

— Ладно, подожди. А как насчет этого?

Она начинает листать фотографии в своем телефоне.

— Эмелия?

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть через плечо, и вижу, что Хьюго с встревоженным видом просовывает голову в кухню.

— Твой рабочий телефон разрывается от звонков. Я дважды отправлял сообщение на голосовую почту, но человек, похоже, настойчив. Ты хочешь, чтобы я ответил?

Мои глаза расширяются в панике. Ни у кого, я имею в виду, ни у кого нет моего рабочего номера.

— Нет! — говорю я, уже спеша мимо него, моя кружка с кофе давно забыта на стойке в комнате отдыха.

Я слышу, как в коридоре звонит мой телефон, и ускоряю шаг. Добравшись до рабочего места, отвечаю на звонок, не потрудившись присесть или устроиться поудобнее.

— Эмелия Мерсье, — говорю я отрывистым тоном.

— Ты опоздала.

От голоса профессора Барклая у меня по спине пробегает дрожь восторга, хотя он и звучит очень раздраженно.

Я хмурю брови.

— Вы проверили свою электронную почту?

— Электронная почта не имеет значения. Я сказал, что в 11:15. Ты должна была быть у моей двери в 11:10.

— И вам следует проверить свои глаза, потому что я написала, что это время мне не подходит.

Клянусь, я слышу мрачный смешок на другом конце провода, но он слишком слабый, чтобы разобрать.

Хьюго ловит мой взгляд со своей стороны кабинки.

— Кто это? — одними губами произносит он.

Я качаю головой.

— Никто, — одними губами отвечаю я.

— В инженерном отделе есть набор планов, которые мне нужно просмотреть. Ты сходишь и заберешь их для меня.

— Я...

— Эмелия, ты не забыла свою роль здесь, в «Бэнкс и Барклай»? Если я о чем-то прошу, ты это делаешь.

Если бы любой другой человек, мужчина или женщина, разговаривал со мной так, как сейчас разговаривает профессор Барклай, я бы повесила трубку и обратилась в отдел кадров. Я не шлюха. Но подчиняюсь одному человеку, чья фамилия случайно выбита на стене здания, в котором я сейчас нахожусь.

Между нами повисает тяжелая пауза, и он, должно быть, понимает, что одержал верх, когда я не произношу больше ни слова. Аккуратно вешаю трубку, говорю Хьюго, что мне нужно выполнить одно поручение, и направляюсь напрямик в инженерный отдел.

Понятия не имею, к кому обращаться, но, как оказалось, это не проблема. Когда выхожу из лифта на шестом этаже, парень машет мне рукой, приглашая к своему столу, и протягивает мне огромный цилиндрический тубус, наполненный свернутыми в рулон бумажными планами.

— Он хотел их посмотреть. На твоём месте я бы поторопился. Сегодня он выглядит более раздраженным, чем обычно.

Да, из-за меня.

Снова направляюсь к лифту, избегая любопытного взгляда Зака, сидящего за своим столом. Мне никогда раньше не приходилось спускаться на инженерный отдел, и если профессор Барклай захочет, то, скорее всего, уже и не придется.

Глава 23

Эмелия

Кэндис поднимает взгляд от компьютера, когда я подхожу к ее столу.

— Планы? — спрашивает она, протягивая руку, чтобы забрать их у меня.

— Эмелия, принеси их, — говорит профессор Барклай из своего кабинета.

Дверь достаточно приоткрыта, поэтому я не могу притвориться, что не слышу его.

Кэндис расширяет глаза в знак молчаливой солидарности и добавляет.

— Удачи.

Покачиваюсь на каблуках, проходя мимо стола Кэндис. Я чувствую страх, сродни страху ребенка, идущего в кабинет директора, и на последних шагах перед тем, как войти в кабинет профессора Барклая, повторяю себе, что не сделала ничего плохого.

Его рабочее место представляет собой образец порядка и хаоса. Он сидит за длинным письменным столом перед искусно оформленными рядами встроенных шкафов и книжных полок. Рядом с компьютером, кроме телефона и блокнота, ничего нет, но слева лежат развернутые планы, прижатые пресс-папье, линейками, карандашами и пустой кофейной чашкой.

Он жестом приглашает меня подойти ближе, и я понимаю, что оставила дверь его кабинета открытой. Не слишком широко, но достаточно, чтобы это имело значение.

Профессор Барклай замечает.

Он встает и встречает меня в конце своего стола, рядом с бардаком. Я передаю ему цилиндрический тубус и отступаю назад, чтобы уйти, но его взгляд встречается с моим, и он качает головой.

Оглядываюсь через плечо, смотря на дверь. Не знаю, что ожидаю найти, но там никого нет. С того места, где мы стоим, я не вижу Кэндис, а это значит, что она тоже нас не видит. И все же кто-нибудь может войти в любой момент.

— Мне действительно пора возвращаться к работе, — тихо говорю я, поворачиваясь к нему.

— Я бы хотел, чтобы ты взглянула на эти планы. — Он достает их из тубы.

— Инженерное дело — это не...

— Ты член команды проекта «Белл-Хейвен». Я предположил, что ты заинтересована в том, чтобы быть в курсе всех изменений. Если тебе это неинтересно, тогда уходи.

Изрядно смущенная, я нетерпеливо киваю.

— Конечно, я хотела бы знать все, что происходит с проектом.

Он разворачивает планы на столе и кладет пресс-папье на все четыре угла, после чего разглаживает ладонью визуализацию участка.

— Сегодня утром мы получили отчет об обследовании и инспекции. Фундамент находится в худшем состоянии, чем мы думали. В большинстве мест он разрушается из-за присутствия минерала сульфида железа. Фундамент был заложен компанией JJ Mottes Concrete Company, и мы смогли проследить происхождение бетона до карьера в Уиллингтоне, штат Коннектикут, который больше не работает.

— И что делать? — спрашиваю я.

— Это то, что мы сейчас пытаемся решить. Инженерный отдел разрабатывает возможные обходные пути, но, скорее всего, нам придется демонтировать весь существующий фундамент...

— Это значит поднимать дом. Это было бы безумием.

— Фундамент разрушается из-за этого минерала, содержащего сульфид железа, и, если его оставить там еще на год или два, он продолжит расширяться, и стены дома начнут разрушаться. Нам придется демонтировать пол, опоры, нижние колонны — весь бетон.

Он начинает обходить стол, и я поднимаю глаза от планов, чтобы проследить за его движением, мое дыхание замирает в груди.

— Теперь ты будешь говорить всем, что именно об этом мы говорили, если они спросят.

Меня охватывает паника.

Я поднимаю руку, преграждая ему путь.

— Не надо.

— Эмелия, — укоряет он.

Моя рука мгновенно опускается. Он контролирует мое тело больше, чем я.

Он подходит ближе, и я позволяю ему вторгнуться в мое пространство, пока мы не оказываемся почти вплотную друг к другу. Его рука тянется вверх, чтобы обхватить мою шею, а большой палец приподнимает мой подбородок, обнажая длинную линию горла, когда я сглатываю от волнения.

Подушечкой большого пальца он скользит взад-вперед по моим губам. Изучает их, выдвигая требование.

— Не флиртуй с другим мужчиной в моем присутствии. Я не буду играть в игры.

— Я не...

— Я поднял личное дело мальчика. Может, мне отправить письмо, чтобы его тут же уволили?

Мое тело напрягается в панике.

— Ты бы не стал. Это жестоко и нелепо. Он не сделал ничего плохого.

— Он заставил тебя улыбнуться, — говорит он, с тоской глядя на мое недовольство.

Я прищуриваю глаза.

— Ты всегда такой собственник?

Проходит мгновение.

— Нет.

Потом он наклоняется и целует меня.

От шока я отшатнулась бы назад, если бы он так крепко не сжимал мою шею. Он крепко держит меня, в то время как мое сердце трепещет так быстро, что грозит вообще покинуть тело. Он делает шаг ко мне, наши бедра соприкасаются, а его губы скользят по моим, претендуя на обладание ими. Его высокая фигура кажется тенью, окутывающей меня мраком.

Мы целуемся при открытой двери, и у меня не хватает здравого смысла остановить его. Мой разум захвачен тяжестью его губ на моих — не властных, но горячих и требовательных. Тихий стон вырывается, прежде чем я успеваю его подавить. Он углубляет поцелуй, пытается раздвинуть мои губы и продвинуться дальше, и я позволяю ему. Прижимаюсь к нему всем телом в знак покорности, когда мой язык касается его. Бери, что хочешь.

Мои руки скользят вверх по лацканам его пиджака, а затем он резко отступает назад.

Я все еще моргаю открытыми глазами, мои розовые губы в синяках и все еще приоткрыты, когда мистер Бэнкс говорит из-за двери позади меня.

— Инженеры прислали чертежи?

— Они здесь. Эмелия их принесла. — Он оглядывается на меня, играя свою роль до конца, и его непроницаемая маска послушно возвращается на место. Выражение его лица говорит о том, что он забывает, что я все еще в комнате. Я внезапно превращаюсь в служанку, которая злоупотребила гостеприимством.

— Спасибо.

Это прощание, и я быстро пригибаю голову и обхожу мистера Бэнкса, молясь, чтобы он не увидел румянец на моих щеках.

Поцелуй профессора Барклая вознес меня на новую высоту, но теперь я приземляюсь обратно на землю, торопливо проходя мимо стола Кэндис и возвращаясь к своей кабинке. Нет времени наслаждаться моментом.

Наш первый поцелуй перечеркнут словами: «Ты идиотка. Тебя мог видеть кто угодно. Мистер Бэнкс, вероятно, видел тебя.»

— Что ты отнесла мистеру Барклаю? — спрашивает Хьюго, прежде чем я успеваю вернуть свою задницу на место.

— О... — я быстро соображаю, выплевывая все, что профессор Барклай только что скормил мне. — Инженерные планы. По-видимому, возникла проблема с фундаментом в Белл-Хейвен.

Его глаза расширяются в панике.

— Что за проблема?

— Что-то связанное с минералом сульфида железа в бетоне. Похоже, что потребуется капитальный ремонт, прежде чем проект действительно начнет реализовываться. Я уверена, что скоро мы все получим информацию об этом.

Мира слушала спокойно, но теперь она опирается локтем на стену нашей кабинки.

— Но почему он попросил тебя принести инженерные планы?

Я пожимаю плечами и играю с мышкой, пытаюсь сделать вид, что мне не терпится вернуться к работе.

— Откуда мне знать? Однако весь инженерный отдел сходит с ума. Похоже, это будет огромной проблемой.

Она хмыкает и отталкивается от стены, возвращаясь на свое место.

— Да, будем надеяться, что это не затормозит проект слишком надолго.

Я рада, что моя отговорка сработала. Если она все еще задастся вопросом, почему именно я снабдила профессора Барклая планами, то, по крайней мере, держит это при себе.

Нам с ним, скорее всего, сходит с рук то, что мы только что сделали, но это не значит, что я хочу повторить это снова.

На самом деле, я в ярости.

Эти отношения, если их вообще можно так назвать, носят зажигательный характер. Уже сейчас они грозят выйти из-под контроля, как неконтролируемый лесной пожар, который вот-вот охватит меня. Профессор Барклай не такой уж приятный, легкий и безопасный человек. У него есть власть разрушить мою личную и профессиональную жизнь. Я все это знаю и продолжаю напоминать себе об этом, и все же, похоже, это не заставляет меня делать лучший, более рациональный выбор. Мне не нужно было идти за этими инженерными планами. Мне не нужно было наклоняться для этого поцелуя. Мне было все равно, что Кэндис сидела в коридоре, всего в нескольких футах от его кабинета. Мне было все равно, что все на этом этаже только и смотрят, как я с позором бегу обратно к своему столу.

Беда в том, что я нахожусь во власти прихотей профессора Барклая, и это не только возбуждает, но и пугает меня.

Открываю свою электронную почту и возвращаюсь к его утреннему запросу. Я нажимаю «Ответить» и набираю сообщение, сердито стуча по клавишам и вызывая смех у Хьюго.

— У кого-то есть претензии к Мэвис Бикон.

Я игнорирую его.

Мой ответ профессору Барклаю краток, но не сладок:

«Это мое будущее, с которым вы играете».

Затем я нажимаю «Отправить» и иду за забытой кофейной кружкой в комнату отдыха. Господь свидетель, мне не помешает еще одна чашка.

Глава 24

Джонатан

Поздний вечер пятницы, и я еду домой с рабочего ужина. Бэнкс заказал отдельный зал в ресторане Mcallister's, и даже после трех блюд никто не спешил заканчивать вечер. Сейчас около десяти вечера, и мне следовало бы направляться домой, но вместо этого я направляюсь в квартиру Александра.

Он собирает гостей, а значит, я скоро попаду в сумасшедший дом. Александру нравится быть душой вечеринки. В его представлении небольшая тусовка — это человек сорок.

Я бы вообще не пошел, но, наверное, мне будет полезно немного отвлечься. После возвращения из Парижа я горю с двух сторон. Семестр в Массачусетском технологическом институте в самом разгаре, проблемы с проектом Белл-Хейвен нависают надо мной, не говоря уже о работе, которую мы ведем в Бостоне и Цинциннати, у меня очень мало свободного времени и еще меньше терпения, последние остатки которого уничтожены Эмелией.

Бег уже не помогает.

Дополнительное время в тренажерном зале тоже не помогает.

Я нахожусь полностью во власти своего влечения к ней, о чем свидетельствует тот поцелуй в моем кабинете.

Поцелуй, на который я с тех пор дробил дважды.

Включаю радио и сосредотачиваюсь на вождении. Я всего в нескольких минутах езды. Эммет весь день донимает меня просьбами приехать сюда. Он ненавидит все эти мероприятия так же, как и я, но будет приятно повидаться со старыми друзьями.

Оказавшись в доме Александра, я поднимаюсь на лифте в его пентхаус и слышу шум толпы еще до того, как распахиваются металлические двери.

Это хуже, чем я подозревал, больше напоминает вечеринку студенческого братства, чем цивилизованный вечер отдыха. В фойе толпятся люди, которых я не узнаю. Женщина кокетливо улыбается и призывно помахивает мне пальцами, когда прохожу мимо.

Не обращаю на нее внимания, пробираясь сквозь толпу в поисках Эммета или Александра. Последнего я нахожу на кухне, зажатым между ног девушки. Он прислоняет ее к стойке и наклоняется, чтобы поцеловать.

— Это должно быть против правил пожарной безопасности.

Он прерывает поцелуй и оглядывается на меня, ухмыляясь.

— Нет, да ладно, это небольшая группа, — возражает он.

Кто-то включает в гостиной музыку погромче, опровергая его точку зрения.

Он закатывает глаза.

— Верно, может быть, мне стоит немного сбавить обороты.

— Твои соседи, вероятно, уже подали жалобу на шум.

Он стонет и отталкивается от девушки, спеша в гостиную, чтобы сделать музыку потише.

— Ты что, как отец? — спрашивает меня девушка, явно раздраженная.

Слышу тяжелый смех позади себя и, обернувшись, вижу, как Эммет наливает себе выпивку из бара в углу. Подхожу и забираю бутылку бурбона из его рук, наливаю себе рюмку, прежде чем вернуть бутылку обратно.

— Ты опоздал, — говорит он, не оборачиваясь. — Последние полчаса мне пришлось терпеть эту вечеринку в одиночку.

— Ты мог бы уйти.

— Я жду кое-кого.

Я смотрю на него с любопытством, но он не вдается в подробности.

— Давай, пойдем в гостиную. Колетт и Харрисон там.

Мы пробиваемся сквозь толпу, и я удивляюсь, откуда Александр вообще знает столько людей в Штатах. Конечно, не знает. По всей вероятности, он пригласил несколько человек, и они взяли на себя смелость пригласить еще несколько человек. Если бы я был на его месте, то давным-давно всех бы выгнал, но, по-видимому, ему все равно. Он проходит мимо нас, даже не взглянув, направляясь за девушкой на кухню. Его приоритеты находятся в другом месте.

С облегчением замечаю, как тихо в гостиной. На улице приятный вечер, поэтому балконные двери открыты. Колетт сидит на пороге, как привратница, запрокинув голову назад, чтобы смотреть на небо. Если она охотится за звездами, то в городе она их не найдет.

Харрисон стоит у перил, раскуривая косяк.

— Король прибыл! — говорит он, прежде чем отвесить драматический размашистый поклон в честь Эммета.

— Я здесь уже полчаса, придурок. И уже поздоровался с тобой.

Харрисон пожимает плечами, как будто эта информация не важна.

— Ну что ж, Джонатан, этот поклон был для тебя. Заинтересован?

Он протягивает мне косяк, и я качаю головой.

Колетт берет его вместо меня, делает короткую затяжку, затем отдает обратно Харрисону, прежде чем помахать пальцами в знак приветствия нам с Эмметом. Она медленно выдыхает дым, а затем возвращается к тому, что делала раньше, беззаботно смотрит в небо. Что там может быть такого интересного?

Из всех девушек Сент-Джонса мне всегда нравилась Колетт. Она тихая, и иногда это можно принять за застенчивость, но в нашей группе она всегда держалась уверенно. В детстве ее отец был послом Сингапура в США, и в Сент-Джонсе ее практически держали под замком. Однако ее ситуация не была уникальной. Почти у каждого в школе-интернате была своя охрана. Кампус в целом был заперт, это граничит с безумием. Мы все чувствовали себя подавленными, и, вероятно, именно поэтому так себя вели.

Мы с Эмметом садимся на противоположных концах дивана, лицом к незажженному камину. Теперь я понимаю, что на мне все еще галстук с рабочего ужина. Дергаю за узел и снимаю его, сворачиваю и засовываю в карман пиджака. Расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки и откидываюсь на спинку дивана. Легко быть среди старых друзей. Потягиваю свой напиток, слушая, как Харрисон пытается объяснить нам буддийскую цитату, находясь под кайфом. Колетт тем временем не двигается с места.

Мое любопытство берет верх.

— Что ты делаешь?

— Любуюсь звездами.

Она отвечает так буднично, что я не могу удержаться от смеха.

— Но ты же ничего не видишь.

— Неправда. Их там несколько. А когда облака рассеиваются, становится больше.

— Вероятно, это просто спутники, — возражает Эммет.

— Ну, эти спутники красивые, — отвечает она, ничуть не смущаясь.

— Я думаю, что это говорит травка. Где твоя подруга?

— Кто?

— Элейн.

Она пожимает плечами.

— Кто знает. Ее невозможно поймать. Как звезды, в самом деле. Черт. Это прозвучало так пронизательно, как мне кажется?

— Нет, — сухо отвечает Эммет.

Но Харрисон кивает.

— Гениально. Я не видел эту девушку целую вечность. Она сейчас в Бостоне?

Я хмурюсь, не понимая, о ком они говорят.

— Элейн?

— Лейни Дэвенпорт, — сообщает Колетт, наклоняя голову в мою сторону. — Эммет единственный, кто настаивает на том, чтобы называть ее Элейн. Она училась с нами в Сент-Джонсе, но младше меня на шесть лет, так что ты точно не знал ее, Джонатан.

— Тогда откуда ты ее знаешь? — спрашиваю я Эммета.

Кажется, что ему не хочется отвечать, поэтому Колетт заменяет его.

— Она дружила с моей младшей сестрой, но теперь мы работаем вместе и сблизилась с ней.

— Лейни было трудно не заметить в Сент-Джонсе, — добавляет Харрисон.

— Я бы утверждал прямо противоположное, — почти грубо говорит Эммет.

Харрисон смеется.

— Мы говорим об одной и той же девушке?

Очевидно, что он имеет в виду.

Колетт стонет от отвращения.

— Она была ребенком, ненормальный.

Харрисон невозмутимо возвращается к своему косяку.

Эммет толкает меня локтем в бок и кивает в сторону двери.

— Ты знал, что она будет здесь?

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он смотрит, думая, что мы все еще говорим о Лейни.

— Кто? — спрашиваю я, никого не видя.

— Эмелия.

Мой пульс подскакивает.

— Она только что прошла мимо.

Я хочу вскочить на ноги, но не решаюсь.

— Нет, не знал. Должно быть, Александр пригласил ее. Ты собираешься пойти извиниться?

— Не сегодня. — Его взгляд устремлен на дверной проем. Очевидно, он все еще ждет кого-то, кого ему не хочется обсуждать.

Я встаю с дивана, не потрудившись сказать ему, куда иду. Он и так знает.

Если Эмелия только что прошла мимо гостиной, это значит, она недалеко, но я замечаю ее не сразу. Толпа только выросла с момента моего приезда, а меня подстерегает какой-то парень, умоляющий помочь найти туалет, а затем девушка, которая хочет знать, не видел ли я Люка. Я говорю ей, что не знаю никакого Люка, и она раздраженно разводит руками, как будто это моя вина.

В коридоре я кручусь в поисках стройной брюнетки с большими глазами лани, но ее нигде нет.

Я снова поворачиваюсь, чтобы осмотреться, и вот она. Нахожу ее прямо у двери на кухню.

Она оглядывается и ловит мой взгляд через плечо. На ее лице нет и следа шока. Она знала, что обернется и увидит, что я иду за ней. В ее карих глазах мелькает едва заметная искра возбуждения, прежде чем она наклоняет голову и исчезает на кухне.

Эта искра подтверждает то, что я уже подозреваю. К черту карающие электронные письма.

Тебе нравится быть мышкой, Эмелия. Ты хочешь, чтобы за тобой гнались.

Толпа плотная, но я проталкиваюсь сквозь людей, чтобы добраться до нее.

Она стоит у барной стойки в том же месте, где и мы с Эмметом ранее, и наливает себе выпивку. Я задерживаюсь в нескольких футах от нее и наблюдаю, как дрожит ее рука, когда она подносит тяжелую бутылку водки к краю стакана. Немного проливается через край, и, когда она ставит ее обратно, я подхожу к ней сзади, пока моя грудь не касается ее спины, затем наклоняюсь и произношу в ее волосы:

— Иди и поиграй со мной.

Глава 25

Эмелия

Я пришла сюда, не рассчитывая найти профессора Баркляя, но все же надеялась, что он будет присутствовать. Моим истинным намерением было увидеть Александра, и моя совесть цепляется за это. Он неожиданно позвонил мне, и я обрадовалась. После того как мы расстались на званом ужине, я не ожидала, что когда-нибудь услышу его снова.

В его голосе сразу же прозвучало раскаяние.

— Мне следовало позвонить раньше. Просто нужно было немного времени, чтобы прочистить голову и разобраться во всем, что было сказано.

— Нет, это мне жаль. Я тоже могла бы позвонить... Просто подумала, что будет лучше дать всем время остыть.

— Конечно. Что ж, очевидно, я должен извиниться за Эммета...

— Нет. Пожалуйста, не надо. Эммет... — я покачала головой. — Он сам несет ответственность за свои действия. Я не позволю ему разрушить нашу зарождающуюся дружбу... если ты, конечно, еще в ней заинтересован. Я знаю, что солгала...

— Эмелия, перестань. Для меня это не имеет значения. Наш статус брата и сестры никогда не был таким уж однозначным. Какое это имеет значение, если Фредерик не твой отец? Черт возьми, возможно, это и к лучшему. Теперь у тебя меньше шансов унаследовать его диктаторский характер. Считай, что тебе повезло.

Я улыбнулась, несмотря на серьезность разговора.

— Несмотря ни на что, мой отец еще несколько лет был женат на твоей матери. На короткое время мы стали сводными братом и сестрой, если не больше. То, как закончился их брак... Что ж, для Фредерика в этом нет ничего нового. Он так легко сжигает мосты. Я не знаю обстоятельств романа твоей матери, но давай просто скажем, что на самом деле не виню ее за то, что она искала привязанности везде, где могла найти. Фредерик — холодный человек. Он был таким всегда, сколько себя помню. Если вы с Эмметом когда-нибудь найдете общий язык, он это подтвердит.

— Хорошо.

Наступило затишье, а потом я выпалила.

— И что теперь?

Он усмехнулся.

— Ну, очевидно, я бы хотел, чтобы вы с Эмметом сели вместе и поговорили, но независимо от этого, я бы хотел, чтобы все было так, как мы с тобой планировали раньше. Ты включаешь меня в свою жизнь, и я сделаю то же самое. Сегодня вечером у меня будут гости. Ничего похожего на тот адский ужин — это скорее вечеринка.

— А ты не слишком стар для вечеринок?

Он выругался по-французски.

— Не расстраивай меня, Эмелия. Неужели 30 лет — это так много?

— Древний, — протянула я.

Он рассмеялся.

— Люди начнут прибывать около девяти, но приходи в любое время. Я бы хотел тебя увидеть.

— Я подумаю.

— Эмелия...

— Хорошо!

Я пришла ближе к десяти. Не хотела, чтобы все было как в прошлый раз, когда я оказалась одна в этой квартире-колизее. Но когда я пришла, меня беспокоило не отсутствие людей. Я бродила по переполненным комнатам в течение десяти минут и все еще не нашла Александра. Я прочесывала его квартиру, стараясь не наткнуться на то, на что не следовало — в такой толпе никогда не знаешь наверняка, и именно тогда заметила профессора Барклая в гостиной.

Со своего наблюдательного пункта в холле я изучала его так долго, как мне обычно не позволено. Такой хорошо одетый мужчина, откинувшийся на спинку кресла с бокалом в руке — я могла бы взять фотоаппарат, сфотографировать его властный профиль и продать снимок любому журналу в мире. Его ноги были вытянуты и скрещены в лодыжках, когда он слушал болтовню своих друзей с мягкой улыбкой, играющей на его полных губах. Меня поразило, как редко в нем можно увидеть легкость. Он человек, склонный к задумчивости, то ли в силу своего характера, то ли из-за стресса, связанного с работой, а может быть, просто... из-за меня.

У меня не хватило смелости зайти в гостиную, отчасти из-за гневного электронного письма, которое я отправила вчера, а отчасти из-за того, что он сидел рядом с Эмметом. Хотя знаю, что Александр хотел бы, чтобы я помирилась с его братом, это не то дерево, на которое я буду лаять сегодня вечером.

Даже несмотря на то, что я не зашла в гостиную, профессор Барклай, должно быть, увидел меня, потому что последовал за мной на кухню и высказал свое указание.

Я не знаю, куда он ведет меня сейчас, но это в стороне от толпы.

Мы заворачиваем за очередной угол, и я на секунду теряю его из виду. Дверь справа оставлена слегка приоткрытой, я толкаю ее и оказываюсь на пороге изысканно обставленной винной комнаты. Пол вымощен кирпичом, а стены увешаны высокими стеллажами. Единственное верхнее освещение исходит от мягкого света подвесного фонаря. Длинный проход изгибается вправо, обеспечивая достаточно места для хранения большого количества вина.

Профессор Барклай там, перебирает бутылки. Когда я вхожу в комнату и закрываю дверь, он не обращает на меня внимания.

Здесь столько вина, что хватило бы на всю жизнь, и заставило сомелье прослезиться. Я застываю, пока профессор Барклай изучает стеллажи. Он не торопится, но это часть игры. К тому времени, как он выбирает пыльную бутылку с засохшим красным воском, стекающим по горлышку, я уже не на шутку встревожена.

— Это из долины Роны, — говорит он, и его голос слегка отдается эхом в комнате. — Французское красное кажется подходящим.

Замечаю, что красная помада на моих губах — точное совпадение с воском на бутылке вина. Он идет к центру прохода и берет с коктейльного столика несколько бокалов и штопор для вина. С легкостью выкручивает пробку из бутылки и наливает каждому из нас по бокалу, прежде чем подойти ко мне.

Не спрашивая, он меняет на вино напиток, который я наспех приготовила на кухне. Чувствую, как его пальцы касаются моих, но прикосновение исчезает слишком быстро.

— Так будет вкуснее, — говорит он, огибает меня и подходит, чтобы толкнуть ботинком тяжелый винный ящик к двери.

Заблокированная внутри, я внезапно чувствую клаустрофобию в тускло освещенной комнате.

Он смотрит на меня и делает глоток, затем кивает, чтобы я сделала то же самое.

Подношу бокал к губам и позволяю вину наполнить мой рот. Оно божественно, и я знаю, что он, должно быть, замечает восторг на моем лице.

Он допивает остатки и отставляет бокал на стойку, вновь сосредоточивая все свое внимание на мне. Это непосильная ноша, но я стараюсь не поддаваться нервам.

— Я нахожусь на перепутье, — говорит он, подходя ко мне. Обходит меня, задевая своим плечом мое, затем встает у меня за спиной и хватает меня за руку, поднося мой бокал к губам и заставляя меня сделать еще глоток. — Видишь ли, Эмелия... ты не позволяешь мне играть с тобой на работе. Ты не позволяешь мне пригласить тебя на свидание... И я начинаю сомневаться, что ты хочешь этого так же сильно, как и я.

Он рукой обхватывает мою шею и запрокидывает голову назад, пока мое горло полностью не оказывается перед ним. Затем снова поднимает мой бокал, и на этот раз он заставляя меня пить и пить, до тех пор, пока не кончится вино. Капля выскальзывает у меня изо рта, и он смотрит, как она скатывается по моему подбородку и падает на грудь.

— Ты хочешь быть моей любимицей?

Его указательный палец лежит прямо над моей яремной веной, мой учащенный пульс говорит абсолютную правду.

Я задыхаюсь, когда он другой рукой находит низ моего платья и начинает собирать материал. Дюйм за дюймом обнажаются мои ноги. Прохладный воздух касается верхней части бедра, а затем его рука скользит между моих ног, по мягкому шелку, покрывающему меня. Он находит именно то, что ему нужно, доказательство моего желания.

Низкого рычания, с которым он прижимается к моим волосам, достаточно, чтобы заставить меня кончить.

Я хочу его, безумно хочу, и теперь он знает об этом.

— Может, мне оставить тебя так? Позволить уйти домой и попытаться удовлетворить себя?

Джонатан убирает руку от моих трусиков, и я вскрикиваю.

Он цокает языком.

— Теперь говори.

— Пожалуйста.

Мое слово — тихий всхлип.

Вечеринка не так уж далеко. За углом в гостиной собрались друзья Александра, веселье в самом разгаре.

— Что ты делаешь, Эмелия?

Пытаюсь сохранить последние остатки решимости, которые у меня есть.

Цепляюсь за последнюю ниточку надежды.

На самом деле, я рассыпаюсь.

— Притворяюсь... — вот ответ, на котором я останавливаюсь.

И он не выглядит раздраженным его расплывчатостью. Похоже, он понимает, потому что возвращает руку между моих ног.

— Как ты думаешь, будет лучше, если мы оставим друг друга в покое? Если мы продолжим притворяться?

Лучше?

Хуже. Намного хуже.

Я не думала об этом. Я не думала о том, что можно избежать неизбежного.

Цепляюсь за его запястье и направляю его руку, пока он водит ею взад-вперед по центру моих трусиков. Держу его там, где он мне нужен, безмерно взволнованная, когда он вознаграждает меня и отодвигает материал в сторону, доставляя мне удовольствие чувствовать, как его пальцы медленно скользят по моей влажности, распределяя ее по мне.

Другой рукой я сжимаю горлышко пустого бокала, когда Джонатан издает низкий раздраженный рык и внезапно задирает мое платье так, что оно оказывается вокруг талии. Я делаю полшага в сторону левой ногой, давая его руке достаточно места, чтобы встать между моих бедер. Закрываю глаза и оцениваю его размер, то, как его большая ладонь,

кажется, полностью накрывает меня. Тыльной стороной ладони он трется об меня, вызывая множество покалываний в тот самый момент, когда его средний палец погружается внутрь меня. Я задерживаю дыхание и жду, но он входит только до первой костяшки, затем снова вынимает его. Замираю от разочарования, а он мрачно усмехается мне в волосы, шепча, какая я нетерпеливая, неблагодарная, жадная.

Я питаюсь его словами, потому что изголодалась по ним. Никто и никогда не говорил со мной так, не называл меня любимицей и маленькой девочкой, не смел разговаривать со мной именно так, как я хочу. Джонатан знает, как мне это нравится, даже без того, чтобы я прямо сказала ему об этом. Он наблюдателен. Находиться под его наблюдением немного нервирует и в то же время волнует. В прошлых отношениях я никогда не могла быть по-настоящему честной, никогда не называла желаемых вещей, опасаясь, что мои партнеры потеряют из виду человека, которым я являюсь за пределами спальни, или, что еще хуже, как Оуэн, открыто высмеют меня за это.

Джонатан понимает, и, более того, его собственные потребности имитируют мои таким совершенно развратным образом.

Его палец снова скользит в меня, и на этот раз я выгибаю спину, пытаюсь принять в себя больше. Он входит до второй костяшки, и я на секунду сжимаюсь вокруг него. Он слегка прищелкивает пальцем, задевая новую сладкую точку, которая заставляет меня приподняться на цыпочки.

Из зала доносится смех, и мое желание смешивается со страхом. Не хочу, чтобы меня застали в таком состоянии, и все же, я хочу кончить, пережить этот тревожный момент, когда Джонатан вытаскивает свой палец и, наконец, погружает его обратно в меня до конца.

Не жду и начинаю двигать бедрами, беря дело в свои руки. Я так боюсь, что он будет возбуждать меня, доводить до грани, а потом отступит, как в своем кабинете. Этого не может случиться. Я закричу.

Его рука на моей шее слегка сжимается, но не для того, чтобы перекрыть мне дыхательные пути, а чтобы убедиться, что я понимаю, кто командует.

— Это все, что ты получишь, так что будь хорошей девочкой и кончай.

Его грязных словечек слишком много, это переломный момент оргазма, который пронзает меня с такой силой, что я теряю все из виду.

Смутно осознаю, что его рука прикрывает мой рот, но я слишком захвачена нарастающим и спадающим пиком наслаждения. Это длится и длится. В какой-то момент я сжимаю его палец так сильно, что готова заплакать. Последние содрогания проходят через меня в судорогах, но Джонатан крепко прижимает меня к себе. Он как кирпичная стена.

Первым меня настигает его запах, запах его руки, закрывающей мой рот.

Затем его губы целуют мои волосы, и он медленно убирает руку от моего рта и обхватывает меня за талию. Крепко держа меня, он начинает поправлять мои трусики и платье, снова готовя меня к выходу в свет. Я ненавижу это. Хочу остаться здесь, в посторгазменном блаженстве. Я еще не закончила. Мне этого недостаточно.

Он выхватывает пустой бокал из моей мертвой хватки, ставит его на стойку рядом с нами и спрашивает.

— Ну и как теперь, снова будешь прятаться?

Я хмурюсь.

— Куда ты пойдешь? — продолжает он. — Какое оправдание придумываешь в своей голове?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Нет, понимаешь, Эмелия, — ругает он, пронзая меня острым взглядом. — Мы только что обсуждали это. Мы больше не притворяемся.

Я поворачиваюсь к нему лицом, чтобы доказать, что пока не собираюсь убежать.

Он засовывает руки в карманы.

— Пойдем ко мне домой на ночь.

Мой рот открывается, на кончике языка вертится еще одно оправдание.

Идти с ним домой — не очень хорошая идея. Фамильярность, рутина, его дом, мой дом — все это слишком личное и слишком глубокое. Моя единственная надежда пережить это — держаться на мелководье, плавать поближе к берегу и не упускать из виду, кто я. Но знаю, что, если скажу ему «нет» прямо сейчас, это может стать последним толчком. Он сказал, что находится на перепутье, и я не хочу узнать, насколько серьезно он настроен покончить с этим. Что бы это ни было.

— Хорошо.

Он кивает и берет меня за руку, чуть выше локтя.

— В конце коридора есть ванная. Я дам тебе время освежиться, если хочешь, а потом мы заберем твою сумочку.

Глава 26

Эмелия

Я ожидала, что профессор Барклай будет жить в таком же здании, как и Александр: высотка со швейцаром, все удобства под рукой. Это однозначно становится ошибкой с моей стороны. Стараясь не усложнять, я забываю, насколько мы с ним похожи, насколько глубоко совпадают наши увлечения. Он останавливается перед таунхаусом из красного кирпича в федеральном стиле на Парк-стрит напротив Бостонской площади, и я поражаюсь тому кусочку истории, который он называет своим домом.

Вылезаю из машины и стою у подножия крыльца, удивленно глядя вверх.

— Ты восстановил его?

— Да, после того как какой-то идиот чуть не разрушил его, пытаюсь превратить в современный лофт.

Я задыхаюсь от ужаса, и в этом нет ни капли сарказма. Это ужасно. Отвратительно. Святотатство!

— Сколько ему лет? — спрашиваю я, хотя у меня есть предположение. — Я знаю, что он начал 1800-х годов.

Мой взгляд блуждает по внешнему виду: первый этаж, который в этих старых зданиях является несущим, сделан из толстого известняка, чтобы поддерживать три этажа из красного кирпича над ним. Сверху таунхаус увенчан мансардной крышей во французском стиле. Каждое окно и входная дверь украшены продуманным симметричным орнаментом, что является обязательным требованием для старой федералистской архитектуры.

— Он был построен в 1810 году, что говорит о многом, если учесть, что Парк-стрит была официально проложена только в 1804 году и первоначально называлась Парк-Плейс.

Удивительно.

— Кто его спроектировал?

— Чарльз Булфинч.

Мои глаза расширяются, и впервые я могу оторвать взгляд от дома, чтобы посмотреть на профессора Барклая. Он стоит чуть в стороне, давая мне возможность полюбоваться домом.

— Он проектировал Капитолий штата Массачусетс.

Он кивает, пытаюсь скрыть злорадную улыбку.

— Среди прочих выдающихся зданий. Хочешь экскурсию?

— Да, я хочу экскурсию... — дразняще бормочу себе под нос.

Он прячет усмешку, качая головой, и приглашает меня подняться на крыльцо.

С того момента, как мы входим, становится очевидно, что профессор Барклай уделяет огромное внимание деталям. Никто не хочет жить в доме, построенном в 1810 году, где сохранилась каждая оригинальная пылинка. Оставьте это музеям. Целью профессора было создать искусное сочетание старого и нового, отдавая дань уважения прошлому, и одновременно привести дом в соответствие с современностью, и он с ней справился.

В каждой комнате сохранилась оригинальная столярная отделка, но она была обновлена. В главной гостиной обшитые панелями стены и богато украшенная лепнина в виде короны выкрашены в белый цвет. Оставлен оригинальный камин, обугленные кирпичи которого придают деревенский шарм светлой белой комнате. Удобные кресла окружают журнальный столик из железа и камня, на котором лежат предметы, так и просящиеся в руки: поднос с римскими гравюрами, надежно спрятанный за стеклом, книга о Пикассо, которую любовно носят. В углу комнаты на изящном подиуме возвышается бюст в греческом стиле. Насколько я знаю, это оригинал или ранняя римская копия.

Мы переходим из комнаты в комнату, и с каждым шагом я все больше влюбляюсь в этот дом. Здесь сочетаются предметы антиквариата с новой мебелью и современными произведениями искусства.

Очевидно, что он очень заботится о своем доме. Это, пожалуй, самое далекое от холостяцкой берлоги, что я когда-либо видела, и я говорю ему об этом, как только мы заканчиваем наш обход и возвращаемся на кухню на первом этаже.

Это самая обновленная комната во всем доме. Здесь есть изящная бытовая техника, мраморные столешницы и абстрактная картина с концентрическими кругами, которую я узнаю, но не могу определить.

Профессор Барклай достает две бутылки «Ла Круа» из холодильника для напитков, спрятанного под кухонным островом, и пододвигает одну мне, когда я забираюсь на табурет.

— Некоторые вещи я унаследовал от своих прабабушек и прадедушек, хотя мне действительно нравится охотиться за вещами, когда я нахожу время в Европе.

— Конечно. А кому бы не понравилось? Знаете, я выросла в историческом доме, — говорю я, прихлебывая воду. — Но ничего похожего на этот.

— Расскажи мне. О своем детстве.

Он опирается на локти, и я борюсь с желанием поерзать.

— О... ну, я выросла в Шотландии. Вы знали об этом?

Кажется, он с трудом сдерживает улыбку, когда отвечает:

— Нет, Эмелия. Я почти ничего не знаю о тебе, по крайней мере, ничего о твоём прошлом.

Я киваю.

— Ну, при разводе моей матери с Фредериком ей досталась поместье в Шотландии под названием замок Данлани. Это викторианский замок, построенный в 1228 году.

— Ты шутишь.

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Это правда. Однако умерьте свои ожидания. Это место было лачугой, когда она его купила, и сейчас это лачуга. Как только они развелись, с деньгами стало туго. Ее планы по его восстановлению были уже неосуществимы.

— Но вы все равно там жили?

— Да. Мы закрыли большую часть дома и жили в основном в западном крыле. В доме не было центрального отопления, но было электричество, а водопровод провели еще до того, как мама переехала. В доме достаточно современных удобств для жизни. Правда, посудомоечной машины не было, и стирать приходилось в умывальнике на улице.

Кажется, его это забавляет, поэтому я продолжаю.

— Мать осталась там после того, как я уехала в школу-интернат в Англии. Я приезжала туда на выходные и оставалась всякий раз, когда у нас были длительные перерывы.

— И кто теперь заботится о доме?

Я опускаю взгляд на свой напиток.

— Никто. — Невозможно не почувствовать волну грусти по поводу этого. — Там был садовник, мистер Пармер. Время от времени он проверяет для меня состояние дома, хотя почти десять лет никто ничего не улучшал.

— Ты не думала о продаже?

Мои глаза расширяются в тревоге.

— Нет. Никогда. Это мой дом... место рождения всех детских воспоминаний, которые мне дороги. Кроме того, у меня есть планы. — Я набираюсь смелости посмотреть на него. — Хочу в конце концов завершить реставрационные работы, начатые моей матерью.

— Итак, Данлани — это место, где зародился твой интерес к сохранению архитектуры, — заключает он.

Я киваю.

— А как насчет вас? Вы выросли в историческом доме?

Он улыбается.

— Даже близко нет. Мои родители живут в недавно построенном поместье на винограднике в Калифорнии. Родители владеют винодельней... помимо всего прочего.

Услышав это, все больше кусочков головоломки встают на свои места: его привилегированное воспитание, связь с семьей Мерсье, способность посещать школу, подобную Сент-Джонсу.

— Полярные противоположности, — говорю я, пытаюсь пролить свет на то, что мы происходим из двух совершенно разных миров. — Я не думаю, что вы стирали свои трусики в умывальнике.

Он смеется и качает головой.

— Нет.

Не могу поверить, что сижу здесь и веду непринужденную беседу с профессором Барклаем, когда совсем недавно он шептал мне на ухо мрачные слова. Трудно совместить в нем обе стороны: мужчину в этом прекрасно обставленном доме, где каждая ваза идеально расставлена, каждая картина продуманно развешана, и человека, который скорее злодей, чем герой, и тянет меня в направлении, которое я боюсь исследовать.

— Я хочу знать больше, — говорит он, прислоняясь спиной к стойке напротив меня и скрещивая руки.

Я облизываю губы.

— О чем? Данлани?

— Да. О твоей школе-интернате. Все, что ты хочешь мне рассказать.

— Ну, моя школа-интернат была хорошей, но это был не Сент-Джонс, скажем так.

— Твоя мать была американкой?

— Да.

— Так и где же ее семья?

Разве это не вопрос на миллион долларов?

— Кажется, у меня есть тетя в Айдахо или где-то там, но я не уверена. Моя мать не очень-то вдавалась в подробности, но я точно знаю, что по той или иной причине ей не терпелось оставить свою семью в Штатах. Это одна из причин, по которой она переехала во Францию, чтобы посещать школу. Я не помню, чтобы она когда-нибудь разговаривала со своей семьей по телефону или еще как-то, и я определенно никогда ни с кем не встречалась.

— Я уверен, что это было тяжело.

Мое горло сжимается, и я просто киваю. Что еще можно сказать по этому поводу? Я сирота, у меня нет семьи. Я одинока, и уже так давно, что привыкла к ощущению пустоты.

— Другим людям приходится хуже, — говорю я, отодвигая нетронутую воду.

— Но мы говорим о тебе...

Эмоции — штука привередливая. Печаль так легко превращается в гнев, причем это происходит в мгновение ока. Я ошестиниваюсь от его тона, и вот так периметр, который я держу вокруг своего сердца, становится более непроницаемым, чем когда-либо.

Соскальзываю со стула.

— Я начинаю уставать. Может, пойдем спать?

Он долго смотрит на меня, как бы оспаривая мой уход от разговора, возможно, попытается подтолкнуть меня к откровенности, но затем просто кивает и ведет меня на второй этаж.

Начинает рыться в ящиках в шкафу.

— У меня нет для тебя никакой женской одежды.

— Ничего из вещей Миранды?

Он вкладывает мне в руки мягкую серую футболку и игнорирует мой приступ ревности.

— Этого будет достаточно. Хочешь треники?

Приподнимаю его футболку, чтобы посмотреть, где подол задевает мои бедра. Она будет короткой, но все прикроет.

Спереди написано «Дартмутский факультет». Я почти поддаюсь желанию улыбнуться.

— Подойдет.

Его губы сжимаются в линию, как будто ему не нравится, что я не надену штаны, но придерживает язык.

— Дальше по коридору есть комната для гостей, где под раковиной хранятся туалетные принадлежности. Пользуйся всем, чем захочешь. В шкафчиках в ванной ты найдешь свежие полотенца.

Смотрю через дверцу шкафа в сторону его комнаты.

— Я не останусь здесь с тобой?

Его двуспальная кровать стоит прямо там. Приглашение, если бы оно вообще было.

— Не думаю, что это было бы разумно.

Чуть не спрашиваю его о причине. Потому что не стала отвечать на его вопросы на кухне, потому что отстранилась во время его попытки проникнуть глубже?

Мне, конечно, любопытно, но я не настаиваю. Это похоже на крошечный отказ, и я предпочитаю сохранить лицо, чем раскрыть, что мне больно от того, что он засовывает меня в какую-то спальню для гостей, как будто предпочел бы избавиться от меня совсем.

— Хорошо. Тогда спокойной ночи.

Выходя из комнаты, я не оглядываюсь на него. Что тут можно сделать? Поцеловать его в щеку? Обнять? Боже милостивый, не могу себе представить, что бы он сделал, если бы я попыталась обнять его. Напряжется? Погладит меня по голове?

Лучше мне этого не знать.

Он верен своему слову, гостевая комната соответствует королевским запросам. Я долго принимаю душ, пробуя все, что есть в ванной комнате: роскошное мыло для лица, средство для мытья тела и увлажняющий крем, и многое другое. Подумываю о том, чтобы положить понравившиеся средства в сумочку, чтобы взять их с собой утром. Увлажняющий крем особенно соблазнителен из-за того, насколько приятно ощущается на коже.

Сушу волосы и иду в спальню, где нахожу свои свежестыренные трусики, ожидающие меня на кровати поверх пары сложенных спортивных штанов. Должно быть, он зашел за ними и постирал на быстром режиме, пока я принимала душ, что кажется странно интимным. Капризный любовник обычно не занимается стиркой, по крайней мере, насколько я знаю, хотя в свое время у меня было не так уж много любовников. Ни одного, кроме профессора Баркляя, и я бы покраснела, назвав его так в лицо.

Одеваюсь, оставляя спортивные штаны в стороне, затем слышу его голос, доносящийся из коридора. Он, должно быть, разговаривает по телефону, и, хотя я должна позволить ему уединиться, мое любопытство берет верх.

Я не выхожу из своей комнаты, поэтому могу убедить себя, что не делаю ничего плохого, но стою у двери, прислушиваясь к его голосу.

— От них с самого начала были одни неприятности. Весь офис, похоже, одержим идеей продлить этот проект еще на три года.

Хмурюсь от того, насколько он взвинчен.

— Нет. Я лучше сам разберусь, — продолжает он. — Вылетаю первым делом утром. Это займет всего день или два. Посмотрю, сможет ли Кэндис связаться с Блейком, чтобы договориться о встрече. Чем раньше, тем лучше, чтобы это не затягивало дело.

Мое сердце сдувается, как воздушный шарик, когда я отхожу от двери.

Итак, он уезжает утром. В этом нет ничего особенного, пытаюсь я себя уверить.

Тогда почему мне так необъяснимо грустно?

Полагаю, все дело в этой комнате. Она шикарная, хорошо укомплектованная, роскошная, но в то же время холодная и пустая. Я наполняю ее совсем немного, когда подхожу к кровати и откидываю покрывало.

У меня нет ни книги, ни Kindle, нечем развлечь себя, пока лежу и смотрю в темный потолок. Я концентрируюсь на городском шуме, проникающем с улицы, хотя, учитывая наше местоположение, он на удивление минимален. Профессор Барклай позаботился о том, чтобы шум и неудобства были сведены к минимуму.

Сон не приходит. Я так долго ворочаюсь с боку на бок, что это начинает раздражать. Подумываю прокрасться на кухню и перекусить или порыться в книжных полках, которые видела в гостиной, в попытке найти роман, который привлек бы мое внимание, но чувствую, что и то и другое было бы неправильно. Я остановилась в гостевой комнате профессора Барклая, но чувствую себя не гостем, а незванным гостем.

Мне просто следовало уйти раньше, а не принимать его приглашение остаться на ночь. Когда он поселил меня в эту комнату, это должно было послужить сигналом для моего ухода.

Проверяю время и вижу, что сейчас 3:19 утра. Слишком поздно идти домой.

Настраиваюсь на долгую беспокойную ночь и начинаю задаваться вопросом, добрался ли профессор Барклай до постели или работа задержала его. Интересно, спит ли он крепким сном, забыв о моем присутствии?

Какая-то часть меня хочет, чтобы он пришел пожелать мне спокойной ночи перед сном и чтобы ему захотелось увидеть меня еще раз, потому что он не смог устоять. Но ни стука, ни звука по ту сторону двери нет.

Сажусь и сбрасываю одеяло, злясь на ночь за то, что она так долго тянется. Просто закончилось уже. Либо поднимай солнце, либо дай мне поспать.

Больше ни секунды не могу оставаться в этой комнате.

Подхожу к двери и поворачиваю ручку, не имея в голове четкой цели. Я могу спуститься перекусить или поискать книгу, но ноги сами несут меня в противоположный конец коридора, где приоткрыта дверь спальни профессора Барклая.

Воспринимаю это как приглашение, независимо от того, так это или нет.

Глава 27

Эмелия

Прижимаю ладонь к двери и широко распахиваю ее, тихими шагами прокрадываясь в комнату и радуясь лунному свету, просачивающемуся сквозь задернутые шторы. Света достаточно, чтобы направить меня к кровати, где он лежит без рубашки и спит на животе, засунув руки под подушку. Он отвернулся от меня, так что его лицо — лишь тень. Мой взгляд следует по буграм накачанных мышц вниз по его спине к слегка сужающейся талии. Одеяло сбивается вокруг верхней части его боксеров.

Он прекрасен, полуобнажен и лежит так, что напоминает скульптуру эпохи Возрождения: контуры, долины и склоны манят меня.

Делаю нерешительный шаг вперед и протягиваю руку, чтобы провести ею по его спине, едва касаясь кожи кончиками пальцев. Мои намерения туманны. Я бы предпочла не беспокоить его, но ничего не могу с собой поделать. Никогда не видела его без рубашки. У меня определенно никогда не было такой свободы.

Он не шевелится, когда я провожу рукой по его лопаткам и напряженным мышцам. Такой резкий контраст между гладкой кожей и твердыми мышцами. Я бы продолжила свой путь еще дюжину раз, но, когда мои пальцы нежно зарываются в его волосы, он внезапно поворачивается и хватается меня за запястье, захватывая в плен. Если я и думала убежать, то теперь у меня нет никаких шансов.

Вскрикиваю от удивления, но он не отпускает меня.

В его глазах нет и намека на сон. Голубой взгляд напряженный, а не вялый, что наводит меня на мысль, что он либо вообще не спал, либо проснулся, как только я вошла в комнату.

Он не спрашивает меня, что я делаю рядом с его кроватью. А хватается меня за запястье, тянет вниз.

Отодвигается и освобождает место, усаживая меня в центр кровати и окутывая своим теплым телом. Его руки приглашают меня в его комнату, в то время как рот накрывает мой и просит остаться.

Я не стесняюсь, по крайней мере, при лунном свете.

С жаром целую его в ответ, раздвигая губы и бедра, подаваясь навстречу, когда он прижимается ко мне, вдавливая меня в мягкий матрас своим твердым телом. Я плавлюсь, как пластилин в руках ребенка, податливая игрушка.

Мои губы уже кажутся разбитыми. Его поцелуи почти карающие, как будто он вымещает на мне свой гнев. Он нетерпелив и голоден. В своих фантазиях я представляю, как он лежал здесь, скучая по мне и жалея, что отослал меня в комнату в конце коридора. Представляю, как он страстно целует меня, потому что хочет наверстать упущенные часы, вернуть близость, которую мы почти утратили. Его истинные мотивы я никогда не узнаю.

Его рот скользит вниз по моей шее. Зубы впиваются мне в затылок, и я стону, глубоко и кровожадно. Мои ногти впиваются в его кожу.

— Профессор...

Он отстраняется и смотрит на меня, тяжело дыша.

— Джонатан, Эмелия. Зови меня Джонатан.

Отвечаю отказом, но на самом деле я не могу.

Ему нравится мое сопротивление. Его руки берут подол моей одолженной футболки и начинают задираť ее вверх, обнажая сначала трусики, а затем пупок, живот, грудную клетку, грудь.

Он смотрит на меня в тусклом свете, на мгновение замороженный, прежде чем наклониться и взять в рот сначала одну грудь, затем другую, с жадностью пробуя их на вкус. Он обхватывает губами кончик и посасывает в течение секунды, прежде чем сделать это снова, прикусывая до тех пор, пока я не шиплю, и моя спина не выгибается дугой на кровати. Затем он нежно целует их, помечая мою кожу и заставляя ее покраснеть.

На прикроватной тумбочке раздается сигнал будильника на телефоне, и я вздрагиваю.

— Черт, — ругается он себе под нос и наклоняется, чтобы выключить звук.

У меня все еще звенит в ушах, даже когда в комнате становится тихо.

— Ты всегда ставишь будильник на середину ночи?

— Мне нужно успеть на рейс в шесть утра.

Похоже, он глубоко раздосадован, но это ничего не меняет. Ему нужно идти, и моя нагота внезапно кажется глупой. Жаль, что я не могу натянуть одеяло и спрятаться под ним. Довольствуюсь тем, что натягиваю вниз футболку.

— Это проект в Цинциннати... Мне нужно уладить несколько неотложных вопросов, но я не должен отсутствовать дольше двух-трех дней. Надеюсь, что вернусь в Бостон не позже вторника.

Я уже отстраняюсь, не в силах поддерживать зрительный контакт, когда выскальзываю из-под него и подтягиваю колени к груди.

— Хорошо.

— Я собирался разбудить тебя перед уходом.

Киваю, давая понять, что это было бы прекрасно. В конце концов, это не было неожиданностью. Я знала, что он уезжает. Не уверена, почему это все еще беспокоит меня.

— Это к лучшему. Немного времени, чтобы остыть.

Он протягивает руку, чтобы взять меня за подбородок.

— Это не то, чего я хочу.

Я вздрагиваю от его смелого заявления, но не говорю ни слова.

Начинаю вставать, но он качает головой.

— Останься. Поспи. Мне нужно принять душ и закончить собирать вещи.

Остаюсь на месте, а он вздыхает и соскальзывает с кровати.

Не думаю, что удастся заснуть, если он ходит практически голый, слышу воду в душе, стук флаконов с шампунем и кондиционером, жужжание электробритвы. Это последнее, что я помню, прежде чем сон наконец настигает меня. Я провалялась в отключке несколько часов, очнувшись только тогда, когда луч света, пробивающийся сквозь шторы, идеально лег на мое лицо.

Быстрый взгляд на прикроватные часы говорит мне, что я сильно проспала. Одиннадцать утра, не могу припомнить, чтобы вставала так поздно со времен старшей школы.

В доме профессора Барклая мертвая тишина, и я снова чувствую себя незванным гостем. Сажусь на край кровати, свесив ноги, и оглядываюсь вокруг, стараясь не двигаться и не нарушать тишину, как будто кто-то может узнать.

Его пиджак лежит сложенным на спинке стула у окна. Спортивная сумка висит на ручке дверцы шкафа. Оглядываюсь на неубранную постель и поддаюсь порыву наклониться и уткнуться лицом прямо в середину подушки профессора Барклая. Наполняю свои легкие его запахом, и он пьянит, как наркотик. Успокаиваюсь до состояния гипноза. Я остаюсь в таком положении, лежа на его подушке и окруженная им, пока живот не урчит слишком много раз.

Я должна выбраться из его постели, но знаю, что в тот момент, когда сделаю это, мне придется покинуть его дом.

Он ни разу не пригласил меня остаться здесь, пока его не будет. Разрешить мне поспать — это одно, разрешить вторгнуться в его пространство — совсем другое.

Неохотно встаю и как можно аккуратнее застилаю его постель, когда с этим покончено, иду прямо в комнату для гостей, чтобы переодеться и собрать свои вещи. Как будто я боюсь, что камеры следят за каждым моим движением. Не хочу, чтобы он подумал, что я злоупотребляю его личным пространством, роясь в его вещах и просматривая фотографии и сувениры. Переодевшись во вчерашнюю одежду, складываю его футболку и кладу ее на край кровати, а затем, не найдя предлогов задержаться, иду к входной двери, где оставила сумочку и туфли.

Профессор Барклай оставил визитную карточку вместе с моими вещами, а также ключ от дома и записку.

«Запри дверь».

Провожу пальцем по рельефным буквам его имени на визитке: Джонатан Барклай.

Я не сохраняю номер в телефон. Кладу визитку в сумочку и плотно закрываю ее, не уверенная, что с ней делать.

Выйдя на крыльцо, убеждаюсь, что дверь заперта, делаю три шага вниз, а затем возвращаюсь назад, чтобы еще раз убедиться. Ключ от дома кладу в сумочку рядом с визиткой, чтобы вернуть, когда он вернется из Цинциннати.

Остаток выходных провожу с пользой. Совершаю долгие, неторопливые прогулки. Звоню Соне. В субботу вечером готовлю изысканное блюдо с равиоли, на которое у меня уходит несколько часов. Нарезаю равиоли вручную и посыпаю их сыром рикотта, а затем добавляю домашний соус на основе водки. Еда вкусная, но к тому времени, когда тарелка готова, я уже не так голодна, потому что перекусываю во время приготовления. В воскресенье утром дочитываю книгу, последнюю часть добиваю в кафе. Мой миндальный

круассан закончился, когда я дочитывала последнюю страницу, и тогда я осталась с пустой тарелкой, мне больше не на что отвлекаться.

Всякий раз, когда импульс становится слишком сильным, я достаю из сумочки визитную карточку профессора Барклая, чтобы покрутить ее в руках и прочитать. Неважно, что я не сохраняю его номер в телефоне, теперь я знаю его наизусть.

В воскресенье днем я пишу Александру сообщение и спрашиваю, не хочет ли он встретиться за ужином.

Я не ожидала, что он окажется свободен: модные люди никогда не бывают свободны. Но он готов к встрече и хочет, чтобы мы увиделись в маленькой бургерной в десяти минутах езды от моей квартиры.

В кои-то веки я не стала наряжаться для встречи с ним. Надеваю джинсы и белую рубашку, подправляю макияж и выхожу.

Это приятная прогулка, в воздухе официально чувствуется осень. На улице около шестидесяти градусов, и, учитывая ветерок, мне бы не помешал кардиган, но, гуляя на солнце, я достаточно быстро согреваюсь.

Чувствую запах ресторана раньше, чем вижу его. От этой квинтэссенции бургеров на гриле и картофеля фри у меня слюнки текут.

Александр ждет меня на улице вместе с Эмметом.

К моей чести, я даже не вздрагиваю, когда замечаю его, и это хорошо, учитывая, что Эммет наблюдает за мной. Он явно ждет меня, и не уверена, что чувствую по этому поводу. Может, они уже планировали встретиться, а я просто сопровождающий? Хочет ли он, чтобы я была здесь?

Оба брата одеты в джинсы, более нарядные, чем я когда-либо видела. Они также носят бейсбольные кепки, и я не уверена, то ли это для того, чтобы не привлекать к себе внимания, то ли это просто подходит для ресторана.

— Эмелия! — Александр широко улыбается, когда я подхожу к ним. Он делает шаг вперед и, как всегда, обнимает меня.

С облегчением я обнимаю его в ответ, прежде чем отойти и посмотреть в сторону Эммета. Я последую его примеру. Если он хочет вести себя хорошо, то я тоже буду.

Он наклоняет голову в знак приветствия.

— Эмелия. Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо.

Александр ухмыляется.

— Посмотрите на это! Прогресс!

Я закатываю глаза, и Эммет делает то же самое, что только еще больше радует Александра.

— Пойдем, — говорит он мне. — Тебе понравится это место. Лучшие бургеры в городе.

Эммет придерживает для меня дверь, и я благодарю его, проходя внутрь. Александр не шутил, говоря, что это «маленькая» бургерная. Это настоящая дыра: рваные красные виниловые кабинки, плохое освещение, обшитые деревянными панелями стены, увешанные подписанными долларовыми купюрами, фотографиями, крышками от бутылок.

Мы встаем в очередь у стойки, чтобы сделать заказ, и я читаю выцветшее меню на меловой доске, висящей на стене над кассой, когда Эммет наклоняется ко мне.

— Возьми классический бургер. Это лучшее, что у них есть.

— Хорошо, спасибо.

Наступает наша очередь делать заказ, и кассир спрашивает, будет ли все оплачено по одному счету. Я открываю рот, чтобы объяснить, что буду платить отдельно, и Александр с Эмметом смотрят на меня, как на сумасшедшую.

— Хорошо, — поддразниваю я, убирая бумажник обратно в сумочку. — В таком случае я еще возьму шоколадный коктейль.

Александр улыбается.

— Пусть будет три.

Мне предоставлена привилегия выбирать столик. Я нахожу кабинку в углу, которую еще не убрали после предыдущих посетителей, но в ресторане так много народу, но мы не беспокоимся о том, чтобы кого-нибудь предупредить. Эммет хватает несколько салфеток, и мы вытираем стол сами, прежде чем занять свои места: я и Александр с одной стороны, Эммет с другой.

— Я удивлена, что ты выбрал это место, — говорю я Александру.

Он кивает в сторону своего брата.

— Эммет познакомил меня с ним.

Мои брови должны быть в волосах. Эммет пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного.

— Я люблю хорошие бургеры.

Конечно, но я бы предположила, что ему понравится хороший бургер, приготовленный шеф-поваром, отмеченным звездой Мишлен, деконструированный и посыпанный микрозеленью, и я не стесняюсь сказать ему об этом.

Он почти улыбается.

— Я не такой сноб, как ты думаешь.

Наши молочные коктейли доставляются раньше бургеров, но никто не жалуется. Я зачерпываю кусочек взбитых сливок, когда Александр спрашивает.

— Куда ты ушла в пятницу? Я поздоровался с тобой, когда ты только пришла, потом меня кто-то отвлек, а когда снова пошел на поиски, тебя уже не было.

— О... я была очень уставшей. И рано ушла.

— Джонатан тоже, — добавляет Эммет, невинно опуская вишенку в рот. — Я звонил ему сегодня, но он не ответил. Ты не видела его, да, Эмелия?

Вспоминаю, как он застукал нас с профессором Барклаем в компрометирующей позе в коридоре, и стараюсь не краснеть.

Сосредоточенно смотрю на свой молочный коктейль.

— Эмм... он в Цинциннати по работе.

— О, знаешь что? — говорит Александр, выскакивая из кабинки. — Мне нужно очень быстро помыть руки. Я скоро вернусь.

И вот он, самый неловкий момент, когда-либо зафиксированный: мы с Эмметом наедине в кабине, лицом к лицу, но не смотрим друг другу в глаза.

Я тянусь за водой и делаю глоток, глоток, глоток.

Эммет проверяет свой телефон.

Я оглядываю оживленную кухню, пытаюсь понять, работают ли они уже над нашими бургерами или мы еще долго будем сидеть здесь, в чистилище.

— Полагаю, мне следует начать с извинений.

Я удивленно смотрю на него в ответ.

— Ты полагаешь?

Он выдыхает, как будто раздражен, а затем откидывается на спинку стула, изучая меня.

— Я сожалею о том, что сказал тем вечером.

— Это... порядочно с твоей стороны.

— Да, но будь уверена, что «порядочный» — это не то слово, которым меня часто характеризуют.

— Без обид, но я понимаю почему. Ты действительно воздвиг стену, не так ли?

— Это не стена. Это то, кто я есть. — Его голос тверд, как камень.

Если бы я была умнее, то действовала бы с осторожностью, но этот разговор настолько честный и редкий, что не хочу отступать сейчас. Кроме того, до сегодняшнего вечера я уже смирилась с тем, что никогда больше с ним не заговорю. Мне кажется, что я ничего не теряю, если продолжу идти по этому пути, даже рискуя обидеть его.

— Это... прискорбно.

Его короткий смешок прерывается покачиванием головы. Он снова спокойный.

— Какие бы проблемы ни были у меня с твоей матерью, это не связано с тобой. Я больше не буду смешивать эти два понятия.

Даже спустя столько лет в его словах звучит гнев, и я не могу не спросить.

— Так ты действительно веришь, что моя мать была причиной развода твоих родителей?

Он вздыхает и оглядывает комнату, как будто эта тема слишком тяжела для обсуждения, особенно в такой обстановке, но я затрагиваю этот вопрос, и теперь он вынужден отвечать или игнорировать меня. Он так долго думает над этим, что я пожимаю плечами и уже собираюсь перейти к заполнению тишины разговорами о гамбургерах, картошке фри, еще о чем-то, но тут он удивляет меня.

— Фредерик Мерсье сложный человек. Большинство людей не захотели бы сидеть напротив него в зале заседаний, не говоря уже об обеденном столе. Мое детство было, мягко говоря, интересным, и единственное утешение я находил в объятиях моей матери. Она была щитом от моего отца, хотя должен внести ясность: он не был жестоким, по крайней мере, физически. Тем не менее в детстве я отождествлял счастье и покой с матерью, поэтому, когда мне было пять лет, и Фредерик объявил, что они разводятся, я был в ярости. Этот развод сломал ее.

— Мне очень жаль.

Он не принимает моих извинений, прежде чем продолжить.

— И когда три месяца спустя мой отец сказал, что женится на другой, я мог только предположить, что он хотел, чтобы эта женщина заменила мне мать. Вооружившись лишь тем, что узнал из детских сказок, я представлял себе эту новую мачеху так, как представил бы любого большого злого монстра: с оскаленными зубами, ядовитым укусом и длинными острыми когтями.

Его глаза, наконец, встречаются с моими, и за его взглядом скрывается конфликт, война.

— Но я так и не встретил Кэтлин. И не узнал, была ли она той злодейкой, какой я ее себе представлял. Мой отец женился на ней и никогда не оглядывался назад, по крайней мере, до тех пор, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы быть полезным для его компании.

Сию и слушаю его признание, пытаюсь сопоставить его с тем, что знаю об отношениях моей матери и Фредерика. Она начала встречаться с ним, когда он еще был женат? Имеет ли это вообще значение сейчас?

Не создавай проблем раньше времени.

Трудно не смотреть на Эммета по-другому после того, что он мне только что рассказал, не видеть грустного, сердитого мальчика, похороненного внутри этого мужчины-зверя.

Я хотела затаить на него злобу, но это бесполезно.

Мы с ним похожи больше, чем я хочу признать. Наше детство не было одинаковым, но общая нить настолько задевает струны моего сердца, что все наши разногласия уже не кажутся такими уж важными.

— Простите, что я пропустил? — говорит Александр, пододвигаясь, чтобы занять свое место рядом со мной.

Эммет молчит, его темные брови нахмурены, когда он смотрит на переполненный ресторан.

— Ничего, — отвечаю я, избавляя Эммета от необходимости отвечать брату. — Просто... мило беседуем.

— Серьезно?

— Да. Теперь мы все можем быть одной большой счастливой семьей, — говорит Эммет с явным сарказмом.

— Я куплю нам всем одинаковые браслеты, — добавляю я.

Эммет смотрит на меня, и, хотя мы не протягиваем друг другу руки, но все равно кажется, что нам удастся прийти к какому-то соглашению. Мы можем существовать вместе, быть вежливыми, и кто знает... может быть, со временем все изменится к лучшему.

Глава 28

Эмелия

В понедельник утром я с головой ухожу в работу. Приятно осознавать, что профессора Барклая нет в офисе и, следовательно, он не может отвлекать, и легко сосредоточиться, ведь в среду нам предстоит важная презентация. В то время как инженерные и архитектурные команды усердно работают над решением проблемы фундамента в Белл-Хейвене, команда по сохранению архитектуры трудится над каталогом материалов.

Мы далеки от того, чтобы учесть весь дом, но инженеры хотят получить обновленную информацию как можно скорее, чтобы иметь представление, с чем нам придется столкнуться, если мы планируем поднять эту громадину с земли для замены фундамента. В среду мы представим то, что у нас есть.

Наиболее важные элементы, которые необходимо учесть, это те, которые мы не можем легко повторить или заменить, по крайней мере, в такой степени, чтобы убедительно имитировать то, что уже существует в Белл-Хейвен. Например, на кухне есть большой эркер, состоящий из трех витражей, которые в сочетании образуют большую фреску. Мы знаем, что витраж выполнен студией Tiffany, скорее всего, самим Луи Комфортом, между 1905 и 1915 годами, поскольку стрекозы, изображенные на нем, выпускались стекольной компанией только в этот десятилетний период. Несмотря на незначительные повреждения, окна в основном сохранились в первозданном виде. По оценкам экспертов, в основном из Christie's и Sotheby's, если эти три панели будут выставлены на аукцион, то их стоимость превысит два миллиона долларов, а некоторые сомневаются, что они будут проданы меньше чем за три. Было бы нелепо, если бы они были повреждены во время работ по ремонту фундамента, и это лишь один из бесценных артефактов, которые мы пытаемся спасти в координации с другими командами в «Бэнкс и Барклай».

Во вторник вечером я задерживаюсь на работе почти до семи, дорабатывая детали своей части презентации. Мы передаем друг другу флеш-накопители, чтобы получить самые свежие файлы, и добавляем их в свои разделы по ходу работы. Это не самая эффективная система, и Хьюго постоянно ворчит, что мы застряли в каменном веке.

Льюис выходит из своего кабинета и запирает дверь.

— Эмелия, что бы ты ни делала, это, вероятно, не так уж важно.

— Так и есть, — заверяю я его, наклоняясь ближе к экрану своего компьютера, потому что мои глаза слегка затуманились оттого, что я весь день пялюсь на пиксели.

— Хорошо, тогда заканчивай и отправляй файл в типографию — он нужен им до 19:30. Не забудь.

— Не забуду, — говорю я, на самом деле не обращая внимания.

— Тогда иди домой. Поужинай. Отдохни.

Он не понимает. Я пока не могу сделать перерыв. На данный момент я не добавляю новый контент, а подправляю мелкие важные детали. Например, два слайда назад обнаружила картинку, которая не была идеально отцентрирована по отношению к остальным, а в тексте, который Хьюго добавил сегодня, было две опечатки.

— Обязательно, — заверяю я его. — Во сколько я должна завтра забрать из типографии скрепленные буклеты?

— До восьми, иначе ты не успеешь на встречу.

— Поняла.

Он еще раз говорит мне идти домой, а потом уходит, и я остаюсь одиноким рейнджером в темном офисе, работающим в своей кабинке. Я просматриваю презентацию

еще дважды, а затем отправляю ее по электронной почте в типографию к 19:26. Фух. Откидываюсь на спинку стула, обмякая от облегчения. Затем осознаю абсолютный беспорядок, который представляет собой поверхность моего стола, поэтому, прежде чем уйти, уделяю своему будущему «я» несколько минут на уборку. Некоторые обвинили бы меня в том, что я оттягиваю неизбежное.

Он не появится сегодня.

Я знаю это.

И не задерживаюсь допоздна только для того, чтобы профессор Барклай, выйдя из лифта, застал меня за рабочим столом, послушно работающей. Мне небезразлична эта работа. Мне не все равно, но я была бы очень рада, если бы он вернулся из Цинциннати сегодня.

На следующее утро я попадаю в ловушку, просыпаюсь так рано, что мне кажется, что могу не спеша собраться, но в итоге выбегаю из квартиры позже обычного. Приходится брать Uber, и вот уже 1 минута девятого, когда я захожу в типографию и звоню в звонок на ресепшене. Динь! Из подсобки, где на полную мощность работают промышленные печатные машины, выходит пожилой мужчина. Он вытирает испачканные чернилами руки о зеленое полотенце, улыбается и кивает мне.

— Доброе утро. Я здесь, чтобы забрать заказ для «Бэнкс и Барклай». 40 цветных буклетов, сверстанных и переплетенных. Заказ мог быть оформлен на Льюиса или на «Бэнкс и Барклай». Возможно, они даже оформили его на мое имя, Эмелия Мерсье.

Он хмурится и включает свой компьютер щелчком мыши, хватая очки, которые лежали у него на лбу, и опуская их на кончик носа, чтобы лучше видеть экран.

— Сейчас я проверю свою электронную почту, — говорит он без особой надежды в голосе. — Не помню, что собирал этот заказ сегодня утром.

Я издаю короткий нервный смешок.

— Уверена, что собирали. Я отправила его вчера вечером. И трижды проверила адрес электронной почты, чтобы убедиться, что все сделала правильно и отправила его по электронной почте в 19:26, чтобы успеть к 19:30.

Он вздыхает и бросает на меня сочувственный взгляд из-за очков.

— Вот в чем ваша проблема. Заказы на ночную печать принимаются до 18:30, а не 19:30.

Мое сердце замирает.

— Что вы имеете в виду?

Он возвращает очки на макушку, чтобы его синие глаза могли дать мне хоть какое-то утешение.

— Видите ли, я не могу обеспечить печать заданий, отправленных после 18:30. Я завален работой. Однако вижу ваш электронный адрес и могу доставить эти буклеты сегодня к пяти часам вечера.

Мой голос высокий и пронзительный, когда я отвечаю.

— Это не поможет. У меня встреча через тридцать минут.

Снова этот жалостливый хмурый взгляд. Как будто он знает, что из-за этого на кону моя работа. Сколько тупиц стояло там, где стою я? Достаточно того, что этот парень, похоже, ничуть не удивлен сложившейся ситуацией.

Клянусь, что слышала, как Льюис сказал, что надо успеть до 19:30, но опять же, я не обращала особого внимания. И не знаю наверняка, была ли это моя ошибка или его, и я не могу подойти к своему боссу и обвинить его в том, что он указал мне неправильное время. Это свалится мне на голову, я знаю.

— Мне жаль, — говорит печатник, качая головой. — Я еще не закончил. Хотелось бы. Но я с удовольствием возьмусь за дело, и к пяти часам буклеты точно будут у вас.

Наконец-то мои манеры начинают действовать. Этот человек не несет ответственности за мою ошибку. Сколько бы дерьма я ни поймала, это не его вина.

— Нет. Спасибо... все в порядке. Извините, что перепутала время.

Я могу заплакать. Выплакаться полезно. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. Я повторяю это заклинание про себя, пытаюсь как можно быстрее добраться до офиса. Конечно, пробки просто кошмарные, и в итоге я прерываю поездку в Uber, даю водителю чаевые, извиняюсь, а затем со всех ног пробегаю последние несколько метров до здания «Бэнкс и Барклай».

Чуть не пробегаю мимо охраны, и охраннику приходится кричать, чтобы я вернулась и предъявила свой пропуск. Его укоряющий взгляд никак не помогает обуздать мое беспокойство.

Все время, пока ехала в Uber, я пыталась дозвониться до кого-нибудь в офисе, предупредить о буклетах как можно скорее, но никто не отвечает на звонки, а у меня нет ни одного прямого номера, сохраненного в телефоне. Заходя в лифт, я снова пытаюсь дозвониться по основной линии, но как только двери закрываются, звонок обрывается.

Делаю глубокие прерывистые вдохи, пытаюсь справиться со своими эмоциями в меру возможностей. Выйдя из лифта на седьмом этаже, я обнаруживаю, что моя команда столпилась вокруг конференц-зала, явно ожидая меня.

Льюис подбегает с облегчением на лице.

— Покажи мне буклеты, — говорит он, махая рукой, чтобы я передала их.

— Я пыталась вам дозвониться...

Он смотрит на мои пустые руки и сумку, которая слишком мала, чтобы вместить 40 переплетенных буклетов.

— Я... я не отправила файл в типографию вовремя. Вы же сказали, что у меня есть время до 19:30, но...

— У вас нет буклетов?

Его глаза расширяются в панике, что только заставляет меня паниковать еще больше.

— Они не были готовы.

Он подходит на дюйм ближе и понижает голос.

— Все ждут в конференц-зале, Эмелия.

— Я могу пойти и распечатать их прямо сейчас. Просто... Я могла бы воспользоваться принтером, а потом быстро скрепить все степлером...

Мой голос затихает, когда он сжимает переносицу и качает головой. Я вздрагиваю, когда он ругается.

— Нет времени. Пошли.

Он уходит, оставляя меня, в то время как остальная часть моей команды смотрит на него. Хьюго и Мира бросают на меня сочувственные взгляды, но это все. Все остальные следуют примеру Льюиса. Раздраженные взгляды трудно игнорировать, когда я быстро складываю вещи на стол и следую за всеми в конференц-зал, где, конечно же, сидит и ждет вся команда «Белл-Хейвен». Я прихожу на совещание последней.

Бросаю взгляд в сторону длинного стола для совещаний, зная, что там найду. Профессор Барклай вернулся. Он сидит рядом с мистером Бэнксом, и, хотя они тихо разговаривают, он не пропускает моего появления. Наши глаза встречаются на долю секунды, мое сердце готово разорваться, а затем я отвожу взгляд, осознавая тот факт, что едва держу себя в руках. Уверена, что у меня слезятся глаза и покраснело лицо. Мои руки сжаты в кулаки по бокам. Не хочу быть здесь. Не хочу терпеть эту встречу, и больше всего я хочу, чтобы его здесь не было, и он не стал свидетелем моего провала.

Пока Льюис начинает говорить, команда специалистов по охране архитектуры сгруппировалась в углу у входа. Он не теряет времени, чтобы бросить меня под автобус. Поблагодарив всех за участие, он извиняется за то, что мы будем работать только с цифровой составляющей презентации, выведенной на монитор за его спиной.

— Один из членов нашей команды не успел вовремя получить распечатанные буклеты, и, хотя это не удобно, если вы будете следить за презентацией, мы справимся.

Не упускаю из виду, что Инес отступает от меня на полшага, словно пытаюсь дистанцироваться от моего недоразумения.

Тонкие уколы не прекращаются. В течение пятнадцати минут Льюис заставляет меня чувствовать себя только хуже.

— Вы могли бы лучше разглядеть это, если бы буклет был перед вами, но я говорю об этих окнах, и в буклете у нас была фотография, которой здесь нет, и на которой вы могли бы увидеть детали этой части наружного камня.

Все это время моя голова опущена от стыда.

Затем начинается самое интересное: каждый член команды по сохранению архитектуры по очереди выходит на сцену, чтобы рассказать о своей части презентации. Например, Хьюго назначен ответственным за атриум в передней части дома. Он рассказывает о некоторых проблемах, с которыми мы сталкиваемся при работе со стеклянным потолком и железными конструкциями. Мира рассказывает о парадной лестнице и фойе. Я освещаю стеклянные окна от Тиффани и ужасно нервничаю, когда Мира отходит в сторону и позволяет мне протиснуться вперед, так что все взгляды устремлены на меня. Даже в хороший день я бы нервничала, выступая перед залом, заполненным таким количеством важных людей. Сегодня же меня почти парализовало.

— Далее я буду говорить об окнах в комнате для завтрака.

— Говорите громче, пожалуйста, — говорит кто-то.

— Эм...

Мое горло сжимается так сильно, что мне приходится выдавливать каждое слово, пока я продолжаю. Эмоции видны в каждом дрожащем слого.

— Я... я сказала, что окна от Тиффани, которые вы видите здесь, являются самой важной деталью в восточном крыле дома.

— Они тебя не слышат, Эмелия, — упрекает Льюис.

Изо всех сил стараюсь сохранить самообладание, когда слеза скатывается по моей правой щеке. Я поворачиваюсь, чтобы спрятать ее, но от этого всем становится только труднее меня услышать.

— Окна...

Льюис подходит и кладет руку мне на плечо, оттаскивая меня назад, чтобы он мог закончить мою часть презентации. Его гулкий голос вибрирует во мне, когда я отступаю за спины всех остальных, укрываясь за ними и смахивая слезы, которые теперь свободно текут по моим щекам.

Я только усугубляю ситуацию, ругая себя за то, что не сдержалась перед всеми на работе.

Когда собрание заканчивается, я с облегчением подаюсь вперед, немедленно поворачиваясь к двери, чтобы убежать, но затем слышу голос профессора Барклая, перекрывающий все остальные разговоры.

— Льюис, ты останешься на минутку. И Эмелия тоже.

Мое сердце болезненно колотится в груди, когда я жду, пока конференц-зал опустеет. Мира успокаивающе гладит меня по руке и держится в стороне, сколько может, но в конце концов ей тоже приходится уйти.

Когда мы остаемся вдвоем, смотрю в сторону Льюиса. Его самодовольное выражение лица в точности говорит мне о том, что, по его мнению, сейчас произойдет.

Профессор Барклай обходит стол зловещими шагами, подходит и встает передо мной, поворачиваясь к Льюису и становясь непроницаемой стеной между мной и моим непосредственным начальником.

Стоя спиной ко мне, он обращается к Льюису.

— Я едва смог высидеть эту презентацию. То, что вы только что сделали... — он качает головой, словно пытаюсь успокоиться. — Хочу прояснить, что я не допущу, чтобы хоть с одним сотрудником этой компании обращались так, как вы только что обошлись с мисс Мерсье. Вы поняли?

Его тон не оставляет места для споров. Глаза Льюиса расширяются от шока. Очевидно, он не ожидал, что гнев профессора Барклая будет направлен на него.

— Теперь, что касается буклетов, которые ваша команда не смогла предоставить... — он снова поворачивается ко мне и спрашивает. — Эмелия, ваш непосредственный руководитель отправил их в печать?

Сначала колеблюсь, не желая злить Льюиса, но профессор Барклай снова произносит мое имя, на этот раз более настойчиво, и я качаю головой.

— А ваш руководитель — это Даг, верно? Даг или Льюис проверяли вчера вечером и убедились, что буклеты были отправлены в типографию к нужному времени?

Я снова качаю головой.

— А сегодня утром Даг или Льюис связывались с типографией, прежде чем вы пришли забрать буклеты?

— Нет.

— Это было всего лишь задание на печать, — раздраженно говорит Льюис. — Не так уж и важно.

Профессор Барклай резко поворачивается к нему лицом.

— Вот именно, и все же ты заставил Эмелию чувствовать себя дерьмово из-за этого перед всей компанией.

Его голос звучит так злобно, что я удивляюсь, как Льюис не съеживается от страха. Однако его щеки краснеют, и я отвожу взгляд, пытаюсь выказать ему хоть каплю уважения, хотя сегодня утром он не оказал мне такой же любезности.

— Это была простая ошибка, допущенная новым сотрудником. Я ожидал от вас большего.

Льюис тяжело выдыхает.

— Понятно. — Он смотрит на меня, и выражение его лица смягчается. — Эмелия, я приношу свои извинения. Стресс доконал меня.

— Я... все в порядке.

И так оно и есть. Я просто хочу, чтобы все это поскорее закончилось. Хочу притвориться, что этого никогда не было.

Льюис почтительно кивает профессору Барклаю, затем обходит его, направляясь к двери. Конференц-зал теперь пуст, и мне требуется некоторое время, чтобы смириться с этим фактом.

Никто из нас не говорит.

Медленно поднимаю голову и смотрю на человека, по которому так сильно скучаю последние несколько дней. Его профиль обращен ко мне, и я рассматриваю его строгий черный костюм, накрахмаленную белую рубашку, фирменные часы. Мой взгляд скользит по гладко выбритой челюсти, а затем, когда он поворачивается ко мне лицом, я неохотно встречаюсь с ним взглядом.

— Льюис теперь подумает, что ты мне благоволить.

Выражение его лица профессора суровое, когда он качает головой.

— Я бы сделал то же самое для любого из своих сотрудников, если бы они были на моем месте, — настаивает он.

Верно.

Я отвожу взгляд.

— Ты так и не позвонила мне. — Его голос становится мягче... немного.

— А я должна была? — спрашиваю я, изображая невинность.

Он делает шаг ко мне, и я жалею, что мы в офисе. Хочу знать, что бы он сделал со мной, если бы мы сейчас были где-нибудь в другом месте.

Его пристальный взгляд медленно скользит по мне, не спеша осматривая меня сверху донизу. Может быть, он тоже скучал по мне.

— Чем ты занималась, пока меня не было? — спрашивает он.

— Ничего особенного. Много работала. Ходила на ужин с Александром и Эмметом.

Он заинтригован.

— Мы с Эмметом пришли к своего рода взаимопониманию, — добавляю я.

— Правда?
Я пожимаю плечами.
— Да. Я бы не назвала нас друзьями...
— Но он извинился?
— Да.
— Хорошо. Ты сказала, что много работала. Значит, никаких свиданий?
Я хмурюсь, не совсем понимая, что он имеет в виду.
— С мужчинами?
Он улыбается.
— С кем угодно.
— Нет. — Я делаю паузу, прежде чем спросить. — А как насчет тебя? Ты был хорошим мальчиком в Цинциннати?
Он думает, что это забавно, что я назвала его мальчиком. Его взгляд прикован к моим губам, как будто он обдумывает, как наказать меня за это.
— Да.
Я выгибаю бровь.
— Значит, в твоей жизни больше никого нет? Больше никто тебя не интересуется?
Он перехватывает мой взгляд.
— Эмелия... мы все еще этим занимаемся?
— Ответь на вопрос.
Он подходит ко мне, принимая мою игру слов, и повышает ставки, наклоняясь так, чтобы оказаться на уровне глаз, когда отвечает.
— Больше никого нет. В Цинциннати я работал весь день, потом вернулся в свой гостиничный номер и постоянно проверял свой телефон, удивляясь, почему ты мне не звонишь. Я не мог выбросить тебя из головы.
Он так близко, что мы могли бы поцеловаться.
— Я тоже, — говорю я, не отрывая взгляда от его губ.
— Тогда избавь нас от этих страданий. Сходи со мной на свидание в пятницу.
Я даже не колеблюсь, прежде чем ответить.
— Нет.
Я не могу. Я не могу. Я не могу.
Вместо того чтобы рассердиться, он, кажется, забавляется моим отказом.
Он выпрямляется во весь рост, отчего я чувствую себя маленькой, когда он так близко, а затем засовывает руки в карманы с озорной искоркой во взгляде.
Я прищуриваю глаза, с подозрением относясь к его игре.
— Тогда хорошего рабочего дня, Эмелия.
Он оставляет поцелуй на моей щеке, но так быстро, что я едва успеваю почувствовать запах его одеколона. Затем он оставляет меня в конференц-зале, думать, какая же я дура, что отказала ему. Снова.

Глава 29

Джонатан

В среду вечером мне уже давно пора уходить. Я остаюсь в офисе слишком долго. Сегодня утром я приехал сюда прямо из аэропорта. Встал с рассветом, и мне отчаянно хочется выйти и пробежаться, прежде чем завалиться спать. Весь день я чувствую беспокойство, но физическая нагрузка должна помочь.

Мне необходимо сделать несколько дел, но моя мама выбирает именно этот момент, чтобы позвонить и поприставать ко мне. Я говорю ей об этом, но она настаивает на том, что приставать — дело субъективное.

— Я считаю это развлечением, если хочешь знать. Добился ли ты какого-нибудь прогресса с девушкой в красном платье? Последние несколько недель я просматривала светские страницы, но вас нет ни на одной фотографии. Почему ты ее прячешь?

Набираю электронное письмо и отвечаю:

— Я не прячу ее. Мы не встречаемся.

— Жаль. Скажи мне еще раз, как ее зовут?

— Вообще-то, я никогда не называл тебе ее имени.

Она раздражена, что ее уловка не срабатывает.

— Неужели ты должен быть таким невыносимым? Я думала, что воспитала тебя лучше. Дай своей старой матери то, ради чего стоит жить...

— Тебе едва перевалило за 60. Ты занимаешься пилатесом четыре раза в неделю.

— Да, и учитывая то, как твой отец сводит меня с ума, завтра я буду на пороге смерти, занимаюсь пилатесом или нет.

— Эмелия Мерсье.

Эта фамилия останавливает ее на полпути.

— Ты шутишь. Она родственница Александра и Эммета?

— Вроде того. Это долгая история.

— Что ж, это делает ситуацию интересной, не так ли? А теперь ответь, почему вы не встречаетесь?

— Она мне отказывает.

Это заставляет мою мать рыдать от смеха. Бесконечно долго. Я переключаю ее на громкую связь, кладу телефон на стол и возвращаюсь к работе. Отправляю одно электронное письмо, читаю другое, а она все еще продолжает смеяться.

— Прости, — говорит она, пытаясь взять себя в руки. — О, я ужасна. Должна ли я сказать тебе, что все в порядке, и напомнить, какая ты находка? Нет, не стоит, ты это знаешь, и я только увеличу твое эго. Почему она тебе отказала? У вас что, нет химии?

Я прочищаю горло.

— Нет... это не проблема.

Раздается тихий стук в дверь, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть Эмелию. Она избегает меня весь день, и я облегчаю ей задачу, отсиживаясь в офисе и наверстывая упущенное, пока был в Цинциннати.

Я смирился с тем, что у меня не будет возможности увидеть ее сегодня после презентации. Поскольку дверь моего кабинета закрыта, то не уверен, ушла она уже или нет, но предположил, что ушла. Теперь она топчется на пороге, ожидая приглашения войти. В этом нежно-розовом платье она выглядит как конфетка, и, что самое главное, я рад, что утренние слезы давно прошли.

Я машу ей рукой, приглашая войти.

— Может быть, дело в том, что она считает, что тебе недостает индивидуальности, — услужливо подсказывает моя мама. Я все еще держу ее на громкой связи, так что Эмелия это слышит.

— Может быть, — отвечаю я, ничуть не смущаясь. — Вообще-то, она сейчас здесь. Только что вошла в мой кабинет.

Эмелия хмурится в замешательстве.

— Я разговариваю по телефону с матерью, — говорю я.

Ее глаза расширяются, и она колеблется на полпути к моему столу.

— Эмелия, познакомься с Люсиль. Люсиль, Эмелия.

— О! Эм, привет, — застенчиво щебечет Эмелия.

— Здравствуй, моя дорогая, приятно с тобой познакомиться. Я задавала своему сыну всевозможные вопросы о тебе, но это еще лучше, я могу получить информацию прямо из первых уст.

Эмелия робко улыбается и подходит еще на шаг ближе, явно заинтригованная.

— Джонатан говорит, что ты его отвергла.

Смех вырывается у Эмелии, прежде чем она успевает сдержаться.

Затем ее взгляд встречается с моим, и она отвечает.

— Да... отвергла.

Эмелия находит это таким же забавным, как и я.

— Вы рассказали своей маме обо мне? — шепчет она.

— Конечно, — одними губами отвечаю я.

— Понятно, — говорит моя мама, — но мне любопытно, не связано ли это с его отношением, потому что я сказала, что ему действительно нужно поработать над собой. Никто не хочет встречаться с брюзгой, Джонатан.

Эмелия уже всю сияет.

— Иногда он бывает сварливым, — подтверждает она.

Моя мать стонет.

— Должна сказать, что это не с моей стороны семьи. Мне нравится думать, что я очень добродушная. Спроси кого угодно.

— Не верь ни единому ее слову, — возражаю я.

— Джонатан! — шипит моя мать. — Я чрезвычайно приятный человек!

— У нее острый ум и суховатое чувство юмора. Она съест тебя живьем, если ты не будешь осторожна, — предупреждаю я Эмелию.

— Она мне уже нравится, — говорит Эмелия, продолжая подходить ближе.

— Спасибо. А теперь вернемся к нашему вопросу. Ты сейчас с кем-то встречаешься, Эмелия, или ты одинока?

Я протягиваю руку, чтобы взять телефон, с меня хватит.

— Было приятно с тобой поболтать, но мне нужно идти.

— Ну и ладно. Ты такой зануда. Эмелия, дорогая, было приятно с тобой познакомиться. Ты кажешься замечательной, и, если когда-нибудь решишь встречаться с моим сыном, несмотря на сварливое отношение и все такое, я обещаю тебя баловать. У нас есть виноградник, он тебе говорил? Я пришлю тебе столько вина, сколько ты захочешь...

— До свидания, — вставляю я, прежде чем повесить трубку.

Эмелия склоняет голову набок, изучая меня.

— Ваша мама, должно быть, очень хочет, чтобы вы остепенились.

Я откидываюсь на спинку стула.

— Ей бы это понравилось.

— Почему?

— Она считает, что для меня важно иметь семью. Она знает, что это то, чего я хочу для себя, и беспокоится, что я посвящаю слишком много времени работе.

— В этом есть смысл... Мне просто трудно поверить, что у нее на примете нет какой-нибудь привлекательной девушки, на которой вы могли бы жениться. Возможно, кто-то, с кем вы выросли.

Понятия не имею, откуда у нее берется эта идея, но я быстро пресекаю ее.

— Она будет счастлива, кого бы я ни выбрал, лишь бы не скрывал от нее ее будущих внуков. Она привязалась к тебе, потому что увидела нашу совместную фотографию на том благотворительном вечере несколько недель назад. Она считает тебя сногшибательной и говорит, что мы были бы милой парой.

Эмелия краснеет и опускает глаза.

— О...

— И, между прочим, так и есть. Что ты хотела?

Хочу, чтобы она сказала, что ей ничего не нужно, хочу, чтобы она пришла сюда с единственной целью — побыть в моей компании. Хочу, чтобы она признала, что так же влюблена в меня, как и я в нее. Тогда бы у нас что-то получилось.

Вместо этого она поднимает руку. Ключ от моего дома болтается у нее в руке.

— Подумала, что вы захотите его вернуть.

Это похоже на удар, хотя так не должно быть. Возвращаюсь к своему столу и хватаюсь за контракт, который просматривал до звонка матери.

— Ты хочешь вернуть его мне? — спрашиваю я, смачивая кончик указательного пальца, чтобы быстро пролистать страницы в поисках определенного раздела, который юристы хотели, чтобы я просмотрел.

— Это ваш ключ, — говорит она, протягивая его мне, чтобы я взял.

Не смотрю на нее и отвечаю несколько резко:

— Я не это спросил. Если ты хочешь оставить его себе, то оставь. Уверен, что он достаточно скоро снова понадобится.

— Не понадобится.

Пожимаю плечами, как будто это меня не касается, и указываю на угол своего стола.

— Тогда оставь там.

Я не даю ей того, чего она хочет. Ее тихое недовольство говорит мне об этом.

Краем глаза я вижу, как она подбрасывает ключ на ладони и крепко сжимает его, после чего огибает мой стол и направляется к двери. Видимо, она решила оставить его себе.

— Спокойной ночи, Эмелия, — говорю я, едва сдерживая торжество в голосе.

Не могу точно сказать, когда решил отказаться от борьбы и держаться подальше от Эмелии. На протяжении всех наших отношений я сдерживаю себя рядом с ней, но в какой-то момент между ее возвращением в мою жизнь и сегодняшним днем та небольшая решимость, которая у меня была, уничтожена раскаленным добела желанием. Я полностью бросаю игру, в которую играю. И больше не буду себя наказывать. Не пойду по пути: она слишком молода, сотрудница, слишком невинна и кротка, мне уже все равно.

К сожалению, похоже, что я пришел к этому решению раньше, чем она, а значит, ожидание еще не закончилось.

Тоска.

Желание.

Все это зреет под поверхностью.

Отчаянно хочу, чтобы Эмелия полностью сдалась, и не только для того, чтобы я смог соблазнить ее, и она позволила бы мне прикоснуться к ней физически, я хочу большего. Не хочу, чтобы этот ключ был спрятан в каком-нибудь ящике в ее квартире. Хочу, чтобы он был прикреплен к ее связке ключей и использовался дважды в день.

На следующий день раздается тихий стук в дверь моего кабинета, но я не утруждаю себя тем, чтобы оторвать взгляд от компьютера. Скорее всего, это Кэндис, менеджеры не стесняются стучать кулаком в мою дверь, а Кристофер даже не утруждает себя этим, прежде чем ворваться внутрь.

— Войдите, — зову я, готовясь к неизбежному.

Дверь скрипит.

— Вы оставили свой кофе в комнате отдыха.

Голос Эмелии — это укол адреналина, и мой взгляд устремляется в дверной проем, где она стоит, держа белую кружку за ручку. Она подходит к белой блузке, заправленной в простую юбку верблюжьего цвета. Она слишком коротка для офиса, но черные колготки пытаются скрыть этот факт.

Я быстро улавливаю суть игры.

— Спасибо. Ты можешь принести сюда? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

Она входит и осторожно закрывает за собой дверь. Не полностью, но нам все равно обеспечена конфиденциальность. Поступок выглядит невинным, совсем как она.

Смотрю, как она идет, жадно впитывая ее вид.

Она с грохотом ставит полную чашку кофе на угол моего стола, прямо рядом с моей пустой.

— Я не забыл свой кофе.

Она нахально улыбается, проводя пальцем по краю моего стола.

— Нет, но это то, что ты скажешь людям, если они спросят, зачем я сюда пришла.

— Зачем ты пришла?

Ее карие глаза заманивают меня в ловушку.

— Потому что ты не приходишь ко мне.

Бедная, бедная Эмелия.

Протягиваю руку, чтобы она подошла ближе, и она позволяет взять ее за запястье и потянуть. Я не сажаю ее к себе на колени. А практикую сдержанность. Поворачиваю ее руку так, чтобы она была обращена вверх, а затем провожу подушечкой указательного пальца по линиям ее ладони, чувствуя ее легкую дрожь.

— Что ты делала вчера вечером, когда вернулась домой? — спрашиваю я.

— Приготовила себе ужин, приняла душ...

— И?..

Она пытается сомкнуть ладонь и загибает пальцы, как будто все доказательства того, что она делала прошлой ночью, прямо передо мной.

Сомневаюсь, что скрываю тот факт, что злорадствую, когда отвечаю с намеком.

— Ты могла бы позвонить мне...

— Могла бы... да. На днях я так разозлилась на себя за то, что так часто смотрела на вашу визитку, что выбросила ее в мусорное ведро. Закопала ее на самом дне, под контейнерами с едой на вынос, но это неважно, я запомнила ваш номер.

Уголок моего рта приподнимается.

Отпускаю ее руку и откидываюсь в кресле. Она все еще стоит передо мной, и я просто рассматриваю ее, запоминая розовый оттенок ее помады, то, как он дополняет цвет ее щек.

— Чего ты хочешь от меня? — спрашиваю я, надеясь, что, если застану ее врасплох, она хоть раз скажет мне правду.

Она долго тянет с ответом и, наконец, качает головой.

— Я не знаю.

Вот в чем наша проблема.

Временами Эмелия может казаться кроткой и маленькой, но это означает, что она может быть и неуловимой. Она так хорошо умеет убегать и ускользать.

— Простой раз ты сказала мне, что притворялась, — предлагаю я, пытаюсь понять, заставит ли это ее заговорить.

Она кивает, но больше ничего не отвечает.

Я не борюсь с тишиной. Что еще я могу сказать?

Она склоняет голову набок, изучая меня, и ее глаза сужаются.

— Не знаю, рассказывала ли вам, но, когда я переехала в Бостон, у меня только что закончились длительные отношения. Мой парень изменил мне.

Хмыкаю, хотя внутри борюсь с приступами ярости. Как можно быть таким глупым?

— Ты любила его? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит она уверенно и убежденно. — Но это не отменяет того факта, что я только что разорвала отношения.

Ах, я понимаю, что она делает: строит свое дело против нас.

— И кроме того... вы мой босс. И слишком старый.

Это почти заставляет меня рассмеяться, но я сдерживаюсь, пока она продолжает свой список.

— Вы живете в другом мире. Ваша ванная комната размером со всю мою квартиру...

— Эмелия.

Ее взгляд внезапно загорается.

— Это. — Она обвиняюще тычет пальцем мне в грудь. — Вы произносите мое имя, и у меня по позвоночнику пробегает дрожь. Вы обладаете слишком большой властью.

Она действительно пытается выставить меня злодеем.

Я приподнимаю бровь, выглядя не впечатленным.

— Ты закончила?

— Да. Давайте покончим с этим, — говорит она, перевирая мои слова, снова пытаюсь избежать этого.

— Я не буду заставлять.

— А я и не хочу, — настаивает она.

Какая лгунья. Она была бы рада, если бы я заставил ее. Это то, что я делаю с самого начала. Если я играю роль агрессора, значит, она снимает с себя ответственность за свои действия. Ей не нужно задумываться о том, чего она на самом деле хочет. Она дрейфует в море, отдаваясь на милость волн, и это ей нравится.

Я мог бы сделать то, что делал последние несколько недель. Я мог бы заполучить ее.

Но надолго ли?

Кэндис звонит, чтобы предупредить меня о первой встрече, и Эмелия ускользает. Никто, кроме меня, не обращает на нее внимания, когда она покидает мой кабинет. Я слежу за каждым ее шагом, пока она не возвращается в свою кабинку.

Субботним вечером я крепко сплю, когда рядом с кроватью звонит телефон.

Сначала я протягиваю руку, чтобы выключить его, но затем отвечаю на звонок сонным и раздраженным.

— Что?

— Черт. Вы спите?

Голос Эмелии окончательно будит меня. Переворачиваюсь на спину и проверяю время: почти час ночи, и, судя по звуку, она не дома. На заднем плане звучит громкая танцевальная музыка. От этого пульсирующего ритма у меня звенит в ушах.

Я сажусь.

— Эмелия? Где ты?

Она игнорирует мой вопрос.

— Я же говорила, что запомнила ваш номер.

Ее голос едва слышен из-за шума, и трудно сказать, звучат ли ее слова слегка невнятно.

— Где ты? — снова спрашиваю я, поднимаясь с кровати, мой голос властный и настойчивый.

— Александр пригласил меня выпить, чтобы поднять мне настроение.

Я ужедвигаюсь к шкафу, снимаю с вешалки рубашку и натягиваю ее одной рукой.

— Поднять настроение? — спрашиваю я, стараясь, чтобы она не отвлекалась от разговора, пока я буду думать, как до нее добраться.

— Да, — смеется она. — Не могу точно вспомнить, как это произошло. Он звонил мне, я знаю это, и, наверное, мой голос звучал немного подавленно. Он настоял, чтобы я встретила с ним, чтобы выпить, но это было часа четыре назад... и пришли несколько его друзей. Вы их знаете? Харрисон и Мариэль? Они хотели побывать в другом месте. Мы уже столько их посетили, что я сбилась со счета.

— Эмелия...

— Я даже не знаю, в какой части города нахожусь. Вы меня слышите? Музыка такая громкая.

— Ты рядом с Александром? Передай ему телефон, пожалуйста.

— Он только что был здесь, но теперь я не знаю, куда он делся. — Ее голос такой тихий, как будто она отодвинула телефон от уха.

— Найди официанта или бармена и передай им телефон.

Натягиваю туфли и уже направляюсь к двери. Хотя я пока не знаю, где она, но точно знаю, что в городе есть всего несколько мест, достойных Александра и его друзей.

— Я у бара, но здесь негде присесть.

— Спроси у кого-нибудь название заведения.

— Извините, — говорит она кому-то нежным и сладким голосом.

— Привет, милая, — отвечает грубый голос.

Я уже знаю, что завтра разорву Александра на части.

— Вы можете сказать, где я нахожусь?

Парень смеется.

— Судя по тому, как ты выглядишь в этом платье... мы, наверное, на небесах.

Эмелия не обращает внимания на идиотскую фразу. Она неловко благодарит его и спрашивает снова. Я едва слышу название бара. Звук приглушенный, но думаю, что знаю его.

— Оставайся у бара. Попроси воды, если сможешь, но никуда не уходи. Мне потребуется всего несколько минут, чтобы добраться. Ты можешь оставаться на связи?

— Мне ничего не угрожает. Вам не нужно так защищать меня.

Разве нет? Какой у меня выбор? Она держит мое сердце на ладони. Она раздавит нас обоих, если не будет осторожна.

Чувствую себя слегка дезориентированным, когда еду по улицам Бостона посреди ночи. Переход от глубокого сна к бодрствованию так быстро вызывает у меня ощущение, что я нахожусь в каком-то лихорадочном сне. Добираюсь до L'ultima Сена за рекордно короткое время и паркуюсь у входа. Мне насрать, оштрафуют меня или отбуксируют. Если моей машины не будет, когда вернусь с Эмелией, я отвезу ее домой на такси, а обо всем остальном позабочусь позже.

Чтобы попасть в бар, нужно отстоять очередь, но вышибала, должно быть, увидел, как я подъезжаю к обочине, словно летучая мышь из ада, потому что он не останавливает меня, когда я проскакиваю мимо него и направляюсь внутрь.

Музыка встречает меня, как удар кулаком в лицо. Сердце колотится в груди, когда осматриваю толпу в поисках ее. На обширном пространстве расположены три бара, и я нахожу Эмелию во втором, рядом с каким-то парнем, который, наклонившись, разговаривает с ней.

Подойдя к ней, беру ее за руку и осторожно поворачиваю.

На полсекунды ее глаза расширяются от тревоги, а затем она с облегчением поворачивается ко мне.

— Кто ты? — спрашивает меня парень.

Я даже не смотрю на него.

— Пошли, — говорю я, помогая Эмелии слезть с барного стула.

Она теряет равновесие, поэтому я прижимаю ее к себе и направляюсь к двери.

Александр останавливает нас на полпути.

— Эмелия, я искал тебя. И ни хрена себе! Смотрите, кто присоединился! — он хлопает меня ладонью по груди.

Один взгляд на его расширенные глаза говорит мне все, что нужно знать, наркотическая привычка, которую он подхватил в Сент-Джонсе, жива и здорова.

— Уйди с дороги.

Когда он не двигается, я начинаю обходить его, и он смеется.

— В чем проблема, чувак? Останься. Повеселись с нами.

Я не оборачиваюсь.

— Ночь только начинается!

Его крики остаются без внимания.

Мое кровяное давление сразу же падает, как только я вывожу Эмелию на свежий осенний воздух. Без громкой музыки я могу мыслить более ясно. Разворачиваю ее лицом к себе и беру за подбородок. Ее веки опущены и выглядят усталыми, но она не под кайфом.

— Александр давал тебе что-нибудь?

Черты ее лица искажаются в замешательстве.

— Выпить? — спрашивает она. — Да.

— Нет. Он давал порошок, таблетки? Наркотики, Эмелия.

Даже в пьяном состоянии мой вопрос настораживает ее.

— Нет, — настаивает она. — Ничего.

Почувствовав облегчение, отпускаю ее, затем беру за руку чуть выше бицепса и мягко направляю к машине. Мне повезло, что она все еще там, и без штрафа.

— Сюда, — говорю я, помогая ей опуститься на пассажирское сиденье и стараясь защитить ее голову. Надежно пристегиваю ее, затем обхожу машину спереди. К тому времени, как сажусь, ее глаза уже закрыты.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спрашиваю я, заводя машину.

— Устала, — тихо говорит она.

— А как желудок?

— Все в порядке, — обещает она, не открывая глаз.

Протягиваю руку, чтобы коснуться внутренней стороны ее запястья. Не знаю, зачем я это делаю. Я не врач и не знаю, что ищу, но чувствую себя лучше, когда она в моих руках. Мне нравится считать ее пульс и знать, что с ней все в порядке.

Она не шевелится, когда я вливаюсь в поток машин и еду домой. Когда подъезжаю к дому, ее голова откидывается в сторону, и я понимаю, что она без сознания. После того как припарковался, я не бужу ее. Расстегиваю ремень безопасности и заносу в дом, следя за каждым ее вздохом.

Сразу же направляюсь в свою комнату и кладу ее на кровать. Убедившись, что она не откатится в сторону, беру футболку из шкафа и начинаю раздевать ее. От одежды, в которой она была в баре, пахнет алкоголем и дымом. Раздеваю ее так уважительно, как только могу, двигаясь и прикасаясь к ней, как родитель, ухаживающий за ребенком, а не как любовник, соблазняющий женщину. Я не задерживаюсь на ее теле. После того как заканчиваю стаскивать платье, выбрасываю его в коридор. Затем надеваю ей через голову одну из своих футболок.

— Эмелия? — спрашиваю я, с любопытством ожидая, не зашевелится ли она.

В идеале надо было бы дать ей попить воды, но она не двигается.

Достаю из ванной мусорное ведро и ставлю его на пол рядом с кроватью, а затем осторожно переворачиваю ее на бок, чтобы убедиться, что она в безопасности. Сажусь на кровать позади нее, прислонившись к изголовью, и смотрю, как она спит. Когда она кажется слишком неподвижной, я протягиваю руку и проверяю пульс у нее на шее. Каждый раз он нормальный. Я беспокоюсь по пустякам.

Если я и сплю, то короткими перерывами. Большую часть ночи провожу на вахте. Парень из Сент-Джонса, на несколько классов старше меня, задохнулся собственной рвотой после обильной ночной попойки. Это было предупреждение, и я прислушиваюсь сейчас к Эмелии.

Она несколько раз вздрагивает, но в остальном крепко спит до десяти утра. Я пью уже вторую чашку кофе, работая на ноутбуке в углу комнаты, когда она стонет и садится.

Наблюдаю, как она приходит в себя. Больно видеть, как она морщится, а потом прикрывает глаза от утреннего света.

— Рядом с кроватью есть лекарство.

Мой голос заставляет ее подпрыгнуть, как будто она не уверена, где она и с кем.

— И вода. Пей маленькими глотками, пока не почувствуешь, что желудок нормально работает.

— Спасибо, — говорит она скрипучим и слабым голосом.

Не теряя времени, она запивает таблетку, а затем перекидывает ноги, хватается за край и остается там, зависнув.

Ее взгляд устремлен в пол. На меня она по-прежнему не смотрит.

Ее каштановые волосы растрепаны, макияж размазан, губы потрескались. Моя футболка едва доходит до верха ее бедер, ее длинные ноги свисают с края матраса. На правой голени — синяк.

— Мне стыдно, — говорит она, не отрывая взгляда от пола.

— Не стоит.

Она колеблется, прежде чем признаться.

— Не помню, чтобы вы приходили за мной в бар.

По ее шее пробегает румянец.

Не сразу понимаю, что сжимающая мою грудь эмоция — это гнев.

— Было трудно идти в ногу с Александром и его друзьями, — продолжает она. — Я не понимала, во что ввязываюсь, когда согласилась пойти с ним.

— Я должен был предупредить тебя.

Наконец, она смотрит на меня из-под опущенных ресниц.

— Александр тусовщик...

— Это еще мягко сказано. Он богатый парень, ни перед кем не отчитывающийся.

Она хмурится.

— Он был добр ко мне.

— Прошлой ночью он подверг тебя опасности.

Не упускаю из виду, как она откидывается назад в ответ на мой резкий тон.

Делаю глубокий вдох и пробую снова.

— Он милый, но у него есть проблемы, о которых я не знал до вчерашнего вечера. Не думаю, что было бы разумно снова встречаться с ним и его друзьями.

Она фыркает, как будто одна эта мысль безумна.

— Не волнуйтесь, я не планирую. — Она, наконец, соскальзывает с кровати и поворачивается, осматривая пол, прежде чем спросить. — Вы... у вас моя одежда?

— Ее нужно было сжечь.

Ее глаза расширяются, и чтобы развеять беспокойство, указываю на дверь.

— Она в коридоре, но ты можешь просто продолжать носить мою футболку. Штаны я тебе тоже дам.

Откладываю ноутбук и встаю, чтобы принести ей что-нибудь еще из одежды.

Она качает головой.

— Я просто возьму свое платье и не буду вам мешать.

— Эмелия...

— Профессор...

— Джонатан, — нетерпеливо поправляю я.

Она морщится.

— Я чувствую себя ужасно из-за того, что позвонила вам прошлой ночью и заставила приехать меня спасать. Могу только представить, о чем вы подумали: «У этой девчонки больше никого нет в жизни, так что ей приходится звонить мне». — Она смущенно стонет. — Уверяю вас, если бы я не была новенькой в этом городе, мне хотелось бы думать, что мне было бы кому позвонить, но...

— Прекрати.

Она вздрагивает и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Я не буду слушать, что бы ты еще ни собиралась сказать. Ты пытаешься преуменьшить то, что здесь происходит. Можешь думать все, что тебе заблагорассудится, отталкивать меня сколько угодно, но я не позволю тебе изменить правду. Я вскочил с постели и поехал за тобой еще до того, как ты меня об этом попросила. Я спешил, чтобы добраться до тебя, Эмелия.

— Из чувства долга, — возражает она.

— Из...

Чуть не произношу слово, которое поражает меня, слово настолько шокирующе неуместное, что я замолкаю от того, что оно вертится у меня на кончике языка.

Но она этого не чувствует. Она видит только мою неудачную попытку придумать опровержение, которое закрепило бы ее место в моей жизни, основанное на желании, а не на долге, и она использует это как свое спасение. Обходит комнату, собирает вещи, снова благодарит меня. Я не говорю ни слова.

Эмелия покидает мой дом, и я остаюсь наедине с собой на весь остаток воскресенья.

Днем я стою на кухне, не испытывая облегчения от тишины и покоя, а наоборот, задыхаясь от них. Я бы хотел, чтобы Эмелия осталась. Жаль, что у меня не хватило смелости произнести это чертовое слово.

Глава 30

Эмелия

— Тук-тук.

Поворачиваюсь на стуле и вижу Александра, держащего в руках маленькую вазу с цветами. Сегодня вторник, позднее утро. Я была прикована к своей кабинке в «Бэнкс и Барклай» с тех пор, как пришла на работу, настолько, что даже не вернулась за привычной второй чашкой кофе.

Я ничего не слышала о нем с субботы. По правде говоря, не слишком горю желанием видеть его, но не могу игнорировать, поэтому встаю, улыбаюсь и здороваюсь.

— Твой босс не будет возражать, если я приглашу тебя на ланч? — спрашивает он с застенчивой улыбкой. Затем бросает взгляд в конец коридора, в сторону кабинетов руководителей.

Он не найдет там профессора Баркляя, тот уехал сегодня утром в Белл-Хейвен вместе с инженерной группой на целый день. Проведя без него полтора дня, я приехала этим утром в «Бэнкс и Барклай» раньше обычного, желая хоть немного побыть рядом с ним. Мне нравится знать, что он всего в нескольких шагах от меня. Мне нравится знать, что несколько раз в день он должен поднимать глаза и видеть меня сидящей за своим столом.

Сегодня утром, когда я приехала, он был здесь. В офисе так мало людей, что я, не колеблясь, приготовила свежую чашку кофе, чтобы отнести ему. И убеждала себя, что это добрый жест, который любой сделал бы для своего босса.

Он поднял голову, когда я вошла, и откинулся на спинку стула, оглядывая меня добрыми глазами. Он поманил меня к себе, и я, обойдя его стол, встала перед ним. Поставила кофе рядом с клавиатурой, а он потянулся, чтобы взять меня за руку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше.

— Хорошо.

— Еще раз спасибо вам за то, что вы сделали.

Он кивнул и встал. Я удержалась на ногах, когда он отпустил мою руку, чтобы обхватить за шею и крепко прижать к себе, при этом он поцеловал меня в губы. Поцелуй был целомудренным и закончился слишком быстро.

Его пристальный взгляд держал меня в плену, когда он отстранился.

— Скажи, что ты скучала по мне вчера.

— Я скучала. — Слова вырвались с улыбкой.

Он тяжело выдохнул, качая головой.

— Боже, ты — все, о чем я думаю. Я продолжаю уговаривать себя дать тебе пространство, позволить тебе прийти ко мне, и вот я здесь. Я не могу оторваться от тебя.

Я потянулась, чтобы прижать его руки к своей шее, чтобы убедиться, что он не отстранится, чтобы попытаться показать ему, чего я хочу.

— Мы сошли с ума? — спросила я.

— Возможно.

Я улыбнулась.

— Хочу снова пригласить тебя на свидание, но не буду.

Я поняла, что он пытался мне сказать, и ответила:

— Хочу, чтобы вы знали, что если бы действительно пригласили меня на свидание в эти выходные, на этот раз я бы сказала «да». Клянусь, я бы согласилась. Но я уезжаю из города.

Он не выглядел довольным.

— Куда? — спросил он.

— В Нью-Йорк. Соня... моя подруга, которая училась в вашем классе в Дартмуте. Та, которая попала в беду вместе со мной? — это воспоминание почти заставило меня рассмеяться. — Она выходит замуж. Я подружка невесты.

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра. Рано утром.

— Какого цвета твое платье?

— Бледно-красное. Она хотела, чтобы мы все были в закатных тонах.

Я должна была спросить его, не согласится ли он стать моим «плюс один». Я могла бы преподнести эту идею так органично, но струсилась. «Он так занят», — подумала я. Он никак не мог бы взять отгул, учитывая все, что происходит в фирме. И я не хотела заставлять его чувствовать себя виноватым из-за необходимости работать, поэтому приподнялась на цыпочки и целовала его так долго, как только могла, прежде чем шум в коридоре не напомнил мне, где нахожусь.

— Когда я вернусь, вы ведь снова пригласите меня на свидание, правда?

Он улыбнулся и кивнул.

— Когда вернешься.

Теперь я хватаю свою сумочку и поворачиваюсь обратно к Александру.

— Он не будет возражать. Его сегодня нет.

Александр кивает.

— Хорошо. Тогда пошли, я умираю с голоду.

Беру цветы, которые он протягивает, и ставлю их на стол. Несмотря на то что все еще испытываю легкую горечь из-за событий уик-энда, я говорю спасибо, но это все. Я пока не уверена, что готова к любезностям.

Не знаю, как относиться к случившемуся с Александром. Не могу винить его во всем. Он не заставлял меня пить так много, как я пила, но он и его друзья поставляли выпивку и обеспечивали хаотичность ночи. Сказать, что я была не в своей тарелке, отправляясь на вечеринку с такой компанией, как они, значит, не сказать ничего. Не уверена, чем бы все закончилось, если бы я не догадалась позвонить профессору Барклаю по пьяни. Честно говоря, вечер мог принять ужасный оборот, похоже поэтому Александр сегодня поджал хвост. Наверное, понял, что облажался.

Мы покупаем салаты и едим на улице, на скамейке в парке. И обмениваемся вынужденными любезностями, пока ковыряемся в еде, а потом он поворачивается ко мне и без обиняков извиняется.

— Прости меня, Эмелия. Мне следовало лучше заботиться о тебе в субботу.

Я не говорю ему, что все в порядке, потому что это не так.

— Я не знала, что вы, ребята, употребляете наркотики.

Он прочищает горло.

— А ты? — нажимаю я.

— Да.

Я жила такой защищенной жизнью. Даже в Дартмуте, за исключением нескольких съестных припасов, я почти ничем не баловалась. И никогда не чувствовала в этом необходимости.

— Ты в порядке?

Мой вопрос застает его врасплох.

— Конечно. А ты?

Я киваю. Спасибо профессору Барклаю.

— Я не идеален, — признает он, словно разрушая мое ложное представление о нем. Неужели?

— Мы все справляемся по-разному. Ты думаешь...

Он обрывает меня.

— Я не хочу говорить об этом.

— Как давно у тебя возникли проблемы?

— У меня нет проблем. — Он вздыхает, затем продолжает коротким, отрывистым тоном. — Послушай, в субботу вечером всего этого не должно было случиться. Я приношу свои извинения за это, но на этом все.

Я молчу, перекладывая листья салата в своем контейнере, как будто действительно могу съесть еще кусочек.

— Я знаю, что думает мир, — говорит он с тоской в голосе. — Никакой жалости к богатому наркоману, миллионеру, находящемуся в депрессии.

— У тебя депрессия?

Он смеется, как будто я наивная.

— Эмелия, мы все в депрессии. Разве ты не слышала? Сейчас эпоха тревог.

Хмурюсь, не оценив его саркастический тон.

— Думаю, что некоторые люди счастливы. Например, моя подруга Соня. — Думаю, что могла бы быть счастливой...

«Да, но я не такая, как она».

Мой желудок туго сжимается.

— Если ты так сильно ненавидишь свою жизнь, почему бы тебе ее не изменить?

— Задай себе тот же вопрос.

— Мы говорим о тебе.

Он улыбается.

— Я хорошо умею отмазываться.

Я закатываю глаза.

— Ты собираешься обратиться за помощью?

— Я же сказал тебе, у меня нет проблем.

— А что думает Эммет?

— У Эммета и без меня забот хватает. Мой отец будет в городе на следующей неделе...

Даже я содрогаюсь от этой мысли.

— Хочешь с ним познакомиться? — беспечно спрашивает он.

Смеюсь и качаю головой, потому что эта идея абсолютно абсурдна, а потом, когда шок от нее проходит, я понимаю, что мой ответ по-прежнему «нет». Странно, учитывая, как сильно я мечтала встретиться с ним, когда была ребенком. Я бы все отдала, чтобы он присоединился к нам с мамой в Данлани, но события последних нескольких недель доказывают мне, что иногда лучше оставить все как есть. Фредерик не может залечить раны моего прошлого. Он не может вернуть мою мать. Вспоминаю, как Эммет обошелся со мной в ночь нашей встречи, слова, которые никогда не смогу стереть из своей памяти, и знаю, что добровольно не подвергну себя подобному испытанию снова. Это не стоит такого риска.

— Я бы предпочла этого не делать, если ты не против.

Александр кивает, не затрагивая эту тему.

— Мне вернуть тебя на работу? — спрашивает он, прежде чем встать.

— Да. В эти выходные я уезжаю из города на свадьбу, но, когда вернусь, напишу тебе. Мы можем пойти выпить кофе.

— И Эммет тоже, — добавляет он.

— Эммет тоже, — киваю я, уже с нетерпением ожидая этого.

Глава 31

Эмелия

Когда я выйду замуж, то сделаю это в весенний день в Данлани. Под дубом, среди цветов, прямо рядом с мамой и, надеюсь, с помощью мистера Пармера. Стоя напротив

жениха, скажу «согласна» и буду думать о цитате Ф. Скотта Фицджеральда: «Их губы соприкоснулись, как молодые полевые цветы в дикой природе». Потом мы сядем прямо там и устроим пикник, откроем бутылку шампанского и будем наслаждаться этим простым моментом. Все будет не идеально. Я забуду охладить шампанское. Мой новоиспеченный муж случайно прольет его немного мне на платье, когда будет наливать нам по бокалу. Поднимется ветер и будет трепать мои волосы, но эти маленькие мгновения будут лучше, чем я могла бы себе представить. Во время церемонии муж возьмет меня за руку раньше, чем ему скажут, как будто ему нужен якорь. Облака расступятся, и выглянет яркое солнце, долгожданное облегчение и знак, что впереди нас ждут хорошие времена. Я буду думать о маме и чувствовать ее любовь.

Свадьба Сони — полная противоположность тому, что я хотела бы, но она настолько идеально подходит ей, что знаю: для нее это будет самый лучший день. Все немного чересчур, начиная с количества человек: четырнадцать подружек невесты и четырнадцать шаферов. На вчерашней репетиции мы едва поместились у алтаря.

— Ближе, — говорит свадебный координатор с натянутой улыбкой. — Подходите ближе.

С момента моего приезда и до сих пор проходит одна вечеринка за другой: приветственный обед, час коктейлей, репетиционный ужин, бранч для подружек невесты. Я знаколюсь с таким количеством тетюшек и дядюшек, что уже никого не различаю.

Идеальный сценарий: общительная невеста из большой семьи и общительный жених из еще большей семьи. Родители Уэсли еще расширяют список гостей и включают в него целую кучу людей, которых им нужно пригласить по той или иной причине: друзей из гольф-клуба, знакомых с работы, деловых партнеров. Это не столько свадьба, сколько светское мероприятие для гостей из трех штатов.

Мы находимся на курорте в северной части штата Нью-Йорк, который расположен в долине, окруженной яблоневым садом, тыквенными грядками и частным прудом. В воздухе витает осень. Золотисто-желтые и темно-красные листья хрустят под ногами. На свадьбу здесь собирается около трехсот гостей, и, хотя курорт может вместить еще несколько сотен, Соня и Уэсли арендуют все помещение. На расходах не экономят.

Я перегружена и измотана, а ведь это даже не я выхожу замуж.

Я нахожусь с Соней в ее номере, пока она готовится к церемонии. К комнате примыкает еще один люкс, где размещается команда визажистов и парикмахеров, которые занимаются подружками невесты. Я закончила совсем недавно и теперь сижу, наблюдая, как Соне наносят последние штрихи в макияже.

— Ты и так выглядишь сногшибательно, — говорю ей, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком слащаво.

— Не надо, — говорит она, не открывая глаз от визажиста. — Я слышу эмоции в твоём голосе. Если ты заплачешь, я тоже заплачу.

— Хорошо, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты что-нибудь слышала сегодня от Уэсли? Это разрешено?

— Мы не разговаривали со вчерашнего вечера. За ужином ребята наполняли его стакан каждые пять секунд, так что не сомневаюсь, что он сейчас где-то дремлет.

Улыбаюсь этому изображению.

— У него еще есть время, чтобы подготовиться. Уверена, что все будет хорошо.

Она вздыхает.

— Ах, радость быть мужчиной. Он примет пятиминутный душ, побреется, расчешет волосы и будет выглядеть так, словно готов пройти по красной дорожке.

— Наклоните голову назад, — говорит ей визажист.

— Что ж, все это того стоит, я обещаю. Ты бы видела, какая ты хорошенькая.

На коленях у нее жужжит телефон от входящего сообщения, но, поскольку визажист работает над тенями для век, Соня передает свой телефон мне.

— Прочитай, хорошо?

— Это от твоей мамы. Она говорит, что ей удалось успокоить Линду, и теперь все идет хорошо. Кто такая Линда?

Соня стонет.

— Моя двоюродная бабушка. Она обиделась, что я не посадила ее рядом с бабушкой вчера на репетиционном ужине.

— Конечно, она понимает, что ты стараешься изо всех сил.

— Можно подумать, но нет, она подняла из-за этого большой шум.

— Что ж, постарайся не беспокоиться обо всем этом сейчас.

— Не буду. Отвлеки меня. Ты разговаривала с Купером с тех пор, как приехала?

Честно говоря, из-за всего, что происходит в моей жизни, я не подготовилась должным образом к тому, что в эти выходные встречусь лицом к лицу с бывшим парнем, и, будто жизнь хотела сорвать с меня пластырь, я увидела его сразу, как только вошла в вестибюль в день приезда. Он такой же, каким я его запомнила: воплощение мальчишеского обаяния с растрепанными светлыми волосами и непринужденным стилем калифорнийского серфера. Он стоял у стойки с Самантой, регистрируясь.

Я остановилась у входа с чемоданом, собираясь повернуться и выбежать обратно на улицу, но тут Купер оглянулся через плечо и поймал меня, не оставив времени на раздумья.

Когда он заметил, что я стою там, то не улыбнулся. Он был слишком ошеломлен, а затем, словно вспомнив, что надо вести себя нормально, слегка помахал мне рукой и слегка приподнял уголки губ. Я подошла, не то чтобы у меня был выбор, мне тоже нужно было зарегистрироваться, поэтому я вытерпела неловкую встречу.

— Саманта, это Эмелия, моя бывшая девушка.

Ее глаза тут же расширились. Невозможно сказать, чего она ожидала от меня, женщины, с которой встречался Купер, когда сделал ее своей любовницей. Если бы мы снимались в мыльной опере, произошла бы ссора, которая закончилась вызовом службы безопасности.

— Теперь просто друг, — поправила я, пытаюсь донести до нее, что никакой вражды не было. Единственным моим возражением против встречи с новой девушкой Купера была неизбежная светская беседа, которую мы должны были выдержать после знакомства.

Я увидела облегчение на ее лице, когда она поняла, что эти выходные будут и вполнину не такими плохими, как она ожидала.

— Так ты теперь живешь в Бостоне? — спросила она. — Так круто. Ты приехала на свадьбу одна?

— Да, только приехала, — сказал я, указывая на свой чемодан.

— Без «плюс один»?

Я натянуто улыбнулась.

— Нет. В эти выходные я здесь одна.

Она приблизилась на полшага к Куперу, ее пальцы коснулись его. Молчаливое напоминание было ясным: теперь я твоя девушка, а не она.

— Все в порядке, — говорю я Соне. — Я столкнулась с ним при регистрации и снова вчера на позднем завтраке, но он был занят спором с официантом о яйцах, которые они принесли для Саманты. Думаю, она хотела, чтобы они были полегче, а ей принесли омлет или что-то в этом роде.

— Ненавижу ее.

Я морщусь.

— Не делай этого из-за меня. Она нормальная.

— Ладно, тогда она мне сильно не нравится. Ты знаешь, мне больно видеть ее за главным столом вместе с нами на приеме, но ничего не поделаешь.

— Серьезно, меня это ни капельки не волнует.

Стук в дверь оповещает нас, что фотограф готов войти и сделать снимки готовящейся Сони. К нам присоединяются подружки невесты, ее мама и двоюродные сестры. Комната внезапно заполняется до отказа, а Соня улыбается от уха до уха. Сажу и наблюдаю за тем,

как грусть задерживается на периферии моего настроения. В такие дни я не могу не скучать по маме. Она могла бы быть моей второй половинкой на этой свадьбе. И с удовольствием посмотрела бы, как я наряжаюсь. Она бы сказала мне, какая я взрослая, красивая и уверенная в себе. И вот, поскольку ее здесь нет, я говорю себе все это и пытаюсь в это поверить.

Свадебная церемония проходит на улице, перед яблоневым садом. Я иду к алтарю с Купером, а затем стою позади своей лучшей подруги, когда она становится женой. Белые гортензии рассыпаются по арке, под которой стоят Соня и Уэсли, обмениваясь клятвами. Наворачиваются слезы, и мне приходится на мгновение склонить голову и вытереть глаза, когда Уэсли обещает любить и беречь Соню вечно.

Следует час коктейлей, и я медленно потягиваю бокал шампанского. Не хочу выставить себя на посмеище во время последующей речи. Несмотря на присутствие большого количества гостей, чувствую себя не в своей тарелке. Я немного поболтала со старыми друзьями по колледжу: Аннетт и СиДжей такие же, какими я их помню, живут в Калифорнии и Вашингтоне соответственно, и у них все хорошо. Соню тянут во все стороны, она болтает, улыбается и позирует для фотографий. Купер и Саманта держатся от меня как можно дальше, что, вообще-то, предпочтительно. Ближе к концу фуршета ко мне подходит шафер, двоюродный брат Уэсли, и развлекает меня разговором. Он такой красивый, высокий и освежающе непринужденный. Ямочка на его правой щеке никогда не исчезает, такой он улыбочивый. В течение нескольких минут я пытаюсь дать ему шанс, в основном из любопытства. Может ли кто-нибудь отвлечь меня от одержимости профессором Барклаем?

Даже забавно, что я пытаюсь.

Речь для свадьбы Сони написана уже давно. В ту ночь, когда Уэсли сделал ей предложение, я начинаю вести дневник, в котором записываю свои идеи и мысли о том, что могу сказать ей в этот знаменательный день. Я заполняю страницы забавными историями и анекдотами из колледжа. Если натыкалась на совет по поводу брака, читала подходящий отрывок в книге или милую строчку из стихотворения, то добавляла ее в дневник. Каждый раз, когда она писала мне что-нибудь приятное об Уэсли, я добавляла это туда же. Сегодня утром, перед началом праздничного дня, когда мы с ней валялись без дела, я отдала ей дневник.

— Это вся моя речь, все, что я сказала бы, если бы у меня было на это десять часов.

Открыв обложку, она обнаружила нашу фотографию, приклеенную на первой странице. Она была сделана в тот день, когда мы переехали в общежитие для первокурсников и стали соседями по комнате.

— Позже, на приеме, я расскажу о том, как терпелива и добра любовь и как Уэсли повезло, что у него есть ты, но правда в том, что мне тоже повезло, что ты у меня есть. Ты была мне сестрой, кем-то, кого я принимала как должное снова и снова. Знаю, что наши отношения не всегда были легкими. Знаю, что иногда я крепкий орешек, но я так сильно люблю тебя, Соня. Ты не представляешь, как ты важна для меня.

Теперь, перед толпой гостей, я делюсь сокращенной версией этого дневника. Они узнают только основные моменты, приторно-сладкую версию того, почему Соня и Уэсли созданы друг для друга, историю их первого свидания, когда Соня примчалась домой и гордо заявила, что ее больше нет на рынке.

Ближе к концу речи, я поднимаю глаза от карточки, и мой взгляд притягивается к двойным дверям в задней части банкетного зала.

Мой желудок туго сжимается.

Сначала я не верю своим глазам.

Профессор Барклай стоит там, прислонившись к стене, скрытый слабым освещением.

Перед ним проходит официант, и я ожидаю, что он рассеется, как иллюзия, как песок, унесенный ветром, но он остается. Никто, кажется, не понимает его серьезности. Никто больше не оборачивается, чтобы посмотреть. Их внимание приковано ко мне и Куперу, а также к жениху и невесте, сидящим за главным столом.

Он одет в строгий черный смокинг, из нагрудного кармана которого выглядывает сложенный белый квадратик. На лице нет улыбки, вместо этого он смотрит на меня с тихим благоговением, наблюдает, как я заикаюсь и заканчиваю речь, полагаясь только на мышечную память.

— Мы все чувствуем себя счастливыми, что празднуем здесь с Уэсли и Соней, — говорю я, чувствуя себя как во сне. — Эти два человека действительно созданы друг для друга. Давайте поднимем наши бокалы за жениха и невесту и пожелаем им любви и счастья на всю жизнь. Выпьем!

Делаю глоток шампанского, и тут все аплодируют. Передаю микрофон Куперу и пытаюсь сосредоточиться на настоящем, но у меня не получается. Профессор Барклай на свадьбе Сони, хотя я его не приглашала, а снова и снова отталкивала его, хотя он мой босс, а я бывшая студентка, которую он не замечал, несмотря на то, что путь вперед сложен... он здесь.

Меня трясет от мощного коктейля из адреналина и остаточных нервов, вызванных необходимостью выступить перед аудиторией в несколько сотен человек. Всего на мгновение отвожу взгляд от Купера, возвращаясь к месту, где стоял профессор Барклай, но обнаруживаю, что его там уже нет. Немедленно начинаю осматривать толпу в поисках его, но тут Купер произносит мое имя, и я ругаю себя за то, что не уделяю больше внимания его речи. Он рассказывает историю о том, как Уэсли, Соня, он и я поехали в отпуск на пляж и были ужалены медузами. Я теряю нить. Понятия не имею, почему эта история имеет отношение к свадьбе Сони и Уэсли, но опять же, в данный момент я не самый лучший слушатель в мире.

Наконец, Купер заканчивает свою речь, и мы поднимаем бокалы с шампанским в честь Сони и Уэсли. Официанты плавно отправляются убирать пустые тарелки со столов, а отец Сони встает, чтобы занять наше место.

Мне ничего не остается, как занять свое место и постараться быть внимательной. Я сижу по левую руку от невесты и не хочу никого отвлекать от прослушивания речи. Заставляю себя переключить внимание на отца Сони, и, хотя послушно слушаю, не слышу ни единого слова. В голове гудит. Заламываю руки под столом. Аудитория смеется, и через полминуты я присоединяюсь.

Поздравления продолжают. После речи отца Сони, выступает отец Уэсли, и я скрежещу зубами. Затем диджей объявляет первый танец молодоженов, и мои глаза жадно блуждают по залу, но я не вижу профессора Барклая. Десертный стол и открытый бар, фотографии и гости... столик за столиком заполнены незнакомцами. Я начинаю терять веру в то, что вообще его видела.

Тем не менее отказываюсь от поисков, когда диджей приглашает гостей присоединиться к молодоженам на танцполе. Все участники свадебной вечеринки встают вокруг меня, и тут я чувствую, как чья-то рука касается моего плеча.

Ожидаю, что это будет двоюродный брат Уэсли, тот самый, с фуршета, который пытается в очередной раз привлечь мой интерес.

Вместо этого позади меня раздается знакомый голос.

— Потанцуешь со мной?

Мое сердце замирает, когда я оборачиваюсь. Профессор Барклай стоит там, во плоти, протягивая мне руку.

Если я встаю, то не осознаю этого. Если и позволяю ему вывести меня на танцпол, то только потому, что слишком ошеломлена.

Концентрируюсь на деталях, чтобы не быть слишком ошеломленной: на том, как идеально он укладывает волосы, по-особому, по-модному для такого случая, на едва заметном беспокойстве на его бровях, как будто ему тоже нелегко, на правде, которая так прекрасно видна в его ясных голубых глазах, что я удивляюсь, как не заметила ее раньше.

Он отводит меня в угол танцпола и обнимает своими крепкими руками, когда знакомые струнные инструменты вступают в низкий ангельский голос Эллы Джеймс в «At Last». Провожу руками вверх, пока не соединяю их на его шее.

«Жизнь похожа на песню», — говорит нам Элла, а профессор Барклай притягивает меня еще ближе, бедро к бедру, и мы плавно покачиваемся. Мое горло сжимается, когда я пытаюсь смириться с тем, что он здесь, обнимает меня.

— Не плачь, — говорит он мне, убирая одну руку с моего бедра, чтобы дотянуться до лица и смахнуть слезы большим пальцем.

— Я не плачу, — обещаю я, хотя доказательства налицо.

— Эмелия.

— Ты проделал весь этот путь. — Мои брови приподнимаются, когда меня осеняет осознание. — Как? Как ты узнал, где меня найти?

У него хватает наглости покраснеть, как будто он и так не самый очаровательный мужчина на свете.

— Сначала я был озадачен, но в своем личном деле ты указала Соню в качестве контактного лица для экстренной помощи. Я попросил свою помощницу позвонить ей и спросить о свадьбе. — Он улыбается. — Очевидно, было удобно, что именно она выходила замуж. Остальное... получилось само собой.

Смеюсь над простотой его довольно важного великого жеста.

— Я так счастлива, что ты здесь.

— Потому что иначе ты была бы одна на танцполе? — он язвит, пытаясь вызвать у меня улыбку.

— Да будет тебе известно, я бы не была одинока. Обещала танец дедушке Сони.

Он улыбается.

— Уверен, что он в любой момент придет за тобой. — Выражение его лица внезапно становится серьезным, хотя он продолжает дразнить меня. — Но не думаю, что смогу тебя отпустить.

Головокружительный взгляд, которым он смотрит на меня, способен растопить сердце любого циника.

— Проф...

Он сжимает мое бедро в знак протеста.

— Джонатан, — поправляюсь я.

— Скажи еще раз.

Не могу удержаться от улыбки.

— Джонатан, — повторяю я, на этот раз почти напевая, чтобы рассмешить его.

С этой толикой уверенности в себе я дарю ему свою честность.

— По правде говоря, я хотела, чтобы ты пришел, но была слишком напугана, чтобы пригласить тебя. Когда подняла глаза и увидела тебя на другом конце комнаты... это самое большое счастье, которое я испытывала за долгое время.

Это так смело, я никогда не вела себя с ним так. Последние несколько недель именно я ставлю между нами преграды, но он здесь, а значит, бежать больше нет смысла.

— Я сказал, что не буду форсировать события, — говорит он мне, — но чувствую, что у меня нет выбора. Невозможно избежать того, чтобы я не поставил на кон свое сердце. Я бы пожалел, что не пришел за тобой. Поэтому должен заявить о своих чувствах, и если после этого ты решишь, что все равно будешь счастлива с кем-то другим...

— Нет, — быстро говорю я, внезапно нуждаясь в том, чтобы он это знал.

Проходит секунда молчания, мгновение, когда наши глаза не отрываются друг от друга, и моя надежда на наше будущее повисает на краю пропасти.

— Я влюблен в тебя.

Он обрушивает на меня это откровение, как будто это не четыре самых важных слова, которые я когда-либо слышала.

Любовь.

Элла гордилась бы мной.

Открываю рот, собираясь ответить, но тут диджей говорит в микрофон:

— Давайте поприветствуем все пары на танцполе! Покажите, на что вы способны!

Его поддержка вызывает аплодисменты и крики, и Джонатан с озорной улыбкой берет меня за руку и мягко выталкивает одной рукой, прежде чем быстро закружить обратно и заключить в свои объятия.

Как только песня заканчивается, я слышу, как выкрикивают мое имя, и, обернувшись, вижу Соню, спешащую ко мне в своем белом платье.

Только сейчас до меня доходит, что все это время она знала, что Джонатан появится здесь, на ее свадьбе, и ни разу не намекнула мне на это. Я не злюсь, а впечатлена.

— Вижу, ты нашла себе пару, — говорит она, подмигивая.

Я прекрасно играю свою роль.

— Соня, ты помнишь Джонатана.

— Рад снова тебя видеть, — говорит он ей.

Она краснеет, встретившись с ним взглядом (не могу сказать, что виню ее), а затем кивает и улыбается.

— Я так счастлива, что ты смог прийти. Хотела бы я видеть лицо Эмелии, когда она поняла, что ты пришел сюда, чтобы сделать ей сюрприз.

— Вообще-то, я увидела его во время моей речи подружки невесты, — признаюсь я.

У нее отвисает челюсть.

— Ты шутишь! Джонатан, ты должен встретиться с Уэсли!

Джонатан смотрит на меня, и я киваю. С этого момента мы во власти невесты.

Глава 32

Эмелия

Позже тем вечером, поднимаясь на лифте в номер Джонатана, мы не разговариваем, но он прижимает меня к себе. Его рука лениво лежит на моей талии, прижимая меня, пока другие гости входят в лифт и выходят из него. Когда мы поднимаемся на верхний этаж, он ведет нас по коридору. Проведя карточкой-ключом, он толкает дверь и придерживает ее приоткрытой для меня, но, когда она закрывается с тяжелым стуком, он оставляет меня стоять в тамбуре, а сам идет к мини-бару.

Не знаю, как изменится динамика наших отношений, когда мы станем ближе. Интересно, всегда ли мы будем хотеть одного и того же, всегда ли мы будем подходить друг другу так, как сейчас? Тот простой факт, что я начала называть его Джонатаном, а не профессором Барклаем, важен сам по себе, но, хотя мы и становимся равными во всем остальном, я не уверена, что те же правила будут применяться в любых обстоятельствах.

Его номер вдвое больше, чем тот, в котором останавливаюсь я, шикарный, роскошный, на ступень выше. Должно быть, горничная подготовила постель ко сну, потому что горит лампа рядом с кроватью и торшер в дальнем углу. Света достаточно, чтобы не включать ничего другого, но он все равно угрюмый, заманчивый. Кладу свой клатч на консоль у двери и наблюдаю, как Джонатан наливает себе выпить. Жду, но он мне не предлагает. Хотя весь вечер он был вежливым джентльменом, сейчас это не так. Теперь он медленно помешивает напиток, не обращая внимания на то, что я жду, когда он закончит. Он медленно поворачивается и смотрит на меня, делая первый глоток. Ему не нравится. Он добавляет еще и снова перемешивает.

Остаюсь стоять у двери, играя в ту же игру, что и он.

Он делает еще один глоток, затем прижимает толстый хрустальный бокал к бедру. Когда он говорит, я очарована.

— Почему бы тебе не войти? — говорит он почти насмешливо.

— Ты меня не приглашал, — тихо говорю я.

Он одобрительно кивает, в выражении его лица играет некое хитрое озорство.

— Дело в том, Эмелия, что мне не нужно связывать тебя или приковывать, чтобы ты подчинилась. Ты склонна делать в точности то, что я говорю, и не просто подчиняешься мне, а делаешь это потому, что тебе это нужно так же, как и мне. Ты получаешь удовольствие оттого, что такая послушная девочка. Разденься для меня.

Должно быть, шок отражается в выражении моего лица, но он не смотрит на меня, чтобы узнать, что я думаю о его оценке или приказе. Джонатан неторопливо подходит к шезлонгу в углу комнаты, самому темному месту в номере. Он и близко не так освещен, как мне бы хотелось. У меня нет возможности разглядеть нюансы выражения его лица, нет возможности определить, раздражен он или доволен тем, что я все еще стою здесь и пытаюсь прийти в себя.

Знаю о его просьбе и о том, что он не станет повторять.

Он, кажется, доволен тем, что сидит там, как дьявол в черном, с бокалом в руке.

Проглатываю комок в горле и делаю шаг вперед на дрожащих ногах.

Мое платье длиной до пола и тяжелое, а благодаря молнии, расположенной посередине спины, я смогла надеть его только с помощью другой подружки невесты. Я подхожу к Джонатану и поворачиваюсь к нему спиной, чтобы он понял, что мне от него нужно. Он наклоняется вперед и осторожно тянет крошечную молнию вниз, пока она не касается основания моего позвоночника. Мягкая ткань расходится, когда он откидывается назад, давая мне понять, что остальное мне придется доделывать самостоятельно.

Поворачиваюсь к нему лицом, отходя на достаточное расстояние, чтобы он не мог дотянуться до меня, даже если бы попытался. Чувствую себя недостижимой, ценной вещью, поставленной на полку, которой можно любоваться, но к которой нельзя прикасаться.

Его глаза мерцают, когда спускаю тонкие бретельки платья с одного плеча, затем с другого. Я раздевалась подобным образом миллион раз, и все же это кажется новым, как будто никогда не чувствовала, как ткань скользит по моей коже. Мурашки пробегают по рукам, когда платье спадает и собирается на бедрах. Джонатан делает еще один глоток напитка, допивая его, а затем ставит стакан на стол, чтобы сосредоточить все свое внимание на мне.

Стягиваю одежду с бедер и позволяю ей упасть до конца и собраться на полу у моих ног. Я остаюсь в трусиках, лифчике без бретелек и туфлях на каблуках.

Не сомневаюсь, что ему нравится, как туфли смотрятся на ногах, но я все равно наклоняюсь и расстегиваю ремешки, снимая их с тихим вздохом облегчения. С босыми ногами чувствую себя лучше, меньше, да, но не менее сексуально.

Я заканчиваю и жду, когда он продолжит.

Что мне делать дальше?

Проходит долгое мгновение, пока я жду, затаив дыхание, но Джонатан просто сидит там со всем терпением на свете. Потом я внезапно понимаю, что еще не все. Я еще не закончила делать то, что он мне приказывает.

«Разденься для меня».

Облизываю губы, оттягивая время. Затем, пытаюсь скрыть дрожь в руках, тянусь назад и расстегиваю лифчик. На мгновение он замирает на месте, а затем соскальзывает вниз и приземляется поверх смятого платья. Стоя перед ним в одних трусиках, чувствую себя хрупкой и незащищенной, обнаженной и свободной.

Осознаю каждое движение, мои ребра поднимаются и опускаются с каждым тревожным вздохом.

Джонатан потирает нижнюю губу и наклоняется вперед.

— Иди сюда.

Не колеблясь ни секунды, переступаю через платье, лифчик и туфли на каблуках, быстро направляясь к нему и испытывая облегчение, когда он берет меня за бедра и усаживает к себе на колени. Прохладная ткань смокинга заставляет меня дрожать. Мы на

контрасте: одетый и раздетая, уверенный и нервная. Его руки скользят вверх и накрывают мою обнаженную кожу, поднимаясь выше, пока он не обхватывает шею сзади.

— Моя маленькая Эмелия. Твоя речь была прекрасна, — говорит он, делая мне комплимент. — Ты была прекрасна.

Я плыву, наслаждаясь его похвалой и наклоняясь вперед, чтобы украсть быстрый поцелуй.

Он позволяет это мгновение, а затем отстраняет меня обратно, разделяя нас ровно настолько, что мне становится холодно в гостиничном номере, и он должен это заметить. Прохлада в воздухе ощущается по всему телу, но он не двигается, чтобы придвинуть меня ближе или заключить в свои объятия.

Я страдаю, и ему это нравится, а значит, и мне. Сбивает с толку то, как все это работает, как неразрывно мы связаны друг с другом. Его удовольствие — это мое удовольствие, его боль — это моя боль. В моих прошлых отношениях это никогда так не работало, и знание этого, хотя и захватывающее, в то же время пугающее, вот почему мне требуется так много времени, чтобы смириться и открыться потенциальной боли.

— Я доверяю тебе, — говорю я ему, нуждаясь в том, чтобы он знал.

Доверие для меня так же важно, как и любовь. Доверие — это не поверхностное чувство, не то, чем можно поделиться с незнакомцами. Отсутствие семьи в жизни означает, что круг людей, которые мне дороги, чрезвычайно мал. На самом деле, я не уверена, что есть кто-то, кроме Сони, и из-за этого у меня так мало людей, на которых я могу положиться. Мне всегда казалось, что я против всего мира, но сейчас я сижу на коленях у Джонатана, обнаженная, и мне кажется, что я опираюсь на скалу. И хотя могу пошатнуться и споткнуться, он все равно будет рядом. Всегда.

Наконец он обхватывает шею, чтобы притянуть к себе для еще одного поцелуя, и на этот раз он не короткий. На этот раз они следуют один за другим, пока наши рты не понимают, что делать, и это не кажется таким же легким, как дышать. Мы становимся все более нетерпеливыми. Руки блуждают. Его теплая ладонь накрывает мою грудь, а мои пальцы перебирают его волосы.

Несправедливо, что он скрыт под барьером смокинга. Я стону от досады, а он хихикает, прижимаясь к моим губам.

Мне все равно, что я слышу, как рвутся швы, когда освобождаю его от галстука. Следующим идет пиджак, и, по крайней мере, на этот раз он помогает мне, выдергивая из него руки и отбрасывая в сторону. Он едва поспевает за мной, пока я расстегиваю пуговицы на его рубашке. Вскоре его гладкая, загорелая кожа становится подарком, который я принимаю с жадностью. Мои руки скользят по его груди, стягивая рубашку с плеч, пока я прокладываю дорожку поцелуев вниз по его груди, по грудным мышцам, обратно к ключице. Хочу впитать его тепло, стать его частью. Хочу получить беспрепятственный доступ к нему сегодня и каждую последующую ночь.

— Эмелия, — произносит он с мягкой усмешкой, переходящей в глубокий стон, когда я ерзаю у него на коленях.

Нелепость того, что мы так долго жили друг без друга, превращает этот момент в безумие. Что я делала, спя одна в своей квартире? Почему так долго сопротивлялась мысли о нас?

Займись со мной любовью. Займись со мной любовью. Займись со мной любовью. Первая фраза рождается в моей голове, но я воплощаю ее в жизнь, умоляя его, пока он не вынужден обхватить ладонями мои щеки, запрокинуть мою голову назад и посмотреть мне прямо в глаза.

— Скажи, чтолюбишь меня, — настаивает он.

— Я люблю тебя.

Слова срываются с моих губ, как будто они ждали этого всю мою жизнь.

— Еще раз, — надменно произносит он.

— Я люблю тебя, — говорю я, на этот раз более решительно, даже раздраженно. Разве ты этого не видишь? Разве ты этого не чувствуешь?

Моя искра зажигает его. То нетерпение, которое я испытывала мгновение назад, он испытывает сейчас, поцелуй за поцелуем, прикосновение за прикосновением. Его рука скользит в мои трусики, и я поднимаюсь на колени, чтобы позволить ему взять больше, почувствовать больше. Ничто не насытит меня, ничего не хватит. Его брюки сползают, и нас разделяет только хлопок и шелк, когда я снова сажусь на него сверху и двигаю бедрами, пытаюсь облегчить наши страдания.

Он запускает пальцы в мои волосы и откидывает голову назад, чтобы поцеловать меня в шею и ниже, в грудь. Мои трусики отодвинуты в сторону и нетерпеливо стянуты вниз. Встаю и освобождаю сначала одну ногу, затем другую. Он снова усаживает меня к себе на колени, крепко обхватывая мои бедра, а затем мы вместе двигаемся, раскачиваемся, задерживая дыхание от того, насколько это невероятно хорошо.

Я хочу, чтобы его боксеры исчезли.

Хочу достичь этого финального момента, чтобы испытать, каково это, почувствовать его внутри себя.

Кресло широкое, но недостаточно для такого рода занятий. Я начинаю падать назад, опрокидывая нас, а Джонатан смеется. У него нет другого выбора, кроме как упасть со мной, чтобы помочь смягчить удар, когда мы с грохотом заваливаемся на пол.

Мои руки работают торопливо, дергая за пояс его боксеров, стягивая их вниз так быстро, как только могу. Опускаю взгляд, и мои губы приоткрываются, когда смотрю на него, но у меня есть только мгновение, чтобы выразить свое одобрение, прежде чем он украдкой целует меня еще раз и начинает раздвигать мои ноги. Мы заключаем молчаливое соглашение, когда я позволяю ему устроиться на мне сверху. Притягиваю к себе еще сильнее, наслаждаясь его тяжестью. Он опускает руку между нами и наблюдает за моей реакцией, когда начинает прижиматься ко мне, осторожно, чтобы убедиться, что я все еще здесь, с ним, желаю этого. Мои ногти впиваются в его предплечья, пока я терплю момент неприятного напряжения, всего на волосок от боли, а затем оно ослабевает, и он замирает.

— Я люблю тебя, — шепчет он мне в волосы.

Все эмоции, которые копятся во мне в течение дня, больше нельзя сдерживать ни на минуту. Слезы, которые он смахнул на танцполе, возвращаются, когда он прижимается ко мне всем телом. Мы наслаждаемся этим чувством. Это настоящее блаженство. Затем он начинает медленно выходить из меня и снова входить, медленно, медленно, медленно, доводя нас до сумасшедшего ритма. Я говорю ему, что тоже люблю его.

Мы лежим на полу, на куче одежды, и его рука придерживает мою голову, чтобы смягчить удар, каждый раз, когда он двигает бедрами и попадает в точку внутри меня, от чего поджимаются пальцы на ногах. Я питаюсь его неутомимостью. Снова, снова и снова. Темп не снижается. Мы приближаемся к краю, и я вздрагиваю, когда он проникает слишком глубоко, вскрикиваю, когда его большой палец проводит у меня между ног, по тому самому месту, где нужно облегчение. Ногтями впиваюсь ему в спину, когда взрываюсь, покалывание бушует внутри меня, и он нарочно отстраняется, поднимает меня с пола и несет к кровати. Это пытка, и я говорю ему об этом, но он игнорирует мои жалобы. Пристально смотрит на меня, распростертую на одеяле, и я делаю то же самое. Он такой уверенный, стоит, не смущаясь своей наготы.

Он медленно обходит кровать, приближаясь сбоку. Не сообщает о своих намерениях, и мое сердце замирает, когда он подходит и встает рядом, протягивая правую руку, чтобы коснуться меня. Начинает с шеи, несомненно, чувствуя мой учащенный пульс. На мгновение он задерживает меня в этом положении, и я откидываю подбородок назад в знак согласия.

Нежными, как перышко, прикосновениями он медленно движется вниз по центру моего тела, по грудной клетке и животу, к пупку. Опускаясь ниже, он накрывает меня ладонью и погружает внутрь свой средний палец.

Прикусываю внутреннюю сторону щеки, выгибаясь, и низкое урчание в его горле дает понять, что ему нравится ощущать меня, свидетельство нашего занятия любовью покрывает его палец. Он рисует круги большим пальцем, но это слишком медленно. Намеренно он не дает мне того, что мне нужно.

Я едва не корчусь от досады, боли, страдания.

А потом его рука исчезает.

Открываю глаза, когда он заползает на кровать и поднимает меня, так что у меня нет другого выбора, кроме как забраться на него сверху, когда он ложится, перекидывая мои ноги через его колени.

— Не думаю, что смогу...

Я начинаю протестовать, но он не слушает.

В прошлом эта позиция никогда не подходила мне. Она всегда заставляет меня чувствовать себя слишком выставленной напоказ и уязвимой. И я не могу выкинуть это из головы, чтобы насладиться процессом, но, когда Джонатан крепко сжимает мои бедра, я понимаю, что именно этого он и хочет от меня. Я уже знаю, что с ним эта позиция будет работать так, как никогда раньше.

Может, я и сверху, но он все еще контролирует ситуацию. Задает темп, используя свои бедра и ладони, чтобы удерживать меня неподвижно, когда входит в меня. Борюсь с желанием закрыть глаза, поскольку ощущения становятся почти невыносимыми, потому что я возбуждаюсь от его вида. Он так красив, его волосы слегка взъерошены, а мышцы напрягаются и выгибаются, когда он держит меня в таком положении. Я в восторге от каждого его сантиметра.

— Покрути бедрам, — говорит он. — Откинься назад и держись за мои ноги.

Делаю, как он говорит, выгибаясь дугой, пока не обхватываю его мускулистые бедра чуть выше колен. Эта поза растягивает и удлиняет мое тело, что сводит его с ума.

Затем начинаю двигать бедрами вперед и назад, опираясь на него. Его рука возвращается к местечку между моих бедер. Мое тело уже готово, настроено, подчиняется ему. Когда кончаю во второй раз, это происходит внезапно, вспышка удовольствия настолько сильная, что я вскрикиваю. Я качаюсь на волнах до тех пор, пока не чувствую себя обессиленной.

И затем, так же внезапно, Джонатан садится, толкает меня обратно на кровать, вытаскивает член и сжимает в кулаке, кончая мне на живот. Только сейчас понимаю, что презерватива нет. У нас не было презерватива.

Это не должно быть так горячо, но это так, и когда его голубые глаза ловят мой взгляд, он видит, что мне это нравится. Выражение его лица такое лукавое, и я лежу совершенно неподвижно, позволяя ему откинуться назад и смотреть на меня. Какое зрелище. Я должна как-то прикрыться, привести себя в порядок и спрятать это постыдное удовольствие, но Джонатан ловит меня в ловушку, поэтому я остаюсь такой ради него, зная, что он этого хочет.

Чувствую, что принадлежу ему в каком-то плотском смысле. «Ты развратна», — шепчет мой внутренний голос, но я отказываюсь чувствовать себя виноватой из-за этого. Только не с Джонатаном.

Он протягивает руку, чтобы коснуться моего подбородка, нежно приподнимая его. Теперь, когда наши глаза встречаются, его взгляд смягчается.

— Я люблю тебя.

Почти отворачиваюсь, но он продолжает удерживать мою голову, заставляя терпеть тяжесть его чувств. Как человеку, изголодавшемуся по любви, мне неудобно принимать его любовь. Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к этому.

Мягко киваю, и он отпускает меня, поднимаясь с кровати.

— Не двигайся, — инструктирует он, исчезая в ванной, чтобы намочить полотенце в раковине, прежде чем вернуться ко мне. Протягиваю руку, чтобы взять его, но он сам вытирает меня, после чего помогает подняться.

Мы идем в ванную, и он включает душ, проверяя воду рукой. Я бесстыдно осматриваю его тело. Плавные линии спины, рельефные мускулы — это настолько похоже на искусство, и я удивляюсь, что он не из мрамора.

Молчу, и он не заставляет меня говорить, когда поворачивается ко мне спиной. Я присоединяюсь к нему в душе. Он жестом предлагает мне встать под струю, предоставляя мне возможность вымыться первой, пока он наблюдает. Я поворачиваюсь и позволяю теплой воде стекать по груди. Затем отхожу в сторону и намыливаю волосы шампунем, пока он начинает мыться. Я дрожу, и он замечает это, притягивая меня ближе к себе, чтобы разделить с ним воду.

Улыбаюсь, и он целует меня в щеку.

— Ты в порядке? — шепчет он.

Я хмурюсь.

— Конечно.

Он выглядит успокоенным.

— Просто хочу быть уверен. То, что мы только что сделали, для меня выходит за рамки нормы. Я всегда был чрезвычайно осторожен с прошлыми партнерами. Ты принимаешь противозачаточные средства?

— Нет.

Жду, что он вздрогнет от ужаса, но он просто кивает.

Проходит немного времени, и он как ни в чем не бывало говорит:

— Я хочу детей.

Мое сердце трепещет в груди, и я поворачиваюсь лицом к воде.

— Я тоже.

Он подходит сзади, прижимая меня к своему телу, и обхватывает руками мой живот. Его губы касаются моего плеча, и он шепчет мое имя. Закрываю глаза и стараюсь не плакать. Все это так ошеломляет. Иногда кажется, что хорошего слишком много.

Мы спим в его постели, делим одеяло, успеваем немного отдохнуть, а затем наши тела снова прижимаются друг к другу. То, что было новым всего несколько часов назад, уже кажется немного знакомым. Я осознаю, что мое тело строит в нем дом, место, где можно отдохнуть моей усталой голове.

Я просыпаюсь оттого, что Джонатан убирает волосы с моего лица.

— Уже поздно. Нам скоро нужно ехать в аэропорт, и они только что доставили завтрак.

Стону от утреннего света. Мне нужен еще час сна, а если не час, то хотя бы еще десять минут.

— Эмелия... — говорит он со смехом, когда я глубже зарываюсь под одеяло.

— Прошлой ночью ты не давал мне спать, — возражаю я, возлагая вину на него.

Его прикосновение исчезает, и я неохотно открываю глаза.

Он стоит рядом с кроватью, одетый в серый костюм. Уже принял душ. И выглядит жизнерадостным, похожим на Джеймса Бонда.

— Как давно ты не спишь?

— С шести, — говорит он. — Мне нужно было ответить на несколько звонков. Я заказал еду в номер. Иди поешь, пока еще горячее.

Стесняюсь, что на мне абсолютно ничего не надето. Джонатан понимает, кивая в сторону телевизионной тумбы.

— Я велел им принести твои вещи. Надеюсь, ты не возражаешь.

Возражаю? Я безмерно благодарна за то, что мне есть что надеть.

Он поворачивается, чтобы пройти в гостиную, давая мне время подбежать и вытащить трусики. Но это единственное уединение, которое я получаю. Теперь он наблюдает, пока я роюсь в сумке в поисках лифчика. Моя кожа вспыхивает, но под этим поверхностным чувством застенчивости что-то оживает от того факта, что он не может не смотреть на меня.

Очевидно, после прошлой ночи, всех тех часов, которые мы провели вместе, было недостаточно.

Надев бюстгальтер и джинсы, я оглядываюсь на него через плечо, и он пытается скрыть тайную улыбку, поворачиваясь и протягивая руку за газетой, сложенной рядом с нашим завтраком.

— Что у тебя запланировано на сегодня? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал непринужденно.

— Помимо того, чтобы отвезти тебя домой? Ничего особенного. Позже должен провести несколько часов за рабочим столом, но ничего такого, что не могло бы подождать.

— Отвезешь меня домой? — спрашиваю я с любопытством.

— Я забронировал для тебя место на своем рейсе.

Он говорит это как ни в чем не бывало, но я чертовски хорошо знаю, что буду сидеть рядом с ним в первом классе, потягивая шампанское и наслаждаясь сантиметрами дополнительного пространства для ног.

— Тогда я отменю свой.

Он кивает, пролистывая газетные разделы, пока не останавливается на бизнесе.

— Мы могли бы поужинать вместе? — предлагаю я. — Если, конечно, тебе не нужно работать.

Он улыбается, но не поднимает глаз. Думаю, он пытается вести себя так, будто это не имеет большого значения, что мы начинаем сплетать наши жизни воедино.

— Да. И я бы хотел, чтобы ты осталась на ночь, — добавляет он.

Внутри я так счастлива, что готова завизжать.

— Ладно. Мне только нужно взять несколько вещей из квартиры.

Он, наконец, поднимает на меня взгляд.

— Не бери маленькую сумку. Так будет проще. У меня так мало времени в течение недели, и я бы предпочел не тратить его впустую, заставляя тебя мотаться туда-сюда.

— Хорошо. — Я подмигиваю. — Возьму большой чемодан.

Глава 33

Джонатан

Один месяц спустя

Черт возьми, я опаздываю. Сегодня вечером в Нью-Йорке состоится сбор средств на стипендию для выпускников Сент-Джонса. Эмелия прилетела на несколько дней раньше, чтобы провести время с Соней. Тем временем мне пришлось приковать себя к рабочему столу в Бостоне, и даже сегодня я пропустил свой первый рейс из-за затянувшейся встречи. Хотя это и не входило в первоначальный план, я встречу с Эмелией на благотворительном вечере вместо того, чтобы сопровождать ее туда.

Мероприятие проходит в бальном зале отеля «Баккара». Поднявшись в наш номер на 49-м этаже, я быстро собираюсь, используя зеркало в ванной, чтобы завязать галстук-бабочку. Косметика Эмелии и расческа для волос разбросаны по тумбочке. Большая черная шкатулка с драгоценностями стоит открытой и пустой рядом с раковиной. Я улыбаюсь, думая о том, как она, должно быть, удивилась, обнаружив ожерелье, ожидающее ее в комнате по прибытии. «Наслаждайся Нью-Йорком, любовь моя» — гласила сопроводительная записка.

Ожерелье мне подобрал ювелир, пока я искал обручальное кольцо для Эмелии. Я хочу что-нибудь старинное и неподвластное времени, предпочтительно камень из Шотландии, на поиск которого уйдет некоторое время, поэтому я уже этим озабочился. Эмелия сочла бы меня сумасшедшим, если бы узнала, что я уже готовлю предложение. А может, и нет. Мы говорим о нашей совместной жизни, о будущем, которое хотим разделить.

Мы быстро адаптировались к новизне наших отношений.

Совместное пребывание в офисе, хотя поначалу и было неловким, оказалось чрезвычайно удобным. Мы каждый день вместе обедаем и ездим в офис и обратно, когда позволяет мой график. Я никогда не переступаю с ней границы дозволенного на публике, но иногда, когда не могу удержаться, зову ее к себе и удовлетворяю свое желание обладать ею. Я знаю, как сильно ей это нравится, потому что она не стесняется сообщать мне об этом. И все же этого никогда не бывает достаточно. Мне нужно постоянное напоминание о ней. Думаю, обручальное кольцо на моем пальце поможет в этом.

Сбор средств стартовал почти час назад. Скоро начнется ужин, и я уже достаточно надолго оставил Эмелию одну в комнате, полной волков. Я благодарен, что у нее, по крайней мере, есть Эммет и Александр, хотя в последнее время первый гораздо надежнее второго.

Я заканчиваю с галстуком и поправляю смокинг, прежде чем направиться к двери. Поездка на лифте занимает больше времени, чем я привык. Отель битком набит выпускниками Сент-Джонса. В вестибюле я киваю знакомым и игнорирую приглашения поболтать, направляясь в бальный зал.

Свет достаточно тусклый, поэтому мне будет нелегко сразу заметить Эмелию в бальном зале, и это меня раздражает. Я нетерпелив. Весь день. Это самая долгая разлука за последние недели. Эмелия находится рядом со мной каждый день с момента нашего возвращения со свадьбы Сони. Если мне нужно посетить поместье Белл-Хейвен, она сопровождает меня. Если мне приходится проводить дополнительное время в офисе, она часто тоже остается, работая или читая в моем кабинете. Она ночевала в своей квартире только один раз и позвонила мне перед сном, сожалея о своем решении.

Обхожу комнату и продолжаю утомительную рутину проскальзывания мимо знакомых, пока наконец не замечаю ее.

Она просто чудо в своем изумрудно-зеленом платье, которое я помог ей выбрать, зная, что она наденет его вместе с новым ожерельем. Это кольцо из изумрудов овальной огранки и бриллиантов огранки «Маркиза». Мой ювелир приобрел его у торговца антикварными украшениями в Швейцарии. Оно датируется XIX веком.

Она стоит одна, рассматривая аукционные лоты. Подхожу к ней как раз в тот момент, когда она заканчивает вносить свое имя рядом с начальной ценой в 250 долларов за ужин на двоих в ресторане Магеа за столом шеф-повара. Не сомневаюсь, что к концу вечера стоимость ужина перевалит за десять тысяч долларов, а может быть, и за двадцать. Я обязательно вернусь позже, прежде чем уйти, чтобы убедиться, что мы его получили.

— Всегда хотел там поесть.

Мой голос удивляет ее.

Она роняет ручку и оборачивается, ее глаза горят от возбуждения. Наклоняюсь для поцелуя, прежде чем сказать ей, что она прекрасно выглядит, и моя рука остается на ее бедре, когда оттаскиваю ее от аукционного стола. Буду держать ее за руку всю ночь, я знаю это. Эти несколько дней разлуки были слишком тяжелыми.

— Ожерелье... Джонатан.

В ее тоне звучит упрек, когда она дотрагивается до изумруда.

— Это реликвия. Я не мог пройти мимо.

Она дразняще закатывает глаза.

— Большой коллекционер драгоценностей, да?

— Это мое новое хобби.

— Ну, это, конечно, прекрасно. Как раз то, что я бы выбрала для себя, если бы на моем банковском счете было еще несколько нулей.

Смеюсь и веду ее к бару, чтобы взять что-нибудь выпить. Я спрашиваю ее, не хочет ли она чего-нибудь, но она качает головой.

— Я уже выпила коктейль и съела легкий ланч. Мне следует держать себя в руках. — Она хмурится брови, когда смотрит на что-то через мое плечо. — Кто эта женщина, разговаривающая с Эмметом? Она красивая.

Поворачиваюсь и прослеживаю ее взгляд через всю комнату, чтобы увидеть миниатюрную брюнетку в черном платье без бретелек. Эмелия права, она красива, женственна, но с изюминкой, в этом она похожа на Эмелию. Она едва достает Эммету до плеч, но не выглядит запуганной. Эммет тем временем выглядит замороженным.

Еще мгновение изучаю ее черты, прежде чем сдать ся.

— Я ее не узнаю.

— В самом деле? Я бы хотела с ней познакомиться, кем бы она ни была... Эммет выглядит так, словно хочет проглотить ее целиком.

Я хихикаю.

— Его спутница? — недоумевает она.

— Может быть. Если нет, то она, должно быть, выпускница Сент-Джона.

— Это Лейни Дэвенпорт, — сообщает Александр, подходя к нам и слыша окончание нашего разговора. — Ты ее не узнаешь?

Я качаю головой.

Он пожимает плечами.

— Да, она слишком молода, чтобы вы пересекались в школе. Она ближе к возрасту Эмелии.

Смотрю на свою спутницу, и она подмигивает. Разница в возрасте нас устраивает. Мы бы не хотели, чтобы было по-другому.

— Эммет влюблен в нее, — добавляет Александр, как будто это информация, которую должен знать каждый.

Глаза Эмелии заинтригованно расширяются.

— Значит, они встречаются? Я не знала.

Он смеется.

— Боже, нет.

Интересно.

— Они друзья? — интересуется Эмелия, явно заинтригованная этой парой.

— Тебе придется спросить Эммета. Итак, куда вас посадили на ужин?

— Одиннадцатый столик, — говорит Эмелия. — Я нашла карточку на месте чуть ранее.

Он хмурится.

— Черт. Я за седьмым. Пойду посмотрю, смогу ли поменяться. Не выдержу этот ужин в одиночку. Скоро вернусь.

Он исчезает в толпе как раз в тот момент, когда бармен заканчивает готовить мой напиток, затем я спрашиваю Эмелию, не хочет ли она продолжить просмотр аукционных лотов перед ужином.

— Да, — отвечает она с задорным видом. — Я прошла только половину. Так интересно посмотреть, на что богатые люди тратят свои деньги.

Здесь и ювелирные украшения, и спа-процедуры, и дизайнерские сумки. Ничего не привлекает мой взгляд, но, честно говоря, я и не обращаю особого внимания. Это был долгий день, и хотя это мероприятие важно, и я рад его поддержать, но также хотел бы оказаться наверху, наедине с Эмелией в гостиничном номере. Хочу заново познакомиться с ней сегодня вечером, выспаться завтра утром, а потом, не торопясь, покинуть город. Эмелия купила нам билеты на дневной спектакль на Бродвее, когда узнала, что я еще не видел «Гамильтона». Перед этим мы встретимся с Соней и Уэсли за поздним завтраком, а затем, если будет время, прогуляемся по городу. Здесь так много исторической архитектуры. Эмелия хочет показать мне особняк, мимо которого она каждый день ходила на занятия в магистратуру Нью-Йоркского университета. Она знает, что мне это понравится.

Когда мы проходим мимо объявления об аукционе по аренде жилья для отпуска, это напоминает мне о том, что я изучал ранее во время полета, о том, что планировал в течение последних нескольких недель.

— Я планировал поездку для нас на конец весны, — говорю я ей. — Мой турагент уже все подготовил.

Внимательно слежу за ее реакцией, но мое откровение не отвлекает ее от текущей задачи. Она все еще просматривает лоты, и ее «О?» в лучшем случае звучит приглушенно.

— В конце апреля меня ждут в Париже по работе. Оттуда достаточно легко добраться до Шотландии. Я бы хотел увидеть Данлани, посмотреть, какую работу нужно проделать.

Внезапно она поворачивается и смотрит на меня, ошеломленная.

— Данлани... — медленно повторяет она.

Киваю, с трудом подавляя улыбку.

— Да. Думаю, пришло время нанести туда визит.

Она лишь моргает, пытаясь не отставать, пока я продолжаю.

— Ты выразила желание увидеть, как замок приводится в порядок. И не вижу смысла откладывать проект еще больше, поскольку его завершение займет довольно много времени. Тем не менее я уже начал составлять график строительства, который позволит нам занять часть дома, в то время как мы продолжим работу в другом месте. Я знаю в Англии несколько хороших бригад по сохранению архитектуры, которые были бы готовы взяться за этот проект. «Бэнкс и Барклай», конечно, будут консультировать из Штатов, но я думаю, что имеет смысл...

Она приподнимается на носочки и целует меня, прежде чем я успеваю закончить мысль. Это так страстно и сладко, как будто она дарит мне частичку своей души.

Когда она отстраняется, ее рука крепко сжимает мою. Понимаю, как это важно для нее. Мы так много говорили о ее прошлом, и, хотя я не могу его исправить, мне хотелось бы вернуть Эмелии этот маленький кусочек ее детства. Я хотел бы помочь залечить раны, нанесенные девочке, которая строила самые разные предположения об отце, которого никогда не было рядом, девочке, которая слишком рано оплакивала потерю матери. Не последнюю роль в этом играет и Кэтлин. Она — человек, который оберегал и лелеял Эмелию больше всего. Я в неоплатном долгу перед ней. Данлани — это только начало.

Работа предстоит сложная и объемная, но я с нетерпением жду начала, особенно зная, что Данлани станет местом, которое мы будем посещать вдвоем, а через несколько лет и всей семьей.

— Я связывался с мистером Пармером, восстановил его в должности садовника, и он также будет выполнять функции связующего звена во время строительства, чтобы кто-то постоянно следил за проектом.

Ее нижняя губа подрагивает.

На мгновение она выглядит почти обеспокоенной.

— Ты счастлива, любовь моя? Я не хотел действовать через тебя.

Она кивает, но молчит.

Знаю, она потрясена, и, возможно, я мог бы найти более подходящее время, чтобы сообщить ей эту новость, но не мог ждать. Я и так слишком долго хранил этот секрет. Я хотел рассказать ей об этом сразу же, как только планы были разработаны.

Надеюсь сделать ей предложение в Данлани этой весной. Мы начнем зарождать там жизнь, новые воспоминания затмят старые.

— Спасибо, — наконец шепчет она.

В уголках ее глаз прячутся слезы.

Сейчас она так сильно напоминает мне девушку за моим окном в Дартмуте, девушку, которая никогда не переставала привлекать мое внимание. Эмелия по-прежнему полна противоречий, ее подстегивает молодость, но отягощает застарелая боль. В ней так много от прошлого, остаточных механизмов преодоления и страхов, и я только начал понимать нюансы ее настроения, едва уловимые изменения в выражении ее лица.

Сейчас она так же опьяняет, как и когда я изучал ее через окно своего кабинета. Когда-нибудь я поделюсь с ней правдой, историей о том, как впервые увидел ее. «Любовь с первого взгляда», — заявлю я. Она покраснеет и попытается преуменьшить значение этого, но я-то знаю правду.

Нам суждено было быть вместе, Эмелия.

— Мы восстановим Данлани вместе, — обещаю я ей сейчас, крепко держа за руку.

— Хорошо, — говорит она, смахивая слезы и одаривая меня душераздирающей улыбкой. Она озаряет ее черты, когда она наклоняет лицо для очередного поцелуя. — Вместе.